

РУСКАЯ СТАРИНА.

РУСКАЯ СТАРИНА.

КАРМАННАЯ КНИЖКА

ДЛЯ

ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО,

НА 1825 ГОДЪ.

ИЗДАННАЯ

А. КОРНИЛОВИЧЕМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1824.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсказаннѣ были въ Цензурный Комитетъ, семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, августа 9 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Ни объ одномъ изъ нашихъ Государей не писали сколько, сколько объ Императорѣ Петрѣ первомъ; но не смотря на это, царствованіе его принадлежишь къ числу малозвѣстныхъ въ Руской исторіи. Я старался объяснить, какии образомъ онъ вводилъ между предками нашими правила европейскаго общежитія: успѣлъ ли я въ этомъ или нѣтъ, предоставляю на судъ публики.

По желанію Гг. Издателей Полярной Звѣзды написалъ я

для нихъ спашью о первыхъ ба-
лахъ въ Россіи. Лесный отзвъвъ
о ней особъ, копорыхъ миѢніемъ
я дорожу, побудилъ меня къ про-
долженію начатаго. Въ первомъ
опдѣленіи Руской Старины чи-
пашели увидяпть плоды сихъ шру-
довъ. Для повѣрки сказаннаго
мною и для облегченія пѣхъ, кои
захопѣли бы слѣдовапть по шому
же пуши, означены въ концѣ ис-
почники, коими я пользовался.

Второе опдѣленіе написано г.
С., воинственнъмъ пишомцемъ
знаменишаго Дона. Оно заклю-
чаетъ въ себѣ общежитіе Дон-
скихъ казаковъ въ XVII и XVIII
вѣкахъ. Авторъ пользовался со-
временными акшами и опчаспи

преданіями, копорья еше свѣжи въ народѣ, сильно привязанномъ къ родинѣ и потому свято сохраняющемъ память о прошедшемъ.

Въ объявленіи о Руской Старинѣ обѣщана была вишьешка. Наводненіе, постигшее Цепербургъ въ прошломъ мѣсяцѣ, повредивъ домъ гравера, которому поручено было ее сдѣлать, уничтожило его труды и опняло у него возможность начать оный снова. Надѣюсь, что Публика извинитъ меня въ сей невольной не исправности.

Я намѣренъ былъ украсить изданіе это каршинками, представивъ изображенія нѣкоторыхъ лицъ, костюмы ихъ, и пр.; но

время и обстоятельства не позволили мнѣ сего исполнить. Если Русская Старина будетъ принята благосклонно, и ничто не помѣшаетъ мнѣ продолжать сего изданія; то надѣюсь къ будущему году придашь этой книгѣ лучшей наружный видъ.

А. К.

С. Петербургъ.
Декабря, 1824.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

НРАВЫ РУСКИХЪ ПРИ ПЕТРѢ I.

И однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни: все Его началомъ имѣеть, и чтобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпашь будущъ.

Журналъ Ив. Ив. Неплюева.

РУСКАЯ СТАРИНА.

.....

О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I.

Вы не разъ удивлялись Петру I, вы слушали со вниманіемъ рассказы о подвигахъ его на полѣ брани, о его неушомимости въ дѣлахъ государственныхъ, его постоянной любви къ Россіи. Вы съ равнымъ участіемъ видѣли его въ холстинной курткѣ плотникомъ на Заандамской верфи, попомъ побѣдителейъ подъ Полтавою во время его шріумфальнаго въѣзда въ Москву, и наконецъ, по заключеніи Нейштадтскаго мира, торжественно принимающимъ

благодарность народа. Но любопытство ваше завлекло васъ далье. Вы сдѣлали мнѣ вопросъ: какая была частная жизнь Петра I? Покажите мнѣ его, говорили вы, не повелишелемъ многочисленнаго народа, а гражданиномъ, въ домашнемъ быту, посреди его семейства. Какія были его частныя занятія, его домашнія забавы?

Вошь мой отвѣшь.

Императоръ Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недоспашки, занятія его по дѣламъ государственнымъ и частныя, копорымъ онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носитъ на себѣ оппечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда не усшающей дѣя-

шельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія.

Начинаю описаніемъ его наружности. Петръ Первый былъ слишкомъ 2 аршинъ 14 вершковъ ¹⁾, и сколько отличался ростомъ отъ другихъ что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Заандамъ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на шамошней верфи, унижали дѣшей своихъ отъ шалосшей, грозя гнѣвомъ *высокаго плотника изъ Московіи* ²⁾. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лице круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, Королемъ Польскимъ, въ

Биржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подашь себѣ шпуку сукна и бросивъ ее вверхъ, коршикомъ прорубилъ оную на воздухъ 3). Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свершывалъ въ шрубку по двѣ серебряныя шарелки вдругъ, и пошомъ между ладоньми сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, оспанавливалъ рукою мельничныя крылья, чшобъ лучше разсмошрѣшь механизмъ нѣкоторыхъ частей. Впрочемъ, однажды Петръ чунь было не заплашилъ жизнь за подобную самонадѣянность. Эшо случилось въ 1717 году, въ Упрехшѣ на шелковой фабрикѣ купца фанъ Моллема 4). Дабы узнать быспрошу воды, приводившей въ обращеніе колеса фабрики, Государь вздумалъ было во время дѣйствія оныхъ оспановишь самое боль-

шое колесо; но оно подняло его, и вѣрно Петръ сдѣлался бы жертвою своего любопытства, еслибъ одинъ изъ бывшихъ шуть работниковъ, схвативъ его обѣими руками, не оторвалъ насильно опть колеса. Походка его, обыкновенно скорая 5), дѣлалась еще скорѣе когда онъ занявъ былъ какою нибудь мыслию или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при Россійскомъ дворѣ, а именно Цесарскій посоль Графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласился лучше выдержавъ нѣсколько сраженій, нежели пробывъ у Царя два часа на переговорахъ; ибо долженъ былъ, при всей шучности шѣла, бѣгавъ за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ общесствахъ, на праздникахъ, кошорые

давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность: но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умеренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣпомъ б) черный бархашный карпузь или треугольная поярковая шляпа, французскій кафшанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Серикова, шафшяные камзолъ и нижнее плашье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными или стальными пряжками. Зимой пошъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархашнаго карпуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ 7), вмѣсто суконнаго кафшана надѣвалъ другой изъ красной машеріи, въ коемъ переднія полы подбишы были соболями, а спинка

и рукава бѣличьимъ мѣхомъ 8), и вмѣсто
 кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ
 сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь не
 охотно разсѣивался съ сею простошою,
 и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ
 Парижѣ, гдѣ въ молодость Лудовика
 XV пышность и часныя перемѣны въ
 одеждѣ сосѣвляли опличительную
 черту людей лучшаго обществва. При-
 ѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый
 парадный парикъ: ему принесли сдѣ-
 ланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій
 съ длинными кудрями. Государь обрѣ-
 залъ его по мѣркѣ прежняго своего па-
 рика 9), такъ что онъ едва только
 прикрывалъ волосы. Нарядъ его, со-
 стоявшій изъ кафшана безъ галуновъ,
 манишки безъ манжешъ, корошкаго па-
 рика, шляпы безъ перьевъ и черной
 кожаной поршупен черезъ плечо, до
 того опличался отъ прочихъ, что,

спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у Парижанъ въ моду подъ названіемъ: *habit du tzar* или *habit du farouche*. Случалось иногда, что при аудіенціяхъ или въ большихъ церемоніяхъ онъ являлся въ одеждѣ, болѣе приличной празднуемому торжеству; но всегда при окончаніи онаго тотчасъ ее сбрасывалъ. Были однакожь дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкошорою пышностію: шакъ напри- мѣръ, при спускахъ кораблей, Пётръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ шишомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи Императрицы Екашерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродешуровый кафшанъ, шишый серебромъ самую Государынею ¹⁸). Ког-

да она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафшанъ въ руки, и взглянувъ на шипье, пряхнуль имъ, ошъ чего нѣсколько канишели осыпалось на полъ: « Смотри, Кашенька, » сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блесшки, « слуша га смешешъ эшо вмѣспѣ съ соромъ « а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдаша. »

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливосшь во всемъ, что касалось до него собсшвенно, и могъ ли онъ жить распочисельно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ Новгородской губерніи? ¹²⁾ Въ первое путешствіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнишо съ небольшою свисою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ шракширѣ и попребовалъ ужинашь. Ему дали 12 яиць, сыру, ма-

сла и двѣ бушылки вина. Когда надлежало расплачивашься, пракширщикъ, вѣроятно узнавъ кто былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплапиль сѣи деньги, но не могъ забить этой издержки, и угощая въ Петербургѣ прѣзжавшихъ на судахъ Голландцевъ, всякій разъ почти съ упреками напоминалъ имъ о корыстолобїи Нимвегенскаго пракширщика ¹³). «Мнѣ «мошашъ не изъ чего,» говаривалъ онъ въ другое время; «жалованья за- «служеннаго у меня не много, а «съ государственными доходами на- «дежишь поступашъ оспорожно: я «должень опдашь въ нихъ опчешъ «Богу» ¹⁴). Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплапанныхъ и чулкахъ, штопаныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно плашье,

и въ 1723 году давалъ Персидскому послу Измаиль-Бегу опшускную аудіенцію въ шомъ самомъ голубомъ кафшанѣ, съ серебряными нашивками по боршу, въ кошоромъ 1717 года явился въ первый разъ къ Французскому Королю Лудовику XV 15).

Ѣздилъ онъ лѣпомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь съ двумя деньщиками, однимъ, кошорый сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ 25 маія 1723 года 16), удивилъ онъ Пешербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго опрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фэшонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ

либреѣ. Онѣ поѣхалъ за городъ на встрѣчу князю Гр. Оед. Долгорукому и графу А. Г. Головкину, которые пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иносѣанныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными Европейцами. Петръ, остановившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были значившія особы, и шутъ, передо всѣми, изъявивъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и утонченной образованности.

Таже просмолла, какую наблюдалъ Царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. «Если хотите остаться мои-

« ми друзьями, « говорилъ онъ Заандам-
 « скимъ корабельщикамъ въ 1698 году¹⁷⁾,
 « по обходишесь со мною не какъ съ
 « Царемъ; иначе я не буду ученикомъ
 « вашимъ. Я ищу не почестей, но по-
 « лезныхъ знаній. Оставьте всѣ це-
 « ремоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ
 « милѣе, нежели несносное принужде-
 « ніе, кошораго требуетъ свѣтъ.» Ука-
 « зомъ отъ 30 декабря 1701 года, раб-
 « ское обыкновеніе предковъ нашихъ
 « повергаться на землю или падать
 « на колѣни при встрѣчѣ съ царствую-
 « щими особами, было замѣнено по-
 « клономъ¹⁸⁾. Бывало, если на ули-
 « цѣ кто нибудь изъ проходящихъ, по-
 « клонившись останавливался передъ
 « Государемъ, онъ подходилъ къ нему, и
 « взявъ за кафшанъ, спрашивалъ: « чего
 « шы? » и если шопъ отвѣчалъ ему,
 « что остановился изъ уваженія къ его

особѣ: « эхъ брашь, » продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: « у « шебя свои дѣла, у меня мои; за чѣмъ « спрашивъ время по пущому; спущай « пай своей дорогой » 19). Запрещено было въ письмахъ къ Государю называться словомъ *холовъ*, давалъ себѣ уменьшительныя имена Ивашки, Мипьки и ш. п., или снималъ шапки предъ царскимъ дворцемъ, какъ сіе водилось въ старину, и теперь еще въ обыкновеніи у насъ въ нѣкошорыхъ дворянскихъ домахъ для крестьянъ, приходящихъ на барскій дворъ. « Какое « различіе между Бога и Царя, когда « воздавать будущъ равное обоимъ почтеніе? » говорилъ онъ при семъ случаѣ 20). « Къ чему уничижать званіе, « безобразить достоинство человѣка? « оказывать дому моему въ жестокіе « морозы безплодную почестъ, обна-

« жая голову, вредно для здоровья, ко-
 « шорое милѣе мнѣ въ подданномъ вся-
 « кихъ пустыхъ поклоновъ. Менѣе ни-
 « зосши, болѣе усердія къ службѣ и
 « вѣрносши къ государству и ко мнѣ —
 « вопъ почесши, копорыхъ я хочу. »

Вообще не было человека настойчи-
 вѣ Петра въ церемоніальныхъ эпи-
 кетахъ; но съ другой стороны, не
 лзя было обходиться съ людьми оп-
 кровеніе и дружелюбие въ частной
 жизни.

Вошь примѣръ, какъ онъ мало чи-
 нился съ особами, копорыхъ даже со-
 всѣмъ не зналъ. Находясь въ Парижѣ,
 онъ хотѣлъ видѣть заведеніе Сень
 Сиръ для воспитанія дворянскихъ дѣ-
 виць, и основательницу онаго госпо-
 жу Меншенонъ, копорая нѣкогда упра-
 вляла Лудовикомъ XIV и всею Фран-
 ціею, и въ шо время проводила послед-

нѣ годы своей жизни въ сей обителѣ
 покоя ²¹). — Ему сказали, что Г-жа
 Меншенонъ почла бы за счастье видѣшь
 его, но что она лежитъ больная, и
 попому не можеть принимашь ника-
 кихъ посѣщеній. « Это немѣшаетъ, »
 ошвѣчалъ Государь; « я ей не буду въ
 « шягосшь; мнѣ надобно ее видѣшь; она
 « много принесла услугъ Королю и
 « Франціи, хотя увлекаясь суевѣріемъ
 « и дѣлала глупости, гнавъ проше-
 « шаншовъ. » Съ сими словами по-
 ѣхалъ онъ въ Сень-Сиръ, вошелъ не
 сказавшись въ комнату Меншенонъ,
 опдернулъ занавѣсы ея кровати, дру-
 жески поклонился больной, и сѣвъ на
 постель у ногъ ея, « извините, » ска-
 залъ онъ ей, « что я пріѣхалъ не
 « во время и можеть бышь не соблюлъ
 « всѣхъ формъ приличія, являясь къ вамъ;
 « но я прибылъ въ вашъ край, чтобы

« видѣшь все замѣчательное въ Парижѣ и
 « въ Версали: въ шакомъ случаѣ могъ ли
 « уѣхать изъ Франціи, не изъяснивъ вамъ
 « моего уваженія. » За симъ, не давъ ей
 отвѣчать и не спуская съ нее глазъ,
 спросилъ у нее: Чѣмъ она нездоро-
 ва? « Болѣзнь моя есть спаросшь, »
 отвѣчала встревоженная Меншенонъ
 слабымъ голосомъ. « Мы все рано или
 « поздно пошерпимъ ошь нее, » ска-
 залъ Монархъ, вспаль, пожелалъ ей
 выздоровленія, и поклонившись, вы-
 шелъ вонъ.

Въ Пешербургѣ Царь былъ шоже, что
 отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ
 крестилъ у однихъ, при чемъ родильни-
 цамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ
 голову, по рублю серебромъ; пировалъ
 съ другими; плясалъ на свадьбѣ у ша-
 кого-то и ходилъ за гробомъ у инаго.
 Случалось ли ему имѣшь къ кому

нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику ²²), онъ часто, взявъ съ собою камышевую просшь съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ *дубинки*, отпраплялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ чашать и писать дѣшей, прѣбуя, чтобы обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много, и любилъ изъясняться аллегоріями ²³). Считалъ Эзопа однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ, и часто, въ опившѣ на длинныя разсужденія, прочитывалъ одну изъ его басень. Отправляясь въ

походъ прѣшивъ Турокъ въ 1711 году, просилъ онъ содѣйствія у Римскаго Императора Карла VI, который подавалъ въ шомъ надежду Царю; но не обѣщаль ничего положишельнаго. Когда походъ подь Прушомъ былъ конченъ, Императорскій посоль встрѣшилъ Петра въ одномъ мѣсечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его ошъ имени своего Государя съ шѣмъ, что онъ шакъ счастливо избавился ошъ опасности 24). Петръ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спросилъ у него, знаешь ли онъ по Лапынѣ? и послѣ ушвердшельнаго ошвѣта, взялъ со спола Эзопа, пріискалъ ему басню о Козлѣ и Лисицѣ, сошедшихся у колодца, подаль ее Посланнику и сказавъ ему: « шеперь желаю вамъ доброй ночи » вышелъ изъ комнашы. — Чашо видали его на улицахъ идущимъ подь руку

съ честнымъ фабриканшомъ или иноземнымъ мапросомъ; иногда бродящимъ въ шолтъ прислушиваясь молвъ народной.

Но обращаясь ошкрышо со всѣми, онъ шого же шребоваль ошъ всѣхъ для себя, и худо шому, кшо вздумаль бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволишь себѣ малѣйшую ложь. « За признаніе прощеніе; « за ушайку, нѣшь помилованія, » повпоряль онъ часто ²⁵⁾; « лучше грѣхъ « явный, нежели шайный. »

Онъ любиль правду, даже въ шакнхъ случаяхъ, когда она моглабы другому показаться оскорбительною, и радовался ²⁶⁾, слушая въ 1697 году въ Англійскомъ парламеншѣ пренія оппозиціи и миниспровъ. « Усмапривающій « вредъ и придумывающій добро, объя- « вляшь можешъ мнѣ прямо безъ боя- « зни; полезное слушашь я радъ и ошъ

« послѣдняго; руки, ноги и языкъ не
 « скованы, а доступъ до меня свобо-
 « день. » Такъ говорилъ онъ не разъ
 своимъ приближеннымъ 27). « Князь
 « Яковъ въ Сенатѣ, » опзывался онъ
 о Долгорукомъ, « прямой помощникъ.
 « Онъ судитъ дѣльно и мнѣ не поща-
 « каешь; безъ краснбайства рѣжешь
 « прямо правду, не смотря на лице 28). »
 Случалось иногда, что въ пылу гнѣва,
 увлеченный пламеннымъ характеромъ,
 Петръ обнаруживалъ негодованіе про-
 тиву тѣхъ, которые безъ покрова оп-
 крывали ему истину; но за то какое
 раскаяніе показывалъ онъ послѣ, какъ
 щедро награждалъ поперпѣвшихъ въ
 такомъ случаѣ отъ его горячности?
 Я могъ бы насказать множество по-
 му примѣровъ; приведу одинъ: « Ты
 « хочешь испребишь лихоимство, пи-
 « шешь указы, наказываешь корысто-

« любцевъ, а самъ берешь взятки, » говорилъ Петру Ив. Ив. Бушурлинъ 29), когда, ворошившись изъ вшораго пушешествія по чужимъ краямъ, онъ повелѣлъ изслѣдовать неустройства, случившіяся въ его ошесствіе. Государь весь измѣнился въ лицѣ. « Не гнѣвайся, а слушай далѣе, » продолжалъ Бушурлинъ : « Когда мы ѣхали черезъ « Тверь, мнѣ ошвели кварширу въ домъ какой-то купчихи. За столомъ « входяшь въ комнашу сшаросша и « шребуешь сша рублей въ счешъ суммы, кошорую городъ опредѣлилъ под- « неспи тебѣ въ подарокъ. Не имѣя « денегъ, она просишь подождать; но « сшаросша насшавашь : или шощасъ деньги, или въ шюрьму. Она ошдаешъ съ себя жемчугъ; но онъ ошсшашься при своемъ шребованіи, и бѣдняжку вѣрно ошвели бы, когда бы я не

« ссудилъ ее своими. Вопшь шебъ до-
« бровольной подарокъ. » — ПЕТРЪ
обнялъ Бушурлина, обдарилъ его, ве-
лѣлъ возврашншь взяшыя деньги и при-
нялъ мѣры, чшобъ впредь не случалось
болѣе подобныхъ безпорядковъ.

Во время своего пребыванія въ Пе-
шербургѣ, Царь жилъ лѣшомъ во двор-
цѣ Лѣшняго сада, зимою въ Зимнемъ,
находившемся на шомъ мѣспѣ, гдѣ ны-
нѣ Эрмишажъ 30). Онъ ложился въ 10
часовъ, вспавалъ лѣшомъ и зимою въ
при ушра, и ходилъ часъ по комнашѣ;
чншалъ въ эшо время С. Пешербург-
скія вѣдомосши, кошорымъ иногда самъ
держалъ корректуру, или пересмашри-
валъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣ-
ланные по его повелѣнiю. ПЕТРЪ зналъ
хорошо по Лашынѣ, по Нѣмецки и по
Голландски, и понималъ Французскiй
языкъ, хошя не могъ на немъ изъ-

ясняшьяся 31). Осперманъ и Паспоръ Глюкъ переводили съ Нѣмецкаго 32); Кононъ Зошовъ, Волковъ и Гарлицкій съ Французскаго; Шафировъ и Кошіевичъ съ Голландскаго, а съ Лапынскаго также Кошіевичъ и Новгородскіе монахи подъ руководствомъ Теофана Прокоповича. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофею, выпивъ рюмку анисовой водки, осправлялся съ шпросію въ одной и записною книжкою въ другой рукъ, смотрѣть производившіяся въ Петербургъ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ Адмиральтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ Брандебургскому посланнику Фонъ Принцу

пріемную аудіенцію въ 4 часа утра ³³). Аудіенція сія была вѣрно единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чшобъ Государь всшаваль шакъ рано, думаль, что не опоздаешъ явившись во дворець въ пяшь; но уже не заспаль Петра. Онъ былъ на верфи и работаль на марсѣ какого-шо военнаго корабля. Фонъ Принць, имѣвшій важныя порученія и не могшій всшупишь въ переговоры съ Рускими миниспрами, не видавъ Царя, принужденъ былъ опсправившись въ слѣдъ за нимъ въ адмиралшейство. « Пущь побезпокоишся взойши сюда, если не умѣль найши меня въ назначенный часъ въ аудіенць-залѣ, » сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ, по веревочной лѣспницѣ, взбирашся на грошь-мачшу, и Государь, сѣвъ на

бревно, принявъ осьь него вѣрющую грамаху и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣшствія подь ошкрытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ ошправлялся въ сенашь или кошорую нибудь изъ коллегій и ошавался шамь до одиннадцати 34), слушалъ дѣла и споры сенашоровъ, излагалъ свои мнѣнiя, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенiя. Дѣшельность его при семь случаяхъ доспойна удивленiя. Одинъ современный писашель 35) говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ чешыре. За шо Государь умѣлъ и беречь время. Эшо примѣшно въ его разговорахъ, указахъ, писмахъ и во всемъ, что выходило изъ подь его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣ мно-

гословія. 16 Марша 1711 года ³⁶), отпра-
 вляясь въ Прускій походъ, написалъ
 онь о совершенно разныхъ предметахъ
 32 собственноручныхъ указа въ се-
 напъ, изъ коихъ ни одинъ не зани-
 малъ болѣе чешырехъ строкъ. Въ 11
 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ
 изъ сената, при чемъ подносили ему
 рюмку анисовой водки и крендель ³⁷).
 Время до полудня назначено было для
 приѣма просишелей. Государь давалъ
 имъ аудіенцію въ средней галлерей
 лѣшняго сада, построеной на берегу
 Невы ³⁸), или въ хорошую погоду въ глав-
 ной аллеи. Туда могъ приходишь вся-
 кій: и богашый и неимуцій, и знат-
 ный вельможа и человекъ просшаго
 званія. Петръ оббиралъ у просише-
 лей прозбы, выслушивалъ ихъ жа-
 лобы и немедленно давалъ свои рѣ-
 шенія. Въ 12 часовъ вороша лѣшняго

сада запирались 39). Царь садился за столъ и всегда почти объдалъ въ своемъ семействѣ. Чшобъ кушанья не просывали, споловая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поварь передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, чрезъ окошечко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой радисъ, лимбургскій сыръ, шарелка щей, спудень, вешчина, каша и жареная ушка въ кисломъ соусѣ, кошорый приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его объдовъ 40). Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмишажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками, и дежурному деньщику

вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класъ передъ Царемъ, если даже ему случалось объѣзжать въ гостяхъ (41).

Петръ не перемѣлъ многочисленной услуги и вообще называлъ лакеевъ шпионами, копорые худо слышатъ, а еще хуже рассказываютъ слышанное (42). Дежурный деньщикъ служилъ Государю, Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ. Онъ находился при Царѣ безоплочно днемъ и ночью; былъ довѣренною его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ имѣлъ слѣдующихъ деньщиковъ (43): Афанасія и Алексія Тапищевыхъ, Ив. Мих. Орлова, Мурзина, Поспѣлова, Алекс. Борис. Бушурлина, любимца Имп. Елисаветы Петровны; Андрея Консп. Нартова, копорый училъ его

шочись; наконецъ Древника, взяшаго въ Гамбургъ, и Василя Нелюбохшова, кошорый прежде былъ придворнымъ лѣвчимъ. Для дальнихъ посылокъ употребляемы были Шемякинъ и Чебошаевъ, а для спальныхъ услугъ камердинеръ Полубояровъ. Государь сполько любилъ деньщиковъ своихъ, что часто въ большихъ собраніяхъ, прервавъ важный разговоръ, обращался къ нимъ и шушилъ съ ними по цѣлымъ часамъ 44). Вообще Петръ былъ мало вдругъ, не былъ разборчивъ въ пищу, и не шерпелъ причудъ въ другихъ. Такимъ образомъ онъ охотно поилъ стѣхъ, кои пришворялись, что не могушь употребляшь вина; кормилъ сыромъ, и усприцами особъ, кошорымъ сіи кушанья были прошивны; и сполько любилъ щекошашъ боявшихся эшого, что многіе пришворялись шаковыми,

жеманились и смѣялись опъ души, когда ихъ щекопали, чшобъ только угодишь Государю 45). Онъ садился за сшоль по нѣскольку разъ въ день, и если ему случалось заходишь куда нибудь въ послѣ-обѣденное время, шо хозяинъ вышедъ къ нему на встрѣчу, приводиль его прямо въ комнашу, гдѣ накрышь былъ сшоль съ разными холодными кушаньями. Впрочемъ, пріемъ шакого рода дѣлался не для одного Царя, а былъ въ нравахъ шогдашняго времени.

Ошкушавъ, Петръ обыкновенно чиналь Голландскія газешы и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, чшо должно переводишь въ С. П. бургскія вѣдомости 46); пошомъ уходиль на свою яхшу, споявшую передъ дворцемъ, ложился шупъ и ошдыхаль часъ или

два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ онъ для этого вспаваль изъ застола, приказавъ однакожь гостямъ не расходиться прежде его возвращенія 47). Въ чепыре часа уходилъ онъ въ шокарную или въ кабинетъ: сюда приходили къ нему по дѣламъ 48) канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ и Т. С. Осшерманъ, генераль-прокуроръ Ягушинскій, генераль-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ, графъ П. А. Толстой, сенаторъ князь Я. Ѳ. Долгорукій, князь Меншиковъ, генераль-полицмейстеръ Девиеръ, или другой кто нибудь изъ его министровъ. Одни только князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шеремешевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ Государь всегда провожалъ до двери своего кабинета; всѣ прочіе, даже сама Императрица

Екашерина Алексѣевна, должны были напередъ сказахся 49.) Окончивъ дѣла государственныя, ПЕТРЪ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ шопъ день на мысль, и, удосповѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собшвеннымъ заняшямъ.

Ничшо не поселишь въ васъ шолько уваженія къ памяши ПЕТРА, сколько сіи заняшя, предпринимаемыя безъ свидѣтелей, или иногда въ мирномъ кругу немногихъ, искренно преданныхъ Царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его шруды. По дѣяшельности ПЕТРА, по его любви ко всему полезному вы можеше судишь сколько заняшя сіи были разнообразны: но не смопря на это разнообразіе, всѣимъ ли одну, постоянную, неизмѣнную

цѣль. Хошишли знать ея? — « Тру-
 « дисья надобно, брашець,» говорилъ
 ПЕТРЪ ИВ. ИВ. Неплюеву, когда опре-
 дѣлялъ его лейпенаншомъ во флотъ ⁵⁰),
 « я и Царь вашъ, а у меня на рукахъ мозо-
 « ли, а все для того, чшобъ показашь
 « вамъ примѣръ, и хопябъ подь спаросшъ
 « увидѣшъ мнѣ досшойныхъ изъ васъ
 « помощниковъ и слугъ опечесшву.»

Площадь, извѣстная нынѣ подь име-
 немъ Царицына луга, усажена была
 во время ПЕТРА деревьями въ нѣ-
 сколько аллей ⁵¹). Между деревьями раз-
 бросаны были небольшіе домики съ
 шесовыми крышками, принадлежав-
 шіе собшвенно ПЕТРУ. Въ одномъ
 изъ нихъ содержался слонъ и два льва,
 привезенные въ Пешербургъ въ 1714
 году изъ Персіи шамошнимъ нашимъ
 посланникомъ Волынскимъ; въ дру-
 гомъ посшавленъ былъ славный Гопш-

шорпскій глобусъ, имѣвшій до 14 фушовъ въ діаметрѣ и подаренный Петру Первому въ 1715 году правителемъ герцогства Голштинскаго; въ прешъемъ домикъ находились машемашическіе инструменшы, нѣсколько минераловъ, небольшой физическій и анатомическій кабинеты. Тутъ въ одномъ углу стоялъ шокарный станокъ; въ другомъ лежали мѣдныя доски съ приборомъ для рѣзанія на мѣди и гравированія; въ прешъемъ модели различныхъ машинъ; на полу разбросаны были орудія, необходимыя для плотника, столяра, слесаря. Здѣсь, послѣ крапкаго отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ, Государь проводилъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ за работою.

Море было любимую стихіею Петра. Одинъ Голландскій шхиперъ сказалъ ему ⁵²), когда Государь объявилъ, что

предпринимаешь капанья по Невѣ, чшобы не забышь морскихъ эволюцій : « нѣтъ, Царь, пы не забудешь, я чаю пы и во снѣ командуешь флотомъ. » Всѣ его дворцы въ Пешербургѣ и окресшносшяхъ, или построены на морскомъ берегу или окружены каналами, надъ кошорыми онъ часшю самъ шрудился. Онъ утверждалъ, чшо морской воздухъ естш лучшее для него лѣкарство отъ болѣзней, и если случалось ему занемогать въ приморскомъ городѣ, шо приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, споявшихъ въ гавани. Въ Пешергофѣ, онъ говаривалъ, чшо ему душно во дворецѣ и въ садахъ, и всегда ночевалъ въ Монплеширѣ, омываемомъ водами Финскаго залива. Домикъ сей, построенный на Голландскій образецъ, напоминалъ ему время

его молодости, его воспишанія: на стѣнахъ развѣшены были каршины, работы Адама Сило, учишеля его въ теоріи кораблестроенія; онѣ представляли виды Голландскихъ приморскихъ городовъ, и между прочимъ на одной изображенъ былъ самъ Царь на верфи Остѣ-Индской компаніи въ Амстердамѣ. Движимый сею спрасшію къ морю, Петръ всегда присушествовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣскольку часовъ съ зрительною трубою въ Монплезирѣ или въ Екашерингофскомъ *подзорномъ* дворцѣ, ожидая прибышя купеческихъ судовъ къ Пешербургу; выѣзжалъ на встрѣчу шѣмъ, кошорые приходили къ Кронштапу, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по шалеру или по кронѣ 54). Онъ позволялъ иноземнымъ шхице-

рамъ свободный къ себѣ доступъ; охотно слушаль рассказы объ ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія по Балтійскому морю ⁵⁵), и не разъ, за кружкою вина, съ глиняною пробкою въ зубахъ, проводилъ цѣлые вечера въ таковыхъ бесѣдахъ. Долго находившись въ Голландіи, Государь свель шамъ знакомство со многими корабельщиками: они привозили ему въ подарокъ сыръ, Императрицѣ полотна, и пряники для малолѣсныхъ Великихъ Князей Петра Петровича и Петра Алексѣевича. Царь съ своей стороны заботился о томъ, чшобъ имъ въ Пешербургъ доставить все возможное удовольствіе.

Занимаясь ушромъ на адмиралшейской верфи пракшикою кораблеспроенія, онъ вечеромъ шрудился надъ теоріею: перечисываль съ капишань-

лейшенаншомъ Мухановымъ сославленныя симъ послѣднимъ правила навигаціи; черпиль на бумагѣ изображенія различныхъ судовъ; сравнивалъ ихъ размѣры; вычислялъ степень сопротивленія воды и степень глубины, по-требной для разнаго рода кораблей. **Ө. А. Мухановъ** учился въ чужихъ краяхъ вмѣстѣ съ **Петромъ** мореходному искусству и столько успѣлъ въ ономъ, что прозванъ былъ Рускимъ Голландцемъ. **Петръ** говаривалъ, что онъ лучше понимаетъ оснастку корабля; но въ наукахъ, копорыя нужны для моряка, усшупаешь преимущество **Өедору**. Однажды, когда они перечисывали вмѣстѣ навигацію сего послѣдняго, вышелъ у нихъ споръ, копорый положено было рѣшить на морѣ. **Мухановъ** командовалъ 50 пушечнымъ фрегатомъ **Арондель**. Въ назначенный

для состязанія день приглашены были на корабль всѣ флагманы и нѣкошорые знашнѣйшіе вельможи. Рускій Голландецъ одержаль верхъ, и Петръ въ благодарность подариль корабль образомъ Спаса, а въ память шого; что ночеваль въ шопъ день въ каюшѣ Муханова, ошдалъ ему съ себя рубашку 56).

Изученіе мореходнаго искусства ознакомило Царя съ астрономіею, механикою и архитектурою. Онъ учился первой изъ сихъ наукъ въ 1697, у извѣстнаго Роттердамскаго астронома Гаршзукера, и для наблюденій приказаль себя выстроить небольшую обсерваторію на городскомъ валу въ Амстердамѣ. Въ Пешербургѣ Государь весьма часто проводиль по нѣскольку часовъ вмѣстѣ съ графомъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ въ Готпорпскомъ глобусѣ, размашривая обращеніе

небесныхъ свѣтилъ, изображенныхъ на
внутреннихъ онаго стѣнахъ. Въ 1715
году 57), по случаю солнечнаго за-
тмѣнiя, онъ для предупрежденiя всякихъ
полковъ, за мѣсяць до затмѣнiя, из-
далъ объ эшомъ указъ; построилъ надъ
домикомъ, гдѣ былъ глобусъ observa-
торiю, и въ день затмѣнiя, приказавъ
собраться на Царицынь лугъ сенату,
членамъ коллегiй, канцелярскимъ слу-
жителямъ и особенно духовенству,
провелъ шуть цѣлый день, подводя каж-
даго къ трубѣ для наблюдений и объ-
ясняя причины видѣннаго явленiя.

Искусный въ корабельной и въ во-
енной архитектурѣ, Петръ имѣлъ шак-
же понятiе о гражданской. Почитаю
излишнимъ говорить, сколь много спо-
способствовалъ онъ приращенiю Пете-
рбурга, имъ самимъ основаннаго. Самъ
составлялъ и черпилъ планы строи-

мыхъ шупь домовъ ; любиль, когда его приглашали къ закладкѣ оныхъ, и съ чисшымъ, душевнымъ удовольствіемъ осушаль задравные кубки въ честь хозяина и архисекшора, обыкновенно испиваемые въ такихъ случаяхъ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитшаго Фанъ - деръ - Гейдена ⁵⁸); шрудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ признашельности оставиль ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и поняшливый ученикъ, безъ ропоша исполняль самыя шрудныя порученія, переносиль строгіе выговоры. Въшъ тому доказашельство. Герцогу Марльборугу, находившемуся въ Голландіи въ 1697 году, хошѣлось видѣшь Петра. Онъ пріѣхаль нарочно изъ Ло въ Ам-

спердамъ и явился для эшого къ хозяину, у кошораго Царь былъ въ учении 59). Домъ сего мастера находилъся на берегу залива Эй: передь окнами между плошниками работалъ ПЕТРЪ. « Я назову его по имени, » сказалъ мастеръ Марльборугу, « онъ оборотился и вы успеете свободнѣе рассмотретьъ его. » Въ это время нѣсколько человекъ пронесли на плечахъ большое бревно. « ПЕТРЪ изъ Заандама, « чтожь ты зѣваешь? поди помогай другимъ, » продолжалъ мастеръ обращаясь къ Царю. Государь шопчасъ вспалъ, бросилъ шопоръ, и подставивъ плечо свое подъ бревно, перенесъ его съ другими въ надлежащее мѣсто. Въ другой разъ въ Заандамѣ въ сентябрѣ шого же года 60) случилось ему проходить мимо пыльной мельницы. ПЕТРУ показалось, что она двисп-

вуешь медлѣнно; онъ захопѣлъ что-то въ ней поправишь: но ошь того ли, что забылъ опустить щипы и пѣмъ оставишь воду, или что захопѣлъ сдѣлать это слишкомъ поспѣшно, чувъ было не испортилъ колесъ и самъ не попалъ подъ оныя. « Лучше бы тебѣ « оставался въ своей Московіи, не « жели прѣзжать сюда мѣшаться не « въ свое дѣло и причинять убытокъ « честнымъ людямъ, » сказалъ ему подоспѣвшій хозяинъ мельницы. Царь, не отвѣчавъ ни слова, ушелъ съ пошупленнымъ взоромъ; но черезъ нѣсколько дней прислалъ мельнику богашый подарокъ съ прозьбою бышь къ нему впередъ снисходительнѣе.

Анапомія, медицина, а особенно хирургія и натуральная исторія также занимали досуги Петра. Онъ слушалъ курсъ въ первой изъ сихъ наукъ въ

Амстердамъ въ 1697 году у извѣснаго своею ученостію профессора Рюйша⁶¹); для избѣжанія толпы любопытныхъ, собиравшихся на городскихъ улицахъ, чшобъ видѣшь его, нанялъ для себя комнашу въ гостинницѣ Св. Петра, рядомъ съ домомъ профессора, и приказалъ на свой счетъ сдѣлать между ними двумя зданіями коридоръ, слѣды коего до сихъ поръ еще видны. Онъ купилъ у Рюйша его анапомическій кабинетъ, кошорый вмѣстѣ съ собраніемъ аптекаря Себа составилъ собственннй его кабинетъ натуральной исторіи (нынѣшній музей Императорской академіи наукъ): раза два или три въ недѣлю Петръ посѣщаль оный, пополнялъ шѣлами уроковь, разными живошными и распѣніями, изъ коихъ нѣкошорые находилъ самъ, и всегда присушествовалъ при анапо-

мическихъ операціяхъ, дѣланныхъ въ его время въ Пешербургѣ.

Любовь Петра къ хирургіи была слѣдствіемъ познаній въ анапоміи. Однажды, гуляя по масляному рынку въ Амстердамѣ, въ 1697 году, остано-вился онъ у лавки одного шарлапана, копорый дошелъ до шакого совершенства, что рвалъ зубы ручкою чайной ложки, концемъ шпаги, и т. п. Государь призывалъ его къ себѣ (62), велѣлъ ему повпорить опышы своего искусства, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ, не успуналъ уже своему учишелю. Уроки сіи бралъ онъ въ шракширѣ подъ вывѣскою слона, на площади маслянаго рынка, и вмѣсто того, чтобы получашъ по грошу съ шѣхъ, копорые приходили къ нему рвашъ себѣ зубы, какъ эшо обыкновенно дѣлалось, онъ самъ плашилъ имъ по шилингу. Еще и шеперь

хранился въ музеумъ Императорской академіи наукъ цѣлый мѣшокъ зубовъ, вырванныхъ самимъ Государемъ.

Во второе путешествіе свое по Голландіи, Пётръ свелъ знакомство съ Боэргавомъ, который тогда былъ ректоромъ Лейденскаго университета, и почерпалъ отъ него новыя свѣденія въ медицину и ботанику: гербарій Петра существуетъ до сихъ поръ ⁶³⁾: при каждомъ расшнѣніи Государь отмѣчалъ собственноручно день, въ который оно имъ сорвано, и мѣсто, гдѣ найдено. Онъ всегда носилъ въ карманахъ два фушляра ⁶⁴⁾, одинъ съ математическими, другой съ хирургическими инструментами. Кроме того что рвалъ зубы, онъ пускалъ кровь и даже въ 1723 году произвелъ операцію надъ женою Голландскаго купца Борста ⁶⁵⁾, которая страдала водяною болѣзнію. Когда случа-

дось въ гошпиталяхъ опрѣзывать кому нибудь руку или ногу, онъ всегда при эгомъ присушествовалъ и самъ перевязывалъ раны спраждущимъ.

Но я никогда не кончилъ бы, если бы захопѣлъ исчислять всѣ роды упражненій Императора Петра I, если бы вздумалъ подробно рассказывать какъ онъ шкалъ въ Упрехшѣ на фабрикахъ Моллема полошно, ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера не подалеку отъ Испецкихъ минеральныхъ водъ и бралъ за пудъ по алшину; какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ, и п. п. Довольно если скажу, что не было науки, не было ремесла, копорыми бы онъ не занимался, или по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Здѣсь упомяну еще о занятіяхъ, копорымъ онъ особенно посвящалъ свои досуги въ послѣдніе годы своей жизни,

а именно, о шокарномъ искусствѣ и о вырѣзываніи на мѣди.

Токарное искусство любилъ онъ сполько, что въ каждомъ изъ дворцевъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ шокарнымъ спанкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату Государь называлъ мѣстомъ ошдыха, и, чшобъ избавишься ошъ безпокойныхъ посѣшителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: *кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное* 66), Здѣсь производились всѣ государственныя шайны; здѣсь, вручая инспекціи ошправляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливалъ онъ

милосши на достойныхъ и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому нибудь изъ знапнѣйшихъ вельможъ проспуишься въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнапы, призывалъ его къ себѣ, запираля двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаешь въ семъ случаѣ не какъ Императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣшми, кошорыхъ надобно исправлять. Никшо не зналъ никогда о семъ исправленіи: пощертѣвшій наказаніе выходилъ изъ шокарной съ веселымъ лицемъ, и Государь, кошорый вовсе не былъ злопамятенъ, чшобъ не дашь посшороннимъ примѣшишь происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ опсправлялся къ нему посидѣшь, и обходился съ

нимъ, какъ будто бы ничего не бывало. ПЕТРЪ работаль за шокарнымъ станкомъ всегда почти подъ надзоромъ маспера Андрея Наршова, котораго любиль чрезвычайно. Онъ оставиль попомству драгоценныя плоды своихъ трудовъ. Большая часть вещей, выпоченныхъ имъ изъ кости, заключаешся въ паникадилахъ или другихъ предмешахъ, служащихъ къ украшенію храмовъ Божіихъ. Особенно любиль онъ прудиться надъ изображеніемъ святыя Екашерны, котораго до насъ дошло слишкомъ десяшь экземпляровъ.

Предмешы для вырѣзыванія на мѣди были совсѣмъ другаго рода. Государь изображалъ на оной достопамятныя случаи своего царствованія. Вообще ПЕТРЪ чувствоваль цѣну великихъ дѣлъ своихъ, и гордился ими, пошому

что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно рассказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: Англійскимъ, Голландскимъ, Датскимъ и Россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ опривисно, изъяснялся корошко; шупъ румянецъ выступалъ на блѣдное лице, въ глазахъ блиспали радостныя слезы; слова лились рѣкою, и одна мысль быспро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечшы о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ

просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ приспраспныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, шираниомъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменьщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, проведшаго чолнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній. Самъ изобрѣталъ и вырѣзывалъ большую часть медалей, при немъ вычеканенныхъ, и всегда составлялъ прозрачныя каршины фейерверковъ, которыми оканчивалъ свои праздники. Каршины сіи относились къ полишическимъ происшествіямъ того времени, изображали въ иносказательномъ видѣ или побѣды Россійскаго оружія, или

успѣхи Рускихъ въ просвѣщеніи и гражданской образованности.

Я представилъ одного Петра: въ другое время постараюсь показать нѣкоторыя черты его семейственной жизни.

ОБЪ УВЕСЕЛЕНІЯХЪ РУСКАГО ДВОРА ПРИ ПЕТРѢ І.

ВѢкъ ПЕТРА І есть одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашихъ нравовъ. Царствованіе его представляеть странную борьбу между обыкновеніями, освященными временемъ, и обычаями прививными, вывезенными изъ за - моря; смѣсь прежнихъ полуазіатскихъ обыкновеній, со вновь вводимыми полуевропейскими. Въ доказательство опишу тогдашнія увеселенія Рускаго двора, имѣвшія непосредственное вліяніе на начало и забавы нашихъ обществъ.

Свѣтскія общества, въ которыхъ участвовали мужчины и женщины,

начались при Петръ Великомъ. Государь ввель оныя, справедливо полагая, что ничто болѣе обращенія съ женщинами не можетъ благопріятствовать развитію нравственныхъ способностей Рускаго народа. Чшобъ сблизить всѣ сосноянія, дворъ давалъ праздники, учреждалъ гулянья, маскарады. Торжественные дни и воспоминанія о побѣдахъ, которыя были часшы въ блистательное царствованіе Петра, не рѣдко подавали къ шому поводъ. Въ шо время указами предписываемо было участвовашъ въ забавахъ двора, и шакимъ образомъ жишли столицы съѣзжались часшо, ибо одна шолько болѣзнь извиняла отсутствующихъ.

Придворные праздники дѣлились на лѣтніе и зимніе. Первые давались въ царскомъ и царицыномъ саду (нынѣ-

шіе лѣшіе — верхній и нижній); послѣдніе сперва въ царской австеріи или гостинницѣ, которая находилась у самага канала, окружающаго Пешропавловскую крѣпость, подлѣ ворошѣ, не подалеку отъ Троицкаго собора; потомъ въ сенатѣ на Пешербургской сторонѣ, или на почшовомъ дворѣ (тамъ, гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ). Иногда сзывали гостей барабаннымъ боемъ или афишками; иногда, послѣ обѣдни въ соборѣ Св. Троицы, желшій флагъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря (Бѣлое, Балшійское, Черное и Каспійское), выставленный на одномъ изъ бастіоновъ Пешропавловской крѣпости, и пушечные выстрѣлы, возвѣщали жителямъ столицы, что должно собираться послѣ обѣда въ садъ. Чиновныя особы, дворяне,

канцелярскіе служители, корабельные мащера и даже иностранные мащеры, имѣли право приходиль шу-да съ женами и дѣшми. Въ 5 часовъ по полудни являлись въ садъ Государь и вся Императорская фамилія. Въ то время, на шомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находишся рѣшешка сада, построены были три галлерей: посѣшители пріѣзжали къ саду въ лодкахъ, и привязавъ оныя къ кольямъ на берегу Невы, взбирались по узкой пропинкѣ къ средней галлерей. Тушъ Государыня и Великія Княжны, держась стариннаго обыкновенія, какъ хозяйки сада, подносили знашнѣйшимъ изъ госпей по чаркѣ водки или по кружкѣ вина. Императоръ же, черпая большими деревянными ковшами изъ ушаповъ, несомыхъ за нимъ двумя гренадерами, угощаль такимъ образомъ гвардію, полки Преображенскій

и Семеновскій, которые строились на Царицыномъ лугу. Прочимъ посѣщителямъ предоставлено было самимъ черпать изъ бочекъ съ пивомъ, водкою и винами, которые спояли въ споронѣ оупъ главныхъ аллей. После того каждый могъ забавляться по произволу. Одни гуляли по саду; другіе осматривались въ галлерейхъ, гдѣ были пригошовленъ полдникъ, въ средней галлерей сахарныя закуски для дамъ, въ боковыхъ холодныя блюда для мужчинъ. Иные сажались въ разныхъ углахъ сада за круглыя столы, на кошорыхъ находились шрубки съ шабачкомъ и деревянными спичками, или бушылки съ винами. Больше всего замѣчательны господствовавшія на сихъ праздникахъ непринужденность и простота въ обращеніи, опличительныя черты обществъ во время Петра I.

Казалося всё были заняты однимъ желаніемъ веселишься и забывали о различіи соспояній. Самъ Государь, отбросивъ весь эпикешъ, обходился со всѣми, какъ съ равными: иногда, сидя съ шрубкою за споломъ съ машросами, въ главной аллеѣ, на впо-рой площадкѣ опъ Невы, у большаго фоншана, говорилъ онъ о шрудно-стяхъ морской службы, или ходя съ нѣкоторыми подъ руку по длиннымъ аллеямъ сада, рассказывалъ о своихъ походахъ. Въ другое время разсуждалъ о богословскихъ предметахъ съ духо-вными, собиравшимися въ дубовой ро-щѣ подлѣ дворца, или вель перегово-ры съ иностранными миниспрами. Съ наступленіемъ вечера, садъ освѣ-щался. Начинались шанцы въ ал-леяхъ, или въ дождливое время, въ гаммеряхъ сада. Праздникъ оканчи-

вался фейерверкомъ, или, какъ сіе тогда называли, *огненною потѣхою*, зажигаемою на судахъ, расположенныхъ на Невѣ. Тушь, между прочимъ, горѣли всякій разъ прозрачныя каршины съ аллегорическими изображеніями, приличными предмету празднуемаго шоржештва. Во все время праздника вороша сада были запершы; никто не смѣлъ уйши ошь онаго прежде Государя, безъ особеннаго на шо позволенія.

Главныхъ побѣдныхъ праздниковъ было чешыре: 27 іюня въ память Полшавской битвы, 9 августа въ воспоминаніе взятія Нарвы, 28 сентября въ память сраженія подь Лѣснымъ, и наконецъ 18 октября, въ кошорый шоржештвовали побѣду подь Калишемъ. Здѣсь упомяну о двухъ, болѣе достойныхъ вниманія: объ одномъ, кошорый

данъ былъ 27 іюня 1721 года въ вос-
 поминаніе Полшавской побѣды, и дру-
 гомъ, по случаю заключеннаго въ Ней-
 шпашѣ мира. Въ первый служили мо-
 лебенъ въ открытой палаткѣ, предъ
 соборомъ Св. Троицы. У входа палат-
 ки стоялъ Государь съ эспоншономъ
 въ одной и проспрѣленной шляпою
 въ другой рукѣ, и въ томъ же плащѣ,
 кошорое носилъ во время сраженія:
 въ зеленомъ мундирѣ съ небольшими
 красными обшлагами и старою ля-
 дункою чрезъ плечо, и въ зеленыхъ
 чулкахъ съ башмаками на высокихъ ка-
 блукахъ; позади находились подполко-
 вники гвардіи: фельдмаршалъ князь
 Меншиковъ и генераль - лейтенантъ
 Бушурлинъ. Императрица съ Царицею
 Прасковьею Федоровною и придворны-
 ми дамами расположилась въ близле-
 жащемъ домѣ на балконѣ. Во весь день

производилась пушечная пальба съ позлащеннаго царскаго фрегата, споявшаго на Невѣ прошивъ лѣшняго сада. Въ вечеру послѣ гулянья и шанцевъ въ семь саду, дань былъ фейерверкъ, въ копоромъ аллегорическія картины изображали успѣхи Рускаго оружія прошивъ Шведовъ.

Праздники 5 сенсября и 22 октября 1721 года, данные въ С. Пешербургѣ, по случаю Нейшпашскаго мира, отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. При полученіи о семь извѣстія, герольды въ рыцарскомъ одѣяніи съ бѣлыми перевязями черезъ плечо и бѣлыми знаменами, на копорыхъ изображена была увѣчанная лаврами масличная вѣшьвь, и музыканшы съ лишаврами и трубами, возвѣщали на всѣхъ улицахъ ошъ ушра до вечера о пред-

споящемъ шоржествѣ. Въ день праздника собрались въ соборъ Св. Троицы Царь со всею фамиліею и значнѣйшіе чины; кругомъ церкви выспроены были находившіеся въ Пешербургъ полки, а за ними толпился во множествѣ народъ. Когда кончилась обѣдня, Петръ въ Преображенскомъ мундирѣ съ Андреевскою лентою чрезъ плечо, возшелъ на высокій помостъ передъ церковью, снялъ шляпу, и поклонившись народу, произнесъ громкимъ голосомъ: «Здравствуйше праже
«вославные! благодарите Бога. Онъ
«кончилъ шрудную войну, продолжавшуюся 21 годъ и дароваль намъ со
«Швеціею вѣчный миръ.» За симъ, велѣвъ подать себѣ ковшъ вина изъ большихъ кадей, кошорыя споляли передъ помостомъ, и повпоривъ: «Здравствуйше любезные! да помо-

« жещь намь Богъ подь сѣнію мира
 « шрудисься для пользы и прибышка
 « вашего и облегчипь сягосши, поне-
 « сенныя вами въ войнѣ; здравствуй-
 « ше, » выпилъ за здоровье народа.

Громкія восклицанія признашель-
 ныхъ Россіянъ служили опвѣшомъ
 Монарху, который весь шопть день
 провель на Троицкой площади, уча-
 спвуя въ народныхъ увеселеняхъ,
 и опложивъ шоржесство мира до 22
 окшября. Въ сей день, по опвѣшій
 божественной литургии, также въ
 Троицкомъ соборѣ, прочтена была ра-
 шификація мирнаго договора съ Шве-
 дією. Теофанъ произнесъ слово, въ
 кошоромъ исчисливъ всѣ дѣла Петро-
 вы, его военные подвиги и граждан-
 скія добродѣтели, приглашалъ народъ
 увѣковѣчипь достопамяшній шопть
 день, изьявивъ Монарху должную при-

знашельность. По слову Архипасшы-
 ря главнѣйшее духовенство, сенать
 и знаннѣйшее дворянство, приблизи-
 лись къ ПЕТРУ. Канцлеръ графъ Га-
 брила Ивановичъ Головкинъ, какъ
 старшій, выступилъ впередъ, благода-
 рилъ ПЕТРА ошъ имени всѣхъ под-
 данныхъ за дарованное имъ Россіи про-
 свѣщеніе, за распространеніе ея вла-
 дѣній, за силу и богатство, которымъ
 онъ положилъ начало, и заключилъ
 прозьбою всѣхъ, чшобъ онъ принялъ
 названіе ПЕТРА Великаго, Ошца опе-
 чешва, Имперашора Всероссійскаго,
*дабы потомки не упрекали насъ въ
 равнодушіи къ великимъ подвигамъ*
ПЕТРА. Едва онъ кончилъ, какъ
 громкія восклицанія народа внутри и
 внѣ церкви, ура! вивать! да здрав-
 ствуетъ Имперашоръ ПЕТРЪ! раздались
 въ воздухѣ. Звуки трубъ и лишавровъ,

барабанный бой, пальба съ адмирал-шейства, крѣпости и 125 галеръ, стоявшихъ на Невѣ, и выстрѣлы 23 полковъ, расположенныхъ на Троицкой площади, какъ будто освящали желаніе народа.

По окончаніи шоржества, дворъ, иностранные министры и всѣ знатнѣйшія особы обоего пола отпра-вились въ домъ сената. Мужчины были въ праздничныхъ кафшанахъ, дамы въ плащяхъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, съ великолѣпными головными уборами. Одна только вдовствующая Царица Прасковья, супруга Іоанна Алексѣевича, сохраняла право одѣваться по старинному обыкновенію, т. е., въ черной бархатной шубейкѣ съ мѣховою шапкою на головѣ. Послѣ пышнаго стола, который былъ накрытъ на 1000 кувершовъ, раздавались

золошья медали, выбишья по случаю мира изъ Рускаго золоша. Праздникъ кончился шанцами, за коими послѣдоваль великолѣпный фейерверкъ. Между прочимъ предшавлялся шупь храмъ Януса, освѣщенный 20.000 разноцвѣшныхъ огней, и два воина, копорые, зашворивъ враша онаго, подали другъ другу руки въ знакъ примиренія. За храмомъ, въ нѣкопоромъ отдаленіи, видны были на волнахъ синѣющагося моря корабли, надъ коими лешаль голубь съ масличною вѣшвию, а впереди на высокихъ подмосшкахъ, лежали для народа жареные быки съ позлащенными рогами; по споронамъ били фоншаны бѣлаго и краснаго вина.

Въ орденскіе кавалерскіе праздники, одинъ изъ кавалеровъ (обыкновенно Меншиковъ) даваль обѣдь; всѣ

же другіе угощали другъ друга прѣмя кружками вина: одну выпивали за благоденствіе флота и войска, другую за здоровье всѣхъ кавалеровъ, прешью за здоровье хозяина. Число кавалеровъ въ снолицѣ опредѣляло число кубковъ, осушенныхъ ими въ шаковые дни.

Любимою забавою Петра было кашанье въ лодкахъ. Кашанья дѣлились на лѣтнія и зимнія, на общія и частныя. Извѣстно, что въ Петербургѣ во все время царствованія Петра не было на Невѣ мостовъ. Государь роздалъ всѣмъ для переправы суда, написавъ собственноручно инструкцію для управленія оными. Первокласнымъ вельможамъ подарено было по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одной въ 12, другой въ 4 весла. Прочимъ изъ жителей менѣе, смотря по чинамъ. Каждый

хозяинъ обязанъ былъ содержать суда свои въ цѣлости и ошвѣчалъ за нихъ. Въ назначенный для капанья день, выспавляли въ четырехъ концахъ города флаги: всѣ суда, подъ опасеніемъ значительнаго штрафа, должны были собраться близъ Петропавловской крѣпости у австеріи 4 фрегатовъ, не подалеку отъ Троицкаго моста. По пушечному выстрѣлу флопиля сія выступала въ походъ. Адмиралъ Апраксинъ открывалъ шествіе съ своею яхтою, имѣвшею для отличія красный съ бѣлымъ флагъ. Никто не смѣлъ опередить его или уѣхать безъ его позволенія. Потомъ слѣдовала Императорская шлюпка, гдѣ находились Государыня и Великія Княжны, а рулемъ правилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое мажросское платье; а за сею шлюпкою прочія безъ разбора. На нѣкоторыхъ

лодкахъ спавились качели; лодки сіи должны были подъѣзжаны къ гуляющимъ, спрашивая нѣтъ ли желающихъ позабавиться. Знашныя возили съ собою музыку. Сіе множесство судовъ, спройно слѣдовавшихъ одно за другимъ, изъ коихъ нѣкошорыя были вызолочены, украшены рѣзьбою и внупри обипы краснымъ или зеленымъ бархашомъ, съ широкими золошыми позуменшами по краямъ; согласныя усилія гребцовъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, и звуки трубъ, лишавровъ и валторнъ, далеко раздававшіеся по волнамъ, очаровывали зрѣніе и слухъ.

Кашанья обыкновенно оканчивались у загородныхъ дворцовъ Екашерингофа и Спрѣльны. Тамъ всякій разъ готовы уже были закуски; гуляющіе, вышедъ на берегъ, полдничали, ходили по рошамъ и съ наступленіемъ вечера

возвращались въ городъ въ томъ же порядкѣ. Иногда предпринимались дальнѣйшія поѣздки, ш. е., въ Пешергофъ, Ораніенбаумъ, принадлежавшій князю Меншикову, въ Кроншпашъ и даже въ Ревель. Безпреспанная пальба съ судовъ и громъ музыки оглашали воздухъ во время пуши. Иногда сіи забавы имѣли непріятныя слѣдствія. Не говоря уже, что многія дамы долго не могли пріучишься къ плаванію въ открытомъ морѣ, неумѣніе управлять судами во время бури приводило въ страхъ и часто подвергало опасности гуляющихъ. Подобный случай былъ 21 мая 1714 года. Въ то время пріѣзжалъ въ Пешербургъ посланникъ Бухарскаго хана Гаджи-Могамедъ-Багадиръ. Царь пригласилъ его принять участіе въ предполагаемомъ путешествіи въ Кроншпашъ. По неопытности

капитана, шнява, на которой находился посланникъ, канцлеръ графъ Головкинъ и нѣсколько сенаторовъ, попала между мѣлей. Пока было тихо, опасность была не велика; но къ 9 часамъ вечера возсталла сильная буря: разбило шлюпку, привязанную сзади; опорвало якорь и бросило судно на мѣль; все, казалось, грозило шнявѣ гибелью. Посланникъ, никогда до того не видавшій моря, дрожалъ отъ страха; но видя наконецъ, что нѣтъ надежды на спасеніе, закутался въ шелковое одѣяло, легъ на палубѣ и велѣлъ муллѣ своему, ставъ на колѣна, читать надъ нимъ молитвы изъ корана. Къ утру буря утихла, и присланные отъ Царя галеры привели шняву въ Кронштадтъ.

Зимнія кашанья въ лодкахъ были не столько опасны. Отъ дворца до Петро-

павловской брѣпости разжищали на Невѣ ледъ; бошы и другія небольшія суда сшавили на полозья или на коньки, и напянувъ паруса, пускались по вѣпру въ такомъ же порядкѣ, какой наблюдался въ льшнихъ кашаньяхъ. Адмиральская шлюпка указывала путь прочимъ судамъ; соображаясь съ ея движеніями, онѣ лавировали и дѣлали разные манёвры по льду, *« для того чтобъ не забыть морскихъ эволюцій, »* говорилъ Петръ. Сія кашанья продолжались по нѣскольку часовъ. Во время опдыха подносили всѣмъ мужчинамъ, опъ имени Государя, горячій пуншъ, а дамамъ глинтвейнъ.

Въ частныхъ кашаньяхъ участвовала одна Императорская фамилія. Государь въ шхиперскомъ плашьѣ, управлялъ дѣйствіемъ яхшы, въ кошорой сидѣли Императрица, Великія Княжны Анна

и Елисавета, и Царевны Екатерина; Анна и Прасковья Ивановны, одѣшья всѣ въ канифасовыхъ кофшочкахъ, юпкахъ изъ красной маперіи и небольшихъ шляпкахъ, на подобіе того, какъ и теперь еще одѣваются жены Заандамскихъ корабельщиковъ. Цѣлю кашанья былъ обыкновенно Екатеринбургъ. Здѣсь иногда, близъ приспани, встрѣчалъ высокихъ посѣпшителей адмиралъ Апраксинъ съ пушечною пальбою. « Приучаю семейство мое къ водѣ, чшобъ не боялись и полюбили море, » говорилъ Петръ своимъ приближеннымъ, когда заходилъ разговоръ о шаковыхъ прогулкахъ.

Описывая кашанья по водѣ, могутъ ли не упомянуть о закладкѣ и спускахъ кораблей. Петръ, создашеть Русскаго флоша, не могъ не радовашься успѣхамъ великаго своего предпріятія.

Ошь шого всякій подобный случай былъ для него истиннымъ праздникомъ. Наканунъ извѣщали о семъ происшествіи барабаннымъ боемъ. Въ самый день корабельной закладки или спуска, по пушечному выстрѣлу изъ крѣпости, всѣ отпираллялись въ адмиралшейство. Въ первомъ случаѣ, послѣ молебна, главный корабельный мастеръ Головинъ вбивалъ въ киль первый гвоздь и мазалъ его смолою. За нимъ дѣлали шже Царь и прочіе корабельные мастера. Во все время работы производилась въ адмиралшейства пушечная пальба. По окончаніи закладки, Императоръ со всею фамиліею и всеми присутствовавшими отпираллялся въ флагманскую залу, кошорой стѣны и потолокъ увѣщены были взятыми отъ Шведовъ знаменами. Тутъ ждалъ посѣщителей сышый обѣдъ, послѣ кошораго

всѣ съѣзжались къ генераль-адмиралу Апраксину, чшобъ за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начашому дѣлу.

Во время корабельныхъ спусковъ, по совершеніи молебна на новопосроенномъ суднѣ, Царь, взявъ въ руки шопорь, подрубалъ одну изъ подпорокъ, на копорыхъ споялъ корабль. Звуки рубь и лишавръ, громкія восклицанія народа и пушечные выстрѣлы съ крѣпости и адмиралшейсшва оглашали воздухъ. Когда якорь былъ брошенъ, Петръ, въ богатомъ, шишомъ золошомъ адмиральскомъ мундирѣ, съ Андреевскою лентшою черезъ плечо, всходилъ первый на корабль и привѣщешвовалъ всѣхъ, приходившихъ къ нему съ поздравленіями, поцѣлуемъ въ голову. Императрица и Великія Княжны подносили имъ по рюмкѣ вина.

Между швмъ въ каюшахъ накрышы были сполы, въ верхнихъ для дамъ, а въ нижнихъ для мужчинъ. За споль, гдѣ находился Государь, сажались по правую сторону корабельные маспера, плошники и всѣ участвовавшіе въ поспройкѣ вновь спущеннаго судна; по лѣвую знашнѣйшія особы. Не было обѣдовъ шумнѣе: самъ Петръ былъ всегда за оными чрезвычайно весель. Между гостями его царшвовала совершенная непринужденность: шоспы быспро слѣдовали одинъ за другимъ. Вино, особенно Венгерское, лилось полной чашей. Сія пирушки на корабляхъ продолжались отъ 4 часовъ по полудни до 2 часовъ по полуночи, и всякій обязанъ былъ принимашъ въ оныхъ равное участие. Въ концѣ обѣда общество пирующихъ представляло спранныя группы: шакъ напрымѣрь,

27 іюля 1721 года, при спускѣ корабля Паншелеймона, видѣли въ одномъ углу Валлахскаго князя Каншемира, борющагося съ оберъ-полицмейстеромъ графомъ Деверомъ; въ другомъ, спарикъ адмираль Апраксинъ, со слезами на глазахъ, дрожащею рукою подносилъ послѣдній кубокъ полусоннымъ своимъ пріяшелямъ. Вездѣ слышны были чоканья стакановъ и обѣщанья вѣчной дружбы; изрѣдка шумъ и споры.

Говорить ли вамъ о масляничныхъ маекарадахъ, гдѣ маски, собравшись по пушечному выстрѣлу на площади, прошивъ собора Св. Троицы, у шакъ называемой пирамиды 4 фрегашовъ (*), по сигналу, поданному самимъ Государемъ, кошорый былъ одѣвъ барабан-

(*) Пирамида сія была деревянная и построена въ память первой морской побѣды надъ Шведами при Гангёуддѣ въ 1714 году.

щникомъ, скидали плащи и показывались въ своихъ нарядахъ? Тушь посреди множества Испанцевъ, Грековъ, Турокъ, Китайцевъ и Индѣйцевъ, являлись карлы съ длинными бородами, возившіе въ шельжкахъ гайдуковъ Царскихъ, спеленанныхъ какъ дѣти. Говоришь ли вамъ о кашаньяхъ, гдѣ между множествомъ огромныхъ саней, копоры сдѣланы были на подобіе лодокъ, иныя въ 20 фузовъ длины, и въ копорыхъ находились въ костюмахъ Царская фамилія, иносстранные министры и знашнейшія особы обоего пола, видны были: Непшунъ въ раковинѣ съ презубцемъ, влекомый двумя Сиренами; Бахусъ на бочкѣ, съ кубкомъ въ одной и диверомъ въ другой рукѣ; Государевъ шупъ, одѣтый медвѣдемъ, въ саняхъ, запряженныхъ шестью медвѣдами же; Камчадалъ и Камчадалка,

ѣхавшіе въ парть на собакахъ, и наконецъ множество арлекиновъ и масокъ, изображавшихъ разныхъ звѣрей и птицъ? Подобные маскарады продолжались цѣлую недѣлю. Учаспвовавшіе въ оныхъ собирались за нѣсколько дней къ князю Меншикову, который назначалъ каждому его мѣсто во время маскараднаго шествія; всѣ служащіе, должны были подь ошасеніемъ штрафа 50 рублей, ходишь во все эшо время въ костюмахъ и маскахъ, если даже не учаспвовали въ капаньяхъ. Опасаясь наскучишь вамъ подробностями, ограничусь однимъ шолько замѣчаніемъ, что всѣ масляничные маскарады во время Петра I носили на себѣ отпечатокъ вкуса грубаго, необразованнаго, въ шо время еще общаго въ Европѣ.

Качели, соспавляющія нынѣ главнѣйшее увеселеніе Рускихъ въ масляницу,

были въ употребленіи и при Петрѣ; но съ разницею, что сія забава тогда не исключительно принадлежала простому народу, какъ теперь. Всѣ сословія принимали въ ней участіе. Въ 1722 году въ Москвѣ, въ понедѣльникъ сырной недѣли, Царь съ офицерами гвардіи открылъ празднество масляницы, на площади у Красныхъ воротъ, нѣсколько разъ провершѣвшись на качеляхъ. За симъ качались солдаты. Петръ между шѣмъ сѣлъ за ешоль, пригопленный подъ открытымъ небомъ у самыхъ воротъ, и народъ, признашельный за то, что самъ Царь принимаетъ участіе въ его увеселеніяхъ, шолпился вокругъ, оглашая воздухъ радостными восклицаніями. Точно тоже было и съ ледяными горами: онѣ обыкновенно были покрыты до вторника масляной недѣли. Въ сей день народъ

собирался на рѣку: по данному знаку шаперъ, подъ копорымъ находились горы, раскрывался, и Государь, а за нимъ Императорская фамилія, первыс скашывались съ оныхъ.

Я упомяну подробнѣе о музыкѣ въ письмѣ моемъ о Рускихъ ассамблеяхъ. Нѣкоторые вельможи имѣли свои капелли; но между высшимъ сословіемъ, весьма немногіе сами занимались музыкою. По извѣстіямъ современныхъ писателей; изъ Рускихъ дамъ, княгини Кантемиръ и Черкаская и графини Головины, воспитанныя въ Швеціи, гдѣ опцы ихъ, генераль-лейтенантъ князь Трубецкой и генераль-адмиралъ Головинъ находились въ плѣну, умѣли только играть на фортепіано. Прочія считали неприличнымъ посвящать часы досуга сему занятію. Концерты были однако же въ модѣ.

Прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ, сама превосходно игравшій на люшнѣ, не разъ забавлялъ оными Пешербургскую публику. Голштинскій министръ графъ Бассевицъ также давалъ музыкальныя собранія. Въ великій постъ 1722 года, вся Москва съѣзжалась къ нему слушать духовныя орапоріи, игранныя музыканшами Голштинскаго герцога Карла Фридриха. Музыканшны сіи пользовались большою славою въ Пешербургѣ: въ дни того года, Свѣшлаго Возкресенья или именинь Государыни, Герцогъ до разсвѣта являлся съ ними подъ окнами Императрицы и серенадами приносилъ ей свои поздравленія. — Рюмка вина, подносимая Великою Княжною Анною Пешровою Герцогу и всей его свитѣ, была обыкновенно наградою за ихъ вниманіе.

Наконецъ оспашаетъ мнѣ упомянушь о театръ. Театровъ было нѣсколько. Это увеселеніе, кажется, было въ пог-дашнее время не по вкусу Русскихъ; ибо при всѣхъ стараніяхъ Государя, театры не могли удержаться. Еще въ малолѣтствѣ Петра, семинаристы Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ играли комидіи духовныя, какъ Іудинъ ошсѣкла голову Олоферну, какъ Аршаксерксъ велѣлъ повѣсиль Амана, и ш. п. Нѣкошорыя изъ комидій сочиняла Царевна Софія Алексѣевна, другія были написаны преосвященнымъ Димитріемъ Росшовскимъ. Піесы послѣдняго были всѣ духовнаго содержанія, и одна изъ нихъ начиналась и оканчивалась двуступищемъ :

Благословенъ Господь отнынѣ и до вѣка,

Отъ всякаго зелія и даже до геловѣка.

Свѣшскія комедіи давались на Су-
 харевой башнѣ и въ гошпишалѣ.
 Актёрами были ученики математиче-
 ской или хирургической школь, ко-
 торыя помещались въ сихъ зданіяхъ.
 Иностранцы: Куншпъ, выписанный
 изъ Данцига въ 1701 году, Опшо-
 фиршпъ и Маннъ были при Петрѣ
 образователями нашихъ актёровъ, ко-
 торыхъ выбирали изъ подъячихъ или
 посадскихъ людей. Государь велѣлъ
 построишь для нихъ въ Москвѣ на
 Красной площади, прошивъ гошпинаго
 двора, деревянный домъ, извѣстный
 въ то время подъ именемъ *комидіаль-
 ной храмины*. Представленія давались
 по понедѣльникамъ и чешвергамъ, и
 дабы захошпъ къ посѣщенію коме-
 діи, повелѣно было вороша въ Кремль,
 Кипша и Бѣломъ городѣ, обыкновенно
 запираемая въ 8 часовъ вечера, дер-

жасть опворенными до 10 и не брать за эпо указныхъ пошлинь съ проѣзжающихъ. Главнѣйшія піесы шого времени были:

1). О Франшалпѣ, Король Эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его и о прочихъ.

2). О чесномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона Арцухъ (герцогъ) Фредерикъ фонъ Поллей.

3). Тюремной заключникъ или Принцъ Пикель Гирингъ.

4). О Графинѣ Тріерской Геновель.

5). Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цесарь.

6). Александръ и Дарій Македонскій, комидія въ 18 дѣйствіяхъ.

7). Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпистеръ и

8). Докшоръ принужденный.

Съ переѣздомъ двора въ Пешербургъ прибыли сюда и Рускіе акшеры. Ца-

ревна Нашалья Алексѣевна, выпросивъ себѣ въ 1716 году большой домъ на Пешербургской сторонѣ, въ Никольской улицѣ, устроила въ немъ ложи и родъ паршера. Труппа сего театра состояла изъ 10 актёровъ и актрисъ: въ оркестрѣ находилось 16 музыкантовъ, игравшихъ на духовыхъ инструментахъ. Царевна сама сочиняла трагедіи и комедіи, инныя въ 12 дѣйствій и болѣе, заимствовавъ предметы изъ Библіи или изъ свѣтскихъ происшествій. Представленія одной пьесы продолжались иногда по нѣскольку вечеровъ сряду. Особенно замѣчательна одна изъ сихъ пьесъ, въ которой представлены были, въ иносказательномъ видѣ, возмущеніе сирѣльцовъ, ихъ покушенія на жизнь Царя и наконецъ совершенное уничтоженіе гибельныхъ ихъ замысловъ и поспыгшая ихъ казнь.

Въ концѣ спектакля являлся одинъ изъ придворныхъ служителей, копорый пояснял публикѣ темныя мѣста въ трагедіи, и указывая на бездушныя труппы актеровъ, заключалъ правоученіемъ, сколько должно уважать существующую власть. Зрѣлища сіи позволено было смотрѣть всякому: приходившимъ подносили по рюмкѣ вина и по кренделю.

Въ это же время явилась въ Пешербургѣ Нѣмецкая труппа, дававшая свои представленія на Лишнейной, въ домѣ графа Брюса. Дворъ прилежно посѣщала оныя. Вообще Нѣмецкая драматическая лишперашура того времени состояла большею частію изъ шуточныхъ фарсовъ, въ которыхъ площадныя шушки замѣняли остроуміе; изъ ужасныхъ или сенсационныхъ трагедій, гдѣ всѣ умирали на сценѣ, или

гдѣ цари говорили языкомъ Аркадскихъ паспушковъ. ПЕТРЪ, который во всемъ имѣлъ вѣрный вкусъ, общалъ актерамъ богашое награжденіе, если они предспавяшъ піесу шроганшельную безъ любви и веселую безъ шушокъ, выходящихъ за предѣлы благопристойности. Разумѣлся, что они дурно исполнили это порученіе; но Государь, для ободренія, велѣлъ выдать имъ обѣщанное.

По смерти Наталіи, Мекленбургская Герцогиня Екашерина, дочь Царя Іоанна Алексѣевича, приняла на себя управление шеапромъ. Въ Пешербургѣ былъ у нея спектакль въ ея домѣ на Васильевскомъ оспрову, на шомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ музей Императорской академіи наукъ; въ Москвѣ въ селѣ Измайловѣ, принадлежавшемъ ея машери, Царицѣ Прасковѣ Федоров-

нѣ. Герцогиня сама распоряжала предешавленіемъ, и попому во время онаго находилась за кулисами. Въ аншрѣакшахъ являлись старые дураки и дуры, кошорыя забавляли посѣпшителей пляскою подъ звукъ рожка съ припѣвомъ.

Изъ сказаннаго выше вы видите, что всѣ увеселенія времени Петра I имѣють нѣчто отличное, свойственное своему времени. Вы еще болѣе въ шомъ удостовѣришесь, взглянувъ на множество карлъ и карлицъ, кошорыя занимають не маловажное мѣсто въ льпописяхъ шогдашнихъ забавъ. Въ концѣ XVII вѣка карлы и шупы были еще въ употребленіи при всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Опъ шого вы встрѣшите ихъ во множествѣ и у насъ, какъ при дворѣ, такъ и въ частныхъ домахъ. Государю вздумалось

однажды позабавишь Герцога и Герцогиню Курляндскихъ свадьбою карль. ПЕТРЪ вельзь одному изъ нихъ выбрашь себъ супругу изъ двушекъ одинакого съ нимъ росша; 13 ноября 1710 года назначена была свадьба. Созвали на сей праздникъ указомъ 19 августа 1710 года (*) всѣхъ карль, находившихся тогда въ Москвѣ и Пешербургѣ. Наканунѣ свадьбы двое изъ нихъ, бывшіе шаферами, поѣхали въ колясочкѣ о прехъ колесахъ, въ одну лошадь, убранную разноцвѣтными лент-

(*) « Въпошь указъ сей въ подлинникѣ:

« Карль мужеска и дѣвическа пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближнихъ людей, собравъ всѣхъ, выслашъ съ Москвы въ Пешербургъ сею августа 25 дня, а въ пошь опускъ въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ шѣ карлы живутъ, сдѣлашь къ тому дню на нихъ карль плясье: на

шамп, звашь госпей, двимья впереди, верхомъ двухъ офиціантовъ въ дивреъ. На другой день, когда все госпи съѣхались въ назначенный домъ, молодые отправились въ большомъ шоржесивѣ къ вѣнцу. Впереди шель карла, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, къ концу кошораго привязанъ былъ букешъ изъ деншъ. За нимъ женихъ и невѣста съ шаферами; потомъ самъ Царь, множество дамъ, нѣкоторыя министры и другія значительшія особы. Шествіе заключалось 72 карлами и карлицами, первые

мужеской полъ кафтаны и камзолы нарядные цѣшныя, съ прозуменшами золотыми и съ пуговицами мѣдными золочеными, и шапки, и поршупеи, и шляпы, и чулки, и башмаки Нѣмецкіе добрыя; на дѣвическъ полъ верхнее и исподнее Нѣмецкое плашье, и фанпажи, и всякой приличной доброй уборъ и въ помъ взяшь тѣхъ домовъ съ спрянчихъ сказки и проч.

въ свѣшлоголубыхъ или розовыхъ Французскихъ кафтанахъ, треугольныхъ шляпахъ и при шпагахъ; послѣднія въ бѣлыхъ плащяхъ съ розовыми лентами. Послѣ церемоніи всѣ оправились къ князю Меншикову, гдѣ ожидалъ молодыхъ богатыи обѣдъ. Карлы сидѣли въ срединѣ: столы жениха и невѣсты были подъ шелковыми балдахинами, а надъ стуломъ невѣсты висѣли при лавровыхъ вѣнкахъ. Маршалъ и 8 шаферовъ имѣли для опличія кокарды изъ кружевъ и разноцвѣтныхъ лентъ. Кругомъ, вдоль по стѣнамъ залы, сидѣли Царская фамилія и прочіе посѣщители. Праздникъ кончился пляскою, въ коей участвовали одни карлы.

Сей карла, котораго свадьба здѣсь описана, умеръ въ Генварь 1724 года. Похороны его также производились

съ отличною церемонією. Впереди шло человекъ 30 пѣвчихъ небольшого росла; старшему было не болѣе 13 лѣтъ. Гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ серебряными позументами и кисьями, поставили на построенныя для сего нарочно саночки, запряженныя шестью небольшими жеребятами въ черныхъ пополахъ. Въ головахъ покойника, на спинкѣ саней, сидѣлъ пятидесятилѣтній карла, братъ умершаго. За гробомъ слѣдовали: сперва карла, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, который перевить былъ чернымъ и бѣлымъ крепомъ, а потомъ 24 другихъ попарно, въ черныхъ плащяхъ, длинныхъ плащахъ и треугольныхъ шляпахъ, завѣшенныхъ флѣромъ. За мужчинами шли женщины: впереди, ведшій ихъ маршалъ; потомъ карлица Великихъ Кня-

жень и другая Герцогини Мекленбургской, кошорья, какъ родспвенницы покойнаго, ведомы были подъ руки каждая двумя карлами, а наконецъ прочія 24, шакже попарно, съ гирляндами на головахъ и длинными черными покрывалами. По споронамъ сей процесси слѣдовали съ факелами Царскій гайедуки и гренадеры. Въ замкѣ находились Государь, Герцогъ Голшпинскій, князь Меншиковъ и многіе вельможи, кошорые провожали покойника ошь дворца до Зеленаго, нынѣшняго Полицейскаго моста. Когда шѣло было предано землѣ, всѣ участвовавшіе въ церемоніи возвратились во дворець, гдѣ посадили ихъ за особенные столики, на маленькихъ стульяхъ, и угостили великолѣпнымъ обѣдомъ.

Шуты, или, какъ ихъ тогда называли, дураки, были едва ли не въ большемъ числѣ, нежели карлы. При дворѣ и во всякомъ почтѣ домѣ находились шуты или шупихи. Петръ упопроблялъ иногда первыхъ на то, чтобъ въ обществѣ говорить рѣзкія правды вельможамъ, копорыми былъ недоволенъ, и когда сіи послѣдніе жаловались на кошораго нибудь изъ нихъ Государю: « что вы хошите, чтобъ я съ ними дѣлалъ, » отвѣщивовалъ Императоръ, « они дураки. » Дура днемъ играла съ барынею въ дураки и не смѣла никогда выиграть; вечеромъ рассказывала ей сказки, чтобъ прогнать ея бессонницу. Въ праздничные дни, или когда случались гости, дура, разряженная какъ 18 лѣтняя дѣвушка, забавляла собраніе прыжками, кривляньемъ и пѣньемъ. Преимуще-

спвенно старались выбирать для се-
го старыхъ женщинъ, полагая, что
чѣмъ дура старѣе, тѣмъ она охотнѣе
къ рассказамъ и тѣмъ забавнѣе въ
пляскѣ.

О ПЕРВЫХЪ БАЛАХЪ ВЪ РОССІИ.

Вы желали знать, какъ веселились наши предки. Я хотѣлъ было описать вамъ великолѣпные обѣды прежнихъ Царей, шумные праздники, на коихъ заграничное вино, вкусныя яства и скоморохи шѣшили пирующихъ. « Но, оповѣчали вы мнѣ: « на сихъ праздникахъ не было женщинъ; а если онѣ и были, то безмолвными свидѣтельницами, и ни къмъ невидимыя, съ робостию только поглядывали сквозь длинныя фаты на происходившее. »— Вы хотѣли имѣть описаніе баловъ, собственно такъ называемыхъ; знать, въ какое время исчезла въ Рускихъ грубость

нравовъ, свойственнаѣ народу полу-образованному, и когда женскій полъ получилъ право гражданства въ нашихъ обществахъ. Исполняю вашу волю.

Балы введены въ Россію Петромъ Великимъ, по возвращеніи его изъ за границы, въ 1717 году. Парижскія общества, и тогда законодательи моды, вкуса, любезности и свѣтскаго обращенія, были заманчивою новостію для Россійскаго Монарха. Слѣдствіемъ эшого былъ указъ 1719 года о неслыханныхъ дополъ собраніяхъ обоего пола, названныхъ *ассамблеями*. Вотъ его содержаніе.

- 1). Желающій имѣть у себя ассамблею долженъ извѣстить о томъ каждаго прибывшымъ къ дому билетомъ.
- 2). Ассамблеи начинаеть не ранѣ

4 или 5 часовъ по полудни , а оканчивашь не позже 10.

3). Хозяинъ не обязанъ ни встрѣчашь , ни провожашь гостей , или по чему либо для нихъ безпокониться ; но долженъ имѣть на чемъ ихъ посадить , чѣмъ ихъ подчивашь и чѣмъ освѣтитъ комнашы.

4). Каждый можешь приходишь въ ассамблею , въ которомъ часу ему угодно , сидѣшь , ходишь , танцовашь или играшь.

5). Въ ассамблеи могутъ приходишь : чиновныя особы , всѣ дворяне , извѣстнѣйшіе купцы , корабельные мастера и канцелярскіе служители съ женами и дѣтьми.

6). Слугамъ опшесни въ домѣ особыя комнашы , чшобы въ покояхъ ассамблеи было просторнѣе.

7). Преступившій сіи правила подвергается наказанію осушить кубокъ *большаго орла*.

Говоряшь, что указъ сей произвелъ различныя впечатлѣнія. Заключенныя въ высокихъ шеремахъ красавицы наши, которыя только по праздникамъ осмѣливались подойти къ косячашымъ окнамъ, чшобъ посмопрѣшь на гуляющій по улицамъ народъ, впайнѣ радовались большей свободѣ. Съ другой стороны машушки, воспитанныя по старинѣ, неохотно повиновались волѣ Государевой и жаловались на развращенное время, въ которое дѣвушкамъ позволялось, не краснѣя, разговаривашь и даже (чего Боже сохрани) прыгашь съ молодыми мужчинами.

Ассамблеи устроены были слѣдующимъ образомъ. Въ одной комнатѣ

танцовали; въ другой находились шахматы и шашки; въ прешьей шрубкѣ съ деревянными спичками для закуриванія; шабакъ, разсыпанный на сполахъ, и бушылки съ винами.

Ассамблеи начинались всякую зиму у Государя, а оканчивались у оберъ-полицмейстера. Онъ, по списку, составленному самимъ Государемъ, извѣщаль за нѣсколько дней особъ, у коихъ надлежало собираться, о наступавшей очереди. Хозяинъ приглашалъ знатнѣйшихъ; прочихъ извѣщали о семь барабаннымъ боемъ по городу, или, на перекресткахъ улицъ прибывались къ домамъ приглашенія ко всѣмъ проходящимъ, чшобъ пожаловали къ шакому-то попрыгашъ и повеселишься. Въ день ассамблеи являлся къ хозяину въ два часа оберъ-полицмейстеръ съ пяшью канцеляристами, которые запи-

сывали прѣзжающихъ, для того чѣшбъ пошомъ донести о семъ Государю. Въ при начинали съѣзжашься. Обыкновенно, и дамы и мужчины прѣзжали въ самыхъ богатыхъ нарядахъ; шолько во время праура при дворѣ, никто, кромѣ Императрицы, не имѣлъ права носить драгоцѣнныхъ камней, золоша или серебра. Въ 6 часовъ прѣзжалъ Императоръ, и немного спустя, Государыня съ Великими Княжнами: ей одной хозяйинъ выходилъ на встрѣчу и ее одну провожалъ до карешы. Излишняя учшивосшь къ прочимъ посѣпшителямъ наказывалась осушеніемъ кубка большого орла. Дамъ угощали чаемъ, кофеемъ, миндальнымъ молокомъ, медомъ и вареньями; мужчинъ: пивомъ, виномъ и шрубками. Лимонадъ, оршадъ, а особенно шоколадъ, считались рѣдкостію, и пода-

вались только на ассамблеяхъ у герцога Голштинскаго и министра его Бассевица въ 1723 году.

Въ послѣдствіи, когда любезность утвердила въ нашихъ обществахъ законы приличія, вошелъ въ употребленіе слѣдующій обычай. Хозяинъ во время танцевъ подносилъ букетъ цвѣтовъ дамъ, копорую хотѣлъ отличить. Дама сія становилась царицею бала, распорядка танцами, и пошъ же букетъ торжественно отдавала другому кавалеру, назначая при томъ день, въ копорый желала танцовать въ его домъ. Получившій цвѣты обязанъ былъ слѣпо повиноваться волѣ красавицы. Наканунъ назначеннаго ею дня посылалъ онъ ей вѣеръ, пару перчатокъ и также цвѣты, съ копорыми она являлась въ собраніе, и какъ владѣтельница букета, остава-

лась царицею бала до новаго избранія. Обыкновеніе эшо, напоминающее времена рыцарскія, въ копорыя красота была душею всего великаго, продолжалось до царствованія Императрицы Екатерины II.

Руская пляска, вмѣстѣ съ длинными кафшанами и сарафанами, осталась только въ нижнемъ классѣ народа: замѣнили оную спешенный польскій, шихій менуэшь и рѣзвый Англійскій коншрдансь. Пльнные Шведскіе офицеры, находившіеся въ Пешербургѣ, первые учили шанцовашь Рускихъ дамъ и кавалеровъ; они долго были единственными шанцорами въ ассамблеяхъ. Кромѣ сказанныхъ шанцевъ, былъ церемоніальный, копорымъ всегда начинались свадебные и вообще торжественные праздники: спановились какъ въ экоссеэ; при шпе-

пенной музыкѣ, мужчина кланялся своей дамѣ и попомѣ ближайшему кавалеру; дама его слѣдовала пому же примѣру, и сдѣлавъ кругъ, оба возвращались на свое мѣсто. Сии поклоны, повпоренные всѣми, заключались польскимъ; тогда маршаль, завѣдывавшій праздникомъ, громко объявлялъ, что церемоніяльные шанцы кончились. Наспавала шумная веселость: всякій изъ посѣщителей могъ учаспвовашь въ шанцахъ. Въ менуэшахъ дамамъ предоспавленъ былъ выборъ. Кавалерь, кончившій танецъ съ выбравшею его дамою, обязанъ былъ въ свою очередь выбрать другую, и прошанцовавъ съ нею, переспашь; дама же продолжала шанцовашь съ другимъ кавалеромъ. Такимъ образомъ менуэшь продолжался, пока музыка не возвѣщала о перемѣнѣ. Польскіе и

конспрдансы, похожи были на нынѣшніе, съ шою шолько разницею, что первые были весьма медленны и продолжительны, а въ послѣднихъ каждая пара дѣлала свои фигуры, повторяемыя прочими. Вообще наши погдашніе танцовщики, одѣтые по образцу придворныхъ Лудовика XIV, перенимали и въ обращеніи уловки сихъ корифеевъ свѣтской жизни; но подражая, старались иногда превосходить шѣхъ, копорыхъ брали за образецъ. Такимъ образомъ мужчина, желавшій танцовать съ дамою, подходилъ къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церомоніальныхъ поклоновъ; во время танцевъ едва касался пальцами ея пальцевъ, а когда оканчивалъ, шогда изъявлялъ свою благодарносшь, поцѣловавъ ей руку. Гордая поступь въ польскомъ, важная осанка и узорчатые па въ

менуэпахъ опличали хорошихъ шанцовщиковъ.

Вскорѣ различныя степени образованія раздѣлили общества: собранія не перерывались, но ихъ могли посѣщать только особы, приглашенныя хозяиномъ. Тамъ - по важнѣйшіе въ государствѣ люди забывали на время свое величіе: Императорская фамилія старалась ласковымъ обращеніемъ и участіемъ въ забавахъ не дасть замѣшить своего присутствія. Императоръ, Императрица и Великія Княжны всегда много танцовали, особенно послѣднія. Императрица съ супругомъ, или съ герцогомъ Голштинскимъ, или съ княземъ Меншиковымъ, открывала балъ. Всякому свободно было просить Великихъ Княжёнъ, и какъ многіе искали сей чести, то онѣ не знали

опдыха. Одна только Царевна Прасковья, сестра Императрицы Анны, не любила танцевъ, и не иначе пускалась въ оныя, какъ по повелѣнію самаго Государя. Люди преклонныхъ лѣтъ и почтеннаго званія часно также прыгали вмѣстѣ съ другими. Царь забавлялся ихъ усалостію. Такимъ образомъ въ 1721 году, на свадьбѣ генераль - маіора князя Грубецкаго съ дочерью главнаго корабельнаго спроишеля Ив. Мих. Головина, подозвавъ къ себѣ генераль - адмирала графа Ф. М. Апраксина, вице - канцлера барона Шафировва, князя Кантемира, двухъ сенаторовъ князей Голицына и Гр. Фед. Долгорукаго, П. А. Толсшаго и генерала Ив. Ив. Бушурлина, всѣхъ лѣтъ бо и болѣе, онъ назначилъ каждому молодую даму, и взявъ самъ Императрицу, пошелъ съ ними танцо-

вашъ родъ нынѣшняго гроефашера. Оный продолжался около часу. Государь, бывшій въ первой парѣ, дѣлалъ самыя шрудныя па, и всякій изъ танцующихъ долженъ былъ слѣпо подражать ему во всемъ, а не исполнившій сего осушалъ въ наказаніе огромный кубокъ орла. Изъ танцующихъ кавалеровъ опличались: самъ Государь, графъ Ягужинскій, Австрійскій посланникъ графъ Кинскій, Голешинскій министръ Бассевиць, молодые князья Трубецкой и Долгорукій, и графъ Головкинъ. Изъ дамъ первое мѣсто занимала Великая Княжна Елисавета Петровна; опличались также княжны Черкаская, Каншемиръ, графини Головкины и Долгорукая, бывшая въ послѣдствіи невѣстою Императора Петра II.

Ассамблеи давались не въ одномъ Пешербургѣ; съ переѣздомъ двора въ Москву въ 1722 году завелись собранія и въ сей столицѣ. Собранія по указу происходили три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, въпорникамъ и чешвергамъ. Кромѣ того бывали частныя балы, гдѣ было посѣщителей менѣе, но болѣе веселости: на сихъ послѣднихъ танцовали иногда до 3 часовъ по полуночи.

Музыка на ассамблеяхъ была большею частію духовая: шрубы, фаготы, гобой и лишавры. Петръ ввелъ сперва въ употребленіе шарелки, лишавры и фаготъ; потомъ появились шрубы, валшорны и гобой. Государь выписалъ изъ Германіи капельмейстера, съ тѣмъ чшобъ они обучали молодыхъ солдатъ, которые всякій день отъ 11 до 12 играли на адми-

рамшейской башнѣ. Особенно любилъ оцъ Польскій рожекъ; всегда имѣлъ при себѣ музыканта, кошорый во время заняшій наигрываетъ Государю на семь инструментовъ Польскія и Малороссійскія пѣсни, и самъ даже въ часы досуга, занимался игрою на рожкѣ. Многіе вельможи имѣли также свои капеллы: лучшая принадлежала княгинѣ Черкаской. Герцогъ Голштейнъ-Готторпскій Карль Ульрихъ, приѣхавшій въ Россію въ 1721 году и послѣ взяшій въ супружество Великую Княжну Анну Пешровну, имѣлъ въ своей свитѣ капеллу, состоявшую изъ одного фортепьяно, нѣсколькихъ скрипокъ, одной віольдамуръ, одного альта, одного віолончеля, одно контрабаса, двухъ флейтъ и двухъ валторнъ. Пльнншельная игра сихъ музыкантовъ и новость привезенныхъ инструмен-

шовъ доставляли имъ часто случай показывать свое искусство: говорили, что шопъ праздникъ не въ праздникъ, гдѣ не играли Голштинскіе музыканшы.

Охопа къ танцамъ часъ опъ часу болѣе распространялась. При Императрицѣ Екаперинѣ I незнаніе танцевъ считалось уже въ дѣвицѣ недоспашкомъ воспитанія. Двору не было надобности приказывать ассамблеи: онѣ вскорѣ и совсѣмъ уничтожились; за то частныя балы не уставали. Замѣчательно, что около сего времени введены были въ наши общества каршы. Петръ Первый не терпѣлъ ихъ и предпочиталъ имъ шашки, а особенно шахмашы, игру любимую имъ до чрезвычайности и въ которой онъ ночки не находилъ себѣ равнаго.

Императрица Анна, придавшая много великолѣпія двору, любила веселость. Въ ея царствованіе праздники сдѣлались пышнѣе и получили Европейскій видъ. Табачный дымъ и спукъ шашекъ не беспокоили уже панцующихъ, и наконецъ совершенно уничтожилось наказаніе осушать кубокъ большаго орла. Въ торжественные дни и при всякомъ необыкновенномъ случаѣ были при дворѣ балы. Современные писатели упоминаютъ между главнѣйшими объ одномъ, данномъ въ генварь 1734 года, на который приглашены были съѣхавшіеся тогда въ Петербургъ посланники: Бухарскій, Турецкій и Кипайскій. Торжествовали въ шопъ день вступленіе на престоль Государыни. Праздникъ открылся въ залѣ, построенной въ Зимнемъ дворцѣ, у нынѣшняго Полицей-

скаго моста. Зала была украшена апельсинными и миршовыми деревьями въ полномъ цвѣту, которыя, образуя по обѣимъ сторонамъ аллеи, оставляли въ серединѣ довольно мѣста для танцевъ. Въ аллеяхъ разбросаны были дерновыя скамейки и боскеты для отдыха гуляющихъ. Живопись и разнообразіе сей картины воссоздавали разительную проливуположность съ мертвою природою, покрытою снѣгомъ и инеемъ. Благоуханіе искусственной рощи, яркое освѣщеніе, группы гуляющихъ и танцующихъ въ богатыхъ нарядахъ, при звукѣ величественной музыки, представляли нѣчто очаровательное. Императрица Анна спросила у Кишайскаго посланника: кто изъ дамъ, находящихся на балѣ, ему болѣе нравится? « Въ звѣздную ночь, освѣчалъ Кишаецъ » прудно рѣ-

шинь « которая звезда всѣхъ свѣтлѣ.» Но увидѣвъ, что Государыня не довольствуешя такимъ ошвѣтомъ, онъ подошелъ къ Великой Княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, низко поклонился, и отдавъ ей передъ прочими преимущество, примолвилъ, что « невозможно было бы перенести ея взгляда, еслибъ только глаза ея были поменьше.» Такъ всякій народъ имѣеть свой вкусъ: большіе глаза, считающіеся у насъ красою, казались Азіяшцу недостаткомъ.

Весьма много шуму надѣлалъ праздникъ, данный въ Пешербургѣ въ Лѣшнемъ саду, по случаю взятія Данцига въ 1735 году. Приглашенные съѣхались въ садъ въ часъ по полудни, дамы въ цвѣсныхъ робахъ съ газовыми накладками, шиньими серебромъ. Длинные ихъ локоны перевишы были

гарляндами изъ цвѣтовъ. Императрица, обошедъ госпей, пригласила ихъ къ столу. Государыня со всею фамиліею обѣдала въ гротѣ, на концѣ большой аллеи сада, въ споронѣ отъ бассейна. Для прочихъ посѣпителей накрытъ былъ столъ въ 300 кувершовъ подъ навѣсомъ изъ зеленой шелковой шкани, поддерживаемымъ колоннами, копорыя покрыты были кисеею и увиты гирляндами изъ натуральныхъ цвѣтовъ. Между колоннами находился буфетъ, по одной споронѣ съ золошою и серебряною, а по другой съ фарфоровою посудою. Приглашено было 150 кавалеровъ и столько же дамъ, и жребій назначалъ каждой дамѣ ея кавалера. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ перемѣнъ, изъ коихъ въ каждой было по 300 блюдъ, кромѣ десерта. Послѣ обѣда гости раздѣли-

лись на разныя группы; одни гуляли по саду, другіе занимались катаньем по бассейну въ раззолоченныхъ ящикахъ, принадлежавшихъ Императрицѣ. Съ наступленіемъ вечера открылся балъ подъ шѣмъ же навѣсомъ, гдѣ обѣдали. Разноцвѣтные огни, коими освѣщенъ былъ садъ; поставленныя въ разныхъ мѣстахъ прозрачныя картины и аллегорическія изображенія, приличныя празднуемому торжеству, представляли нѣчто очаровательное. Въ началѣ бала ввели въ палашку двѣнадцать Французскихъ офицеровъ, взявшихъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ. Когда каждый изъ нихъ поцѣловалъ у Императрицы руку, Государыня оборотясь къ начальнику ихъ, бригадиру графу де ла Мошть-Перузу, сказала: « не удивляйтесь, что я выбрала это время для вашей аудіенціи: Французы

дурнымъ обращеніемъ съ Рускими (*), имѣвшими несчасіе попасъся въ ихъ руки, даюшь мнѣ право къ опущенію; но я довольствуюсь учиненною вамъ шеперь непріятностію, а какъ народъ вашъ славится любезностію, то надѣюсь, что дамы здѣшнія успѣють въ нынѣшній вечеръ истребить изъ памяти вашей шягостное ваше положеніе. » — Съ симъ словомъ 12 фрейлинъ вручили плѣнникамъ ихъ шпаги. « Ваше Величество, » отвѣчалъ графъ де ла Мошъ, « умѣли найти средство побѣдиль насъ два раза: въ первый, когда мы, прошивъ желанія, положили оружіе передъ храбрыми войсками

(*) Французы, не объявивъ войны, овладѣли въ то время однимъ Рускимъ фрегатомъ на Балтійскомъ морѣ и забрали въ плѣнъ весь экипажъ.

вашими, и теперь, когда охотно отдаемъ сердца наши прекраснымъ нашимъ побѣдишельницамъ!»

Императрица Анна любила Рускую пляску. Ежегодно на масляницѣ приглашали ко двору унтеръ-офицеровъ гвардіи съ ихъ женами, которыя плясали по Руски. Придворные и даже члены Императорской фамиліи принимали участіе въ этомъ народномъ увеселеніи.

Во времена Елисаветы Пепровны балы Рускаго двора славились во всей Европѣ. Извѣстный балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не шанцовали менуэша съ большею выразительностію и приличіемъ, какъ въ Россіи. Это шѣмъ вѣрояшнѣе, что сама Государыня шанцовала превосходно, и особенно отличалась въ менуэштѣ и въ Руской пляскѣ. При ней же

завелись и маскарадные балы, вмѣсто бывшихъ при Петрѣ I масляничныхъ маскарадовъ, кошорые ограничивались однимъ кашаньемъ въ саняхъ. Кашанья вошли въ придворный церемоніаль, но безъ масокъ, а вмѣсто того, имѣвшіе пріѣздъ ко двору пріѣзжали, маскированные, танцовашь въ опредѣленные дни во дворець. Въ новый годъ всѣ мужчины являлись въ женскомъ, а дамы въ мужскомъ плашьяхъ безъ масокъ. Мужской нарядъ весьма шель къ лицу Императрицы Елисаветы Пешровой. Однажды, помнишся 1 генваря 1752 года, на одномъ изъ шаковыхъ маскарадовъ, Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, справедливо удивленная красошою Государыни, сказала ей: « Il est très heureux, Madame, pour nous autres femmes, que vous n'êtes cavalier que pour ce soir: sans cela

vous seriez trop dangereuse«—En ce cas la, Madame, отвѣчала Императрица, c'est certainement à Vous la première, que j'aurois adressé mes hommages. »

Вошь вамъ краткій опчеть о пер-
выхъ балахъ въ Россіи. Оспаша мнѣ
еще упомянуть о нарядахъ, какіе бы-
ли въ употребленіи у почтенныхъ на-
шихъ дѣдушекъ и бабушекъ. Но вы са-
ми не разъ жаловались на вѣтреность
моды, а она шочно также распро-
страняла непостоянное владычество
на прежніе степенные покровы, какъ
на нынѣшнія легкія одежды. Но
такъ и бытъ, чшобъ избѣжашь ва-
шего неудовольствія, постараюсь
въ нѣсколькихъ словахъ схвашишь нѣ-
кошорыя эпохи господствовавшаго въ
Россіи вкуса въ нарядахъ.

Заимствовавъ у Французовъ ассамблеи,
мы у нихъ же переняли и балы наши

плашья. Не думайте, чшобъ шо былъ
 итѣ легкія, ээирныя шкани, въ какихъ
 нынѣ прїѣзжаютъ на балъ наши кра-
 савицы. Старики швердятъ, чшо въ
 ихъ время молодежь была сшеченнѣе
 нынѣшняго. Вообще шрудно вѣришь
 старикамъ, обыкновенно хвалащимъ
 бывшее, счасливые годы ихъ славы и
 побѣдъ, и нарекающимъ на настоящее,
 когда они принуждены уступать дру-
 гимъ право плѣнять и бышь любезны-
 ми; но въ семь случаевъ едва ли они не
 правы. Представъше себѣ женщину,
 спянушую узкимъ коспянымъ кирасомъ,
 исчезающую въ огромномъ фишбейнѣ,
 съ башмаками на каблукахъ въ полшо-
 ра вершка вышины, и танцующаго съ
 нею мужчину въ алонжевомъ напудрен-
 номъ парикѣ, въ шпрокомъ маперча-
 томъ шипомъ кафшанѣ, съ спразо-
 выми пряжками въ четверть на пя-

желыхъ башмакахъ, и посудите; можете ли эта пара кружиться, лепашь по полу въ экосезѣ съ шою легкосшию, съ шою быспрошою, какую видимъ нынѣ! Робы дѣлались, большею частію изъ одной съ корсепомъ матеріи, съ длинными шлейфами, парчевыя или шпофныя, щипшыя золопомъ, серебромъ, а иногда унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и обложенныя богатыми кружевами. Головной уборъ былъ также весьма различенъ. Ни надъ чѣмъ; кажется, мода не ширанствовала сколько, сколько надъ волосами: каждый годъ, каждое собраніе, шо повышали, шо понижали прическу, а пошому и весьма шрудно очершишь ее въ нѣсколькихъ словахъ. Волосы покрывали пудрою, или, оспавая въ природномъ видѣ, переплещали ихъ брилліяншами и жемчугомъ.

Вообще пышность въ нарядахъ замѣняла вкусъ. Дамы не одѣвались, какъ теперь, по рисунку Грацій, не знали плънительной простоты; въ каждой бездѣлкѣ блистало тяжелое великолѣпіе, а не нынѣшній милый, упоенный вкусъ.

О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ РУСКИХЪ ПРИ ПЕТРѢ I.

Частная жизнь людей высшаго общества въ царствованіе Петра I такъ разнообразна, что трудно, невозможно почти дать описанію ея надлежащаго единства, сдѣлать изъ онаго нѣчто цѣлое. Но какъ безъ нее не лзя составить себѣ яснаго понятія о Рускихъ нравахъ того времени, то я рѣшился помѣстить здѣсь нѣкоторыя черты изъ тогдашней общественной жизни, предославляя другимъ умножить собранныя мною свѣденія новыми, и составить изъ нихъ полную картину.

Извѣстно уже, что ПЕТРЪ, со вспуиленіемъ на пресполь, рѣшился персобразовать наши нравы, и что сіе намѣреніе усилилось въ немъ съ 1718 года, послѣ втораго путешествія его въ чужіе края. Желаніе произвешши сей переворотъ скорѣе, и если можно, самому видѣти послѣдствія онаго, сродное пылкому характеру и безпокойной дѣятельности сего Монарха, не могло не встрѣтити препящсвій въ народъ полуобразованномъ, свяшо повиновавшемся обычаямъ шарины. Никто не смѣлъ явно прошивушпашъ волю Государевой: но большая часть, состоявшая изъ коренныхъ Рускихъ вельможъ, исполняя оную по наружности, старались удержашъ что можно было изъ обыкновенній, въ кошорыхъ они выросли, кошорыя получили въ наслѣдство отъ

своихъ опцевъ. Другіе, въ угодность ли Монарху, или попому, что понимали высокіе его виды, предупреждали желанія Петра, слѣдуя совершенно вновь вводимымъ перемѣнамъ. Сюда принадлежали особы, приближенныя къ Царю, или шъ, кои, бывъ отправлены въ началѣ его царствованія въ чужіе края, возвратились оттуда съ желаніемъ сблизить насъ съ народами просвѣщеннѣйшими и поспавишь наши общества на Европейскую ногу. Отъ того то вы увидите, въ частной жизни Рускихъ времени Петра I, странную пестроту: борьбу стараго съ новымъ, оспашки Рускихъ обычаевъ съ примѣсью обыкновеній Голландскихъ, Французскихъ и Англійскихъ; непринужденность въ обращеніи вмѣстѣ съ мѣлочнымъ эпикешомъ; у однихъ Азіятскую пыш-

ность, у другихъ благоразумную умеренность, не перпящую излишества и не знающую недостатка. Каждая семья предсавляешъ въ своемъ быту нѣчто отдѣльное, сохраняющее свой особый цвѣтъ. Я изложу вкратцѣ домашнюю жизнь главнѣйшихъ лицъ въ столицѣ и попомъ постараюсь схватить нѣкоторыя черты, которыя при всемъ разнообразіи нравовъ въ частности, были почти общія у всѣхъ.

Главою исключительныхъ любимцевъ сардинны былъ князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Связанный съ Государемъ узами родства; любимый и уважаемый Алексѣемъ, Феодоромъ и Петромъ за его испытанную вѣрность, любовь къ правдѣ и проницательный, хотя необразованный умъ; занимая въ государствѣ

важнѣйшую должность, онъ въ домашнемъ кругу являлся совершеннымъ Рускимъ бояриномъ спариннаго покроя. Онъ одинъ осмѣлился прошивушашъ шочной волю Петра касашельно перемѣны въ одеждѣ. Никогда не угождалъ приходящамъ господствовавшей въ его время моды; всегда носилъ Руской кафтанъ, опороченный узенькимъ золошымъ или серебрянымъ позуменшомъ, и черные усы съ просѣдью, кошорые еще въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича украшали его лице 1). Обыкновенно грубый въ обращеніи, онъ не перемѣнялъ онаго ни съ кѣмъ, и равно принималъ какъ вельможу, шакъ и послѣдняго изъ гражданъ. Никто не смѣлъ взѣхашъ къ нему на дворъ. Самъ Петръ, навѣщая Князя-Кесаря, оспавлялъ одноколку свою у песовыхъ ворошъ его,

и пѣшкомъ подходиль къ его дому 2); никогда не садился въ каретѣ съ нимъ рядомъ, а всегда напередѣ 3). Въ обществѣхъ никто не смѣлъ сѣсть передъ нимъ. Приходившіе къ нему, какого бы они званія ни были, должны были прежде поклона хозяину, осушить большой кубокъ проспаго вина, приправленнаго перцемъ, поднесеннаго на золотомъ блюдѣ ручнымъ медвѣдемъ. Худо тому, кто вздумалъ бы отказать! медвѣдь, упустивъ блюдо, вцѣплялся въ парикъ или волосы гостя, и до шѣхъ поръ не давалъ ему покоя, пока сей не соглашался принять чинимаго ему привѣтствія 4). Просые щи, кулебяка съ угремъ, разварная спѣрлядь и баранья буженина съ чеснокомъ, были главными кушаньями его обѣдовъ. Столѣтніе меды, пива, настоенные ягодами, и изрѣдка маль-

вазія, наполняли золошья или серебряныя кружки, поставленныя передь каждымъ приборомъ. Въ осеннее время, когда хлѣбъ былъ убранъ съ полей, отправлялся онъ изъ Москвы, чѣшобъ въ окрестностяхъ сей столицы, въ рощахъ, прилежащихъ къ селамъ Коломенскому, Измайлову и далѣе, пошѣишьяся охошою, а особенно соколиною, которую любилъ до страха. Ни одинъ владѣтельный князь Германіи, можешъ бытъ, не показывалъ въ подобныхъ случаяхъ такой пышности, какую являлъ сей Рускій вельможа. Въ шо время бояре поставляли за славу имѣшъ во дворѣ многочисленную челядь: одни содержали домовыя войска, родъ шѣлохранишелей, состояшья большею частію изъ дворовыхъ людей, одѣшыхъ въ цвѣша, находившіеся на гербахъ господъ; другіе имѣ-

ли каждый свой дворъ, сосшавленный изъ бѣдныхъ дворянъ на жалованьѣ, и усстроенный у однихъ, на подобіе двора древнихъ Рускихъ Царей, у другихъ по образцу Европейскихъ дворовъ 5). Въ день, назначенный княземъ Ромодановскимъ для охоты, множество ловчихъ, сокольничихъ, подсокольничихъ и поддашней въ зеленыхъ чекменяхъ съ золопыми или серебряными нашивками, или опушенныхъ иногда соболями, въ красныхъ шараварахъ и желтыхъ сапогахъ, въ длинныхъ по локоть лосиныхъ рукавицахъ и горностаевыхъ шапкахъ; съ перевязями черезъ плечо, одною изъ серебряной песьмы, къ кошорой привѣшена была обитая бархатомъ лядунка, и другою золошою, на коей висѣлъ серебряный рогъ, опоясанные ремнями, кошорые увѣшены были

жольцами, собравшись у ворошь, ждали повелѣній князя - кесаря. По данному знаку выѣзжали они, при звукахъ роговъ, на горскихъ лошадяхъ въ поле: одни, ведя за собою на смычкахъ своры собакъ, другіе, неся на прикрѣпленныхъ къ пальцамъ спальныхъ кляпышахъ (*), обвитыхъ серебряною или золошою проволокою, Сибирскихъ кречешовъ съ привѣщенными къ шейкамъ бубенчиками, подъ бархашными клубучками, шипыми серебромъ, золопомъ или разноцвѣтными шелками б). Князь-кесарь приглашалъ обыкновенно многихъ вельможъ для раздѣленія сей забавы. Онъ самъ выѣзжалъ на Арабскомъ жеребцѣ. Свита его, простиравшаяся иногда до 500 человекъ,

(*) Такъ назывались палочки изъ мешалла или швердаго дерева, на которыхъ сокольничіе держали кречешовъ.

вся посажена была на лошадяхъ съ его конюшень; большой обозъ со съѣстными припасами и напипками ѣхаль въ слѣдъ. Во время охоты подсокольничіе подавали князю и госпямъ его кляпыши съ кречетами. Собаки напускались для опыканія добычи; едва она подымалась, державшіе на рукахъ кречетовъ снимали съ нихъ клубочки, и громкіе крики одобренія сопровождали сихъ вѣрныхъ охотниковъ, когда, пушившись стрѣлою на добычу и поразивъ ее, они по свиспу сокольничаго, возвращались къ своимъ господамъ. Охота оканчивалась сытымъ обѣдомъ. Тѣ изъ просыхъ ловчихъ или сокольничихъ, которые имѣли случай опличиться, удостоивались чести раздѣлять шрапезу князя. За множествомъ блюдъ слѣдовала общая попойка: большія чаши, наполненные

виномъ, переходили изъ рукъ въ руки, и чѣмъ ловля была успешнѣе, тѣмъ пирь былъ шумнѣе. — Таковыя охоты продолжались иногда по нѣсколькимъ мѣсяцевъ сряду. Петръ не любилъ сего рода забавъ, но снисходилъ къ прихотямъ сваша своего, князя Федора Юрьевича.

Сія священная привязанность къ старинѣ оставалась почти наследственною въ родѣ князей Ромодановскихъ. По смерти князя Федора Юрьевича, сынъ его князь Иванъ Федоровичъ, принявъ титулъ опца (*); руководствовался его правилами и въ домашней жизни. Тоже обращеніе со

(*). Титулъ Князя Кесаря, данный Петромъ князю Федору Юрьевичу передъ первымъ отъѣздомъ его въ чужіе края въ 1697 году.

всѣми, пошь же эшкешь, шѣ же забавы. Число послѣдовашелей Ромодановскаго было многочисленно. Иванъ Ивановичь Бушурлинь, Лопухины, Нарышкины и много другихъ вельможъ, кошорыхъ имена менѣе извѣстны, старались по возможности соглашашь обычаи предковъ своихъ съ шѣми, какіе дворъ вводилъ въ употребленіе.

Графъ Федоръ Матвѣевичь Апраксинъ, также какъ и князь Федоръ Юрьевичь, былъ свашь Государю и пользовался отличнымъ уваженіемъ Петра. Домъ его въ два эшажа, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зимній дворець 7), былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ въ Пешербургѣ; при ономъ находился большой садъ, извивавшійся по берегу Невы до нынѣшняго адмиралтейскаго бульвара. Убранство комнатъ соотвѣшт-

своило обширности зданія: вездѣ на стѣнахъ видны были штофные обои, тяжелые столы съ насѣчками изъ кости или разноцвѣтнаго дерева и съ вызолоченными ножками, креслы и стулья съ высокими спинками, обитыя рышымъ бархатомъ. Госпепріимство было одною изъ главныхъ добродѣтелей генераль-адмирала. Всякій день, въ 4 часа по полудни 8), спавились у него для полдника (лѣпомъ въ аллеяхъ или бесѣдкахъ сада, зимою въ обширныхъ галереяхъ дома) столы, одни съ холодными кушаньями, сахарными закусками и плодами на серебряномъ, вызолоченномъ сервизѣ; другіе съ разнаго рода винами. Апраксинъ, отдохнувъ послѣ обѣда, приходилъ въ залу, гдѣ ждали его собравшіеся госпи. При звукахъ духовой музыки, расположенной въ разныхъ

концахъ сада или въ галереяхъ, гости садились за столы, и начиналась пирушка. Одни уходили, другіе приходили; слуги перемѣняли блюда и особенно бушылки, и бесѣда продолжалась до 10 часовъ вечера. По общепринятому въ то время мнѣнію, умѣнье жить состояло въ томъ, чтобы хорошо накормить и напоить гостя, въ какое бы время онъ ни пришелъ. Отказываться отъ предлагаемаго хозяиномъ; было неучтиво, и молодой человѣкъ, который не выпивалъ столько, сколько пилъ старшій, показывалъ неуваженіе къ хозяину и ко всемъ присутствовавшимъ. Добрый адмиралъ имѣлъ особенное дарованіе угощать приходившихъ къ нему: часто видали сего почтеннаго шарика съ обнаженною головою, покрытою сѣдинами, стоящаго на колѣняхъ пе-

редь упрямымъ гостемъ съ прозьбою осушитьъ еще послѣдній кубокъ. Ошъ того рѣдко кто уходилъ ошъ него не навеселѣ. Носивъ званіе генераль-адмирала, графъ Апраксинъ составлялъ, послѣ Петра, главное лице при закладкѣ и спускахъ кораблей. Послѣ закладки Императоръ со всею фамиліею и всѣ присушествовавшіе при церемоніи съѣзжались къ нему, чшобъ за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начашому дѣлу. Однажды въ 1721 году вздумалъ онъ при подобномъ случаѣ позабавить гостей своихъ правлею. Сія любимая забава прежнихъ нашихъ Царей выходила иногда уже изъ обыкновенія, а ошъ того новостъ сего явленія привлекла толпы любопытныхъ. На площади передъ графскимъ домомъ, нынѣшней Дворцовой, построили родъ полукруглаго

амфитеатра. — Когда посѣщители собрались въ галереяхъ адмиральскаго дома, впустили въ ограду дикаго медвѣдя и льва изъ шѣхъ, копорыхъ посланникъ Волынскій привезъ въ 1714 году изъ Перси. Началась жестокая борьба: разъяренные звѣри быстро бросились другъ на друга; попеременно слышны были то ревъ одного, то рыканіе другаго; наконецъ медвѣдь, изнузивъ противника, началъ браться верхъ: но Царь, опасаясь, чтобы левъ не сдѣлался жертвою въ сей спычкѣ, приказалъ прекратить справлю. Иногда въ отсутствіе Петра изъ столицы, генераль-адмиралъ принималъ въ своемъ домѣ посланниковъ: Бухарскихъ, Калмыцкихъ и Хивинскихъ. Въ другое время, командуя на Кронштапской рейдѣ флотомъ, давалъ онъ морскіе празд-

ники 12). Всѣ снасти судовъ украшались разноцвѣтными флагами : въ одномъ мѣсѣ слышны были пѣсельники ; въ другомъ звуки духовыхъ инструментовъ ; здѣсь мапрасы, для забавы съѣхавшихся изъ Петербурга госпей, ломались, кривлялись и прыгали ; тамъ показывали они ловкость свою, бѣгая по веревкамъ и спускаясь съ мачшъ. Съ наступленіемъ вечера, палуба, мачшы, реи и всѣ снасти были освѣщены. Богатый ужинъ, состоявшій какъ обыкновенно изъ множества блюдъ, ждалъ посѣпителей. При каждомъ шоссѣ падали изъ пушекъ, и не рѣдко залпъ изъ всѣхъ орудій, при послѣднемъ здоровьѣ въ честь основателя Россійскаго флота, заключалъ собраніе. Никто не возвращался домой съ сихъ праздниковъ въ шопъ же день. Генераль - адмираль поспавлялъ

въ шомъ славу, чпобъ хорошо уго-
спить дорогихъ своихъ посѣпшителей,
копорые расходились не прежде какъ
при выстрѣлѣ пушки, возвъщавшей на
другой день упреннюю зорю.

Между боярами, способствовавши-
ми Петру къ переобразованію Рос-
сійскихъ нравовъ, первое мѣсно за-
нимаетъ фельдмаршалъ Борисъ Пеш-
ровичъ Шереметевъ 13). Еще въ ма-
лолѣтствѣ Петра употребляемъ онъ
былъ въ заграничныхъ посольствахъ.
По окончаніи Азовскаго похода, въ ко-
поромъ явилъ онъ въ себѣ будущаго
героя подъ Полтавой, Шереметевъ,
восхищенный успрѣйствомъ видѣн-
ныхъ имъ справъ, рѣшился посѣпшить
ихъ снова, и въ то время, когда
Петръ, съ шопоромъ въ рукахъ спро-
илъ суда на Заандамской верфи, ближ-
ній бояринъ его искалъ просвѣщенія

на противоположномъ концѣ Европы. Онъ видѣлъ Вѣну и пышный дворъ Леопольда, богатую Венецію и дожа ея во всемъ его великолѣпіи, величественный Римъ съ его развалинами, и наконецъ Мальшу, коей воинственные рыцари приняли его въ число своихъ собратій. Возвратившись въ отечество, онъ первый подалъ собою примѣръ той утонченности въ нравахъ, того приличія, которыя послѣ старался распространить между своими соотечественниками. Первый изъ Рускихъ явился передъ Петромъ во Французскомъ кафтанѣ съ Мальшійскимъ крестомъ на груди и въ осыпанной бриліаншами шпагѣ, подаренной ему Императоромъ Леопольдомъ. Онъ любилъ пышность, но не Азіатскую, не ту, которая безъ нужды слѣпиль глаза, распространяясь на все безъ разбора.

Домъ фельдмаршала, на Фоншанкѣ прошивъ Лѣшняго сада 14), былъ прибѣжищемъ для всѣхъ неимущихъ: за споль его, на которомъ не ставилось менѣе 50 приборовъ, даже въ походное время, садился всякій, званый и незваный, знакомый и незнакомый, и сполько съ условіемъ чшобъ не чинишься передъ хозяиномъ. Обѣды его, пригошовленные лучшимъ образомъ, не обращались никогда въ шумные пиры: фельдмаршалъ ненавиждѣлъ излишество и не любилъ бесѣды, въ шо время обыкновенныхъ, въ которыхъ кубки съ виномъ играли главную роль. Самъ Петръ сполько уважалъ его, чшо никогда не принуждалъ пишь, и во время праздниковъ Государевыхъ, Щеремешевъ и князь Михайла Михайловичъ Голицынъ одни освобождены были опъ наказанія, соспоявшаго въ

осушеніи кубковъ *большаго орла*. Общесшво его состояло изъ людей самыхъ образованныхъ: генераль-фельдцейгмейстера Брюса, Англійскаго посланика лорда Випворша, Прусскаго Мардефельда и другихъ иностранныхъ министровъ и ученыхъ, находившихся тогда въ Россіи, и, не смотря на малое просвѣщеніе того времени, молодые люди считали за честь и славу, если могли попасть въ вечернія собранія фельдмаршала. Не было, можешь бышь, чловѣка въжливѣе и ласковѣе въ обращеніи. Часто, разѣзжая по Москвѣ, окруженный множесшвомъ скороходовъ, бѣгуновъ и домовыми войсками, останавливался онъ на улицѣ и выходилъ изъ кареты, чтобъ подать руку спарому сослуживцу. Послѣдніе годы жизни своей посвяшилъ онъ благошворительности.

Онъ умеръ въ 1719 году, любимый войскомъ и народомъ. Петръ уважалъ его чрезвычайно, называлъ его своимъ Баярдомъ и Тюренемъ, всегда вспрѣчалъ и провожалъ его до двери своего кабинета, и поставилъ бы ему монументъ въ Невскомъ монастырѣ, еслибы смерть не помѣшала Государю въ исполненіи сего намѣренія 15).

Но никто изъ приближенныхъ къ особѣ Петра не жилъ великолѣпнѣе любимца его, князя Меншикова. Зная, что Государь, сохранявшій простоту во всемъ, лично до него касавшемся, любилъ, вышедъ изъ частнаго быту, окружать себя блескомъ, Меншиковъ, въ угодность ли Монарху, или по собственнѣйшей склонности, показывалъ въ частной жизни пышность, соотвѣтствующую высокому званію владѣтельнаго князя Ижорскаго и

Ингерманландскаго. Онъ имѣлъ своихъ камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и пажей 16). Домъ его на Васильевскомъ острову, на самомъ берегу Невы, шамъ гдѣ нынѣ 1 кадетскій корпусъ, былъ въ погдашнее время обширѣйшимъ и красивѣйшимъ зданіемъ въ Пешербургѣ 17). Обои шпофные и гобеленовые, подаренные Петру I въ Парижѣ, большіе бронзовые часы съ боемъ и курантами, люстра изъ цвѣшнаго хрустала съ золошыми или серебряными вѣшьями, большія венеціянскія зеркала въ зеркальных рамахъ съ позолоченными обручиками, сполы на шолешыхъ, вызолоченныхъ ножкахъ съ выкладками изъ разноцвѣшнаго дерева, представившими всякаго рода звѣрей и пшиць, диваны и спуля, обипья шелковыми шканями, съ высокими спинками, на кошорыхъ изображенъ былъ гербъ

хозяина съ княжескою короною, и Персидскіе ковры на полу, служилили украшеніемъ комнашь. За домомъ простирался обширный садъ, лучшій въ Петербургѣ послѣ Царскаго, съ оранжереями, сараями фруктовыхъ деревьевъ, пшичниками и небольшимъ звѣринцемъ 18). Въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ, Пётръ часто давалъ въ семь жителей столицы домъ пиры, на копорые отпускалъ князю по тысячѣ рублей 19). Иногда принималъ здѣсь иносшранныхъ пословъ въ устроеной для сего нарочно шронной залѣ, подлѣ кошорой была гардеробная Государя 20). Онъ пріѣзжалъ къ Меншикову запросшо: передъ началомъ аудіенціи выходилъ изъ гардеробной въ шронную въ парадномъ кафтанѣ, и по окончаніи оной, сбросивъ шягосшную для себя церемоніаль-

ную одежду, уходилъ опъ своего любимца.

Роскошные праздники князя Меншикова болѣе всего походили на Европейскіе. Князь, сполько способствовавшій Петру I въ произведенныхъ имъ перемѣнахъ, поспавлялъ въ помя славу, чшобъ сколько можно приблизиться къ обычаямъ, какіе въ то время наблюдаемы были при образованнѣйшихъ дворахъ Европы: ибо зналъ, что ничѣмъ лучше не угодишь Петру. Госпи пріѣзжали къ нему въ лодкахъ: на берегу рѣки, у крыльца, на лѣспницѣ и у всѣхъ дверей встрѣчали ихъ, при звукѣ шрубъ и лишавръ, пажи, каммеръ-юнкеры и каммергеры князева двора, въ синихъ мундирахъ, шипыхъ золопомъ, въ башмакахъ съ золошыми пряжками и въ цвѣшныхъ шелковыхъ чулкахъ съ золошыми или

серебряными стрѣлками. Обѣды его, пригошовленные лучшими выписанными изъ Парижа поварами ²¹), состояли иногда изъ 200 блюдъ и подавались на золотомъ сервизѣ: погреба наполнены были лучшими винами. Народъ толпился на улицахъ, чшобъ пошмошрѣшь на князя, когда онъ въ шоржеспвенные дни ѣхалъ во дворець. Въ шогдашнее время многочисленная услуга и пышность въ экипажахъ составляли необходимость для людей хорошаго шона. Баринъ или барыня не могли выѣхать изъ дому, въ саняхъ ли или въ карешѣ, безъ шого чшобъ, кромѣ слугъ позади, не имѣшь впереди себя нѣсколькихъ верховыхъ, кошорые днемъ разгоняли на улицахъ народъ, а ночью, неся въ рукахъ длинные факелы, указывали и освѣщали дорогу ²²). Въ большіе праздники любимецъ Петра,

перѣхавъ черезъ Неву на выложенной зеленымъ бархатомъ внутри и раззолоченной снаружи лодкѣ, выходилъ у своей австеріи, находившейся на Исакиевской площади, шамъ гдѣ нынѣ сенать. Отсюда начиналось торжественное его шествіе: впереди шли скороходы и служилыи дома въ богатой ливрѣ, пошомъ ѣхали музыканшы и пажи верхомъ, въ синихъ суконныхъ и бархатныхъ кафшанахъ съ золотыми позументами по швамъ; за ними самъ князь въ каретѣ, сдѣланной на подобіе вѣра, на низкихъ колесахъ, съ золотымъ гербомъ на дверцахъ и большою княжескою короною изъ того же мешалла на имперіалѣ, и запряженной шестью лошадьми въ уборѣ изъ малиноваго бархата съ золотыми или серебряными украшеніями. По сторонамъ шло по при камерь-

юнкера, изъ конхъ одинъ держался за ручку карешныхъ дверецъ, и наконецъ небольшой опрядъ драгунъ князева полка заключалъ шесшвіе.

Не буду говорить о гостепріимствѣ Шафирова, въ домѣ котораго на Пешербургской сторонѣ неподалеку отъ Сампсоньева моста ²³), была обширнѣйшая въ Пешербургѣ зала, и коего погребъ заключалъ въ себѣ лучшія вина; о жившемъ подлѣ графѣ Головкинѣ ²⁴), коего бережливость обратилась въ пословицу и котораго дочери по образованію, любезности и красотѣ были въ числѣ первыхъ двѣицъ въ столицѣ ²⁵); объ ученомъ и веселомъ князѣ Кантемирѣ, коего супруга, урожденная княжна Трубецкая, слыма первою красавицею въ Пешербургѣ; о племянницѣ ея, милой княжнѣ Черкасской; объ Измайловѣ, посланникѣ нашемъ въ

Пекинъ въ 1720 году, коего домъ былъ весь меблированъ въ китайскомъ вкусѣ; наконецъ о баронѣ Спрогоновѣ, на роскошныхъ пирахъ котораго являлось до 20 дѣвиць, игрою на арфѣ и пѣніемъ восхищавшихъ зрѣніе и слухъ посѣщителей. Описаніе ихъ образа жизни наскучишь однообразіемъ. Перейду къ обыкновеніямъ, которыя были почти общими въ то время всѣмъ, составлявшимъ высшее общество.

Примѣръ двора, всячески старавшагося сблизить всѣ состоянія и распространить общественную жизнь между Рускими, скоро подѣйствовало на людей, у которыхъ гостепріимство было врожденною добродѣтелью. Тогда эпикетъ не раздѣлялъ еще состояній столько, сколько теперь; зазывныхъ билетовъ не знали; приглашали только самыхъ знатныхъ;

прочіе, знакомые и незнакомые, приходили въ назначенный часъ, сѣдѣли за столомъ, и покушавъ хлѣба - соли, уходили, часшо не заботясь о хозяйнѣ. Хозяинъ или хозяйка встрѣчали госшей въ дверяхъ, при звукѣ трубы и лишавръ, поклономъ и рюмкою водки или вина. Обѣды, начинавшіеся въ 12 часовъ, были продолжительны и состояли изъ множества блюдъ. Въ частныхъ собраніяхъ, когда сѣзжались одни корешкіе знакомые, жребій назначалъ дамѣ кавалера, кошорый долженъ былъ ее вести къ столу, сѣдѣлся рядомъ съ нею и услуживалъ за обѣдомъ. Во время стола доморощенный музыкантъ забавлялъ госшей игрою на гусяхъ. Въ торжественные дни вмѣсто гусей слышны были духовые инструменшы: дамы находилась въ одной, а кавалеры въ дру-

гой комнашѣ. Въ концѣ обѣда подносили первымъ сахарныя закуски, къ мужчинамъ же приносили ящики съ винами: Венгерскимъ, Рейнскими и нѣкошорыми Французскими. Начинались посты: обыкновенно предлагалъ оныя самъ хозяинъ. Когда случалось, что Государь находился въ числѣ пирующихъ, то первымъ постомъ было всегда призваніе Божіей милости, а впорымъ благоденствіе семейству Ивана Михайловича Головина, по естѣ, флору (*). Петръ считалъ сей постъ

(*) Генералъ-маіоръ Головинъ отправленъ былъ Петромъ I въ концѣ XVII вѣка въ Венецію выучиться Италіянскому языку и строенію кораблей, а особенно галеръ; но сіи занятія были не по его вкусу. Четыре года пробылъ онъ въ Венеціи, и одинъ только разъ былъ на тамошней верфи. Когда онъ воротился, Царь для испытанія повелъ его въ адмиралшейство;

споль важнымъ, что обѣщаль шупу своему Поршугальцу Лакоспу 100.000 рублей, если бы случилось когда нибудь пропустить оный. Во время стола Государь уходилъ отдыхать и черезъ часъ возвращался. Послѣ обѣда гости переходили въ другую комнату къ дамамъ, гдѣ ждали ихъ чай, кофе и лимонадъ. Если общество было не

но первые отвѣты Головина показали, что онъ не имѣлъ понятія о кораблестроеніи. Выучился ли ты хоть по Италіански? спросилъ Петръ. — Очень мало, Государь. — Чтоже ты дѣлалъ? — Курилъ шабакъ, пилъ вино, и игралъ на басу, отвѣчалъ Головинъ. — Сей лаконизмъ и опроченность понравились Петру, и Государь, какъ будто въ шутку, сдѣлалъ его адмиралшейскимъ совѣтникомъ и главнымъ надзирашелемъ С. Пешербургской корабельной верфи. Петръ любилъ Головина за его прямоту, испытанную вѣрность и за оказанное въ сраженіяхъ мужество.

многочисленно, и не лѣзя было шанцовашь, по призывали домашняго козака, кошорый шѣшилъ посѣтишелей пляскою съ припѣвомъ и игрою на шорбанѣ, или на балалайкѣ. Въ другое время, когда не случалось гостей, передъ конми надлежало чинишься, садилсь играшь: мужчины между собою въ коспи, шахматы или шашки; замужня дамы съ нѣкошорыми кавалерами въ королѣ, марьяжъ, ломберъ, ламушь или ланшре; дѣвушки съ молодыми мужчинами забавлялись игрою въ фаншы, или въ кошку и мышку, или въ жгушы, и шому подобное.

Общесхва наши шого времени представляли странную прошивуположпосшь: совершенную непринужденность между мужчинами и самый строгій эшкетъ въ обращеніи съ женщинами. Простое обхожденіе Петра

служило примѣромъ для подданныхъ. Въ собраніяхъ одни лѣша давали право на опличіе: часпо вельможа, занимавшій важнѣйшее мѣсто въ государствѣ, вспаваль передъ человѣкомъ низшаго званія, покрытымъ сѣдинами. Особенно старшіе въ семьяхъ пользовались у младшихъ уваженіемъ, котораго слѣды и теперъ примѣшны въ коренныхъ Рускихъ фамиліяхъ: пакъ на примѣръ, герой Финляндіи, князь Михайла Михайловичъ Голицынъ, имѣя около 60 лѣтъ отъ роду, не смѣль никогда садиться при братѣ своемъ князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ, который былъ нѣсколькими годами старѣе. Семейственная жизнь Рускихъ бояръ предшавляла нѣчто патриархальное. Родственные связи уважались гораздо болѣе нынѣшняго. Въ семейственный праздникъ всѣ родные съѣзжались

къ дававшему оный. Старшій занималъ почешное мѣсто; прочіе, мужчины и женщины, составивъ около него большой кругъ, ждали позволенія сѣсть. Когда всѣ занимали свои мѣста, онъ начиналъ разговоръ, входилъ въ обшпояшельства каждой семьи: однимъ давалъ совѣщы, другимъ дѣлалъ замѣчанія, и словомъ, распоряжалъ дѣлами каждаго. Никшо изъ присуществовавшихъ самъ собою не могъ заговаривашъ съ старшимъ или обращашъ къ другимъ во время его разговоровъ; все дѣлалось по его волѣ; всѣ старались о томъ только, чшобъ ему угодить.

Нѣсколько сотъ лошадей на конюшнѣ, множество карепъ, колясокъ, фашоновъ и колымагъ въ сараяхъ, и многочисленная дворня составляли принадлежность всякаго дворянскаго

дома. Между слугами нѣкоторыя пользовались преимущественно опличіемъ передъ прочими. Няня завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ; шушь или дуракъ садился иногда за столъ съ господиномъ и имѣлъ позволеніе говорить, что ни приходило ему на умъ; сказочникъ находился при баринѣ, когда онъ ложился спать, и обязанъ былъ, сидя у ногъ его на постели, рассказывать всякій день что нибудь новое до шѣхъ поръ, пока господинъ не уснетъ крѣпкимъ сномъ. За обѣдомъ слуга, опличавшійся долговременною службою въ домѣ, имѣлъ право, стоя за столомъ, вмѣшиваться въ разговоръ господъ своихъ. Въ большіе праздники всѣ столовою приходили поздравлять своего господина или госпожу, копорые подносили имъ по рюмкѣ вина. Для обѣдовъ каждый день накрывались длин-

ные сполы, покрытые множествомъ
 разнаго рода блюдь, если даже сяди-
 лось за споль не болѣе двухъ чело-
 вѣкъ. Когда не случалось посторон-
 нихъ, баринь, вѣроятно по примѣру
 прежнихъ царей, копорые свой споль
 посылали на домъ къ подданнымъ, ко-
 ихъ хотѣли опличить, разсылали съ
 своего спола блюда, или, какъ ихъ
 называли, *подаги*: нянѣ, дворецкому,
 конюшему, сказочнику и другимъ изъ
 служителей, пользовавшихся его ми-
 лостію.

Женщины не имѣли въ то время ша-
 каго вліянія на общества, какимъ поль-
 зующся нынѣ. До Петра показывались
 онѣ между мужчинами рѣдко, и то на
 нѣсколько минушь. Къ концу обѣда,
 за хлѣбнымъ, входила въ комнапу,
 гдѣ сидѣли за споломъ мужнины госши,
 нарумяненная хозяйка въ кокошникѣ,

бархашной, обложенной соболемъ шѣ-
логрѣйкѣ, и башмакахъ съ высокими
каблуками. За нею дочери, съ повяз-
ками на головахъ, въ цвѣшныхъ сара-
фанахъ и башмакахъ такихъ же какъ
у машери. Осѣнивъ себя три раза крестомъ
передъ споявшею въ углу иконою и
поклонившись гостямъ, онѣ, не говоря
ни слова, подносили каждому по чешыре
кубка: съ водкою, виномъ, пивомъ и
медомъ. Каждый гость долженъ былъ осу-
шить кубки за здоровье красавиць, и въ
благодарность получалъ отъ нихъ поцѣлуй
въ щеку. — Симвъ ограничивалось
участіе женщинъ въ общесхвахъ, пока
указы Петра не дали имъ правъ, равныхъ
съ правами мужчинъ. Одѣшья въ евро-
пейскія плашья, выученныя танцовашъ
и говорашъ по Нѣмецки, онѣ перестали
замѣняшъ природный румянецъ под-

дѣльнымъ, чернить зубы и брови; радовались большей свободѣ; но, не смотря на всѣ старанія Государя, по привычкѣ, или слѣдуя внушенію старушекъ, сохранили въ обращеніи съ мужчинами нѣкоторую дикость, поддерживаемую господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ. Дѣвушка въ обществѣ, чѣмъ не нарушить правилъ приличія, не могла вступать въ разговоръ съ незнакомымъ мужчиною, а если была къ тому принуждена, то должна была отвѣчать на всѣ вопросы самымъ короткимъ образомъ, и если можно не болѣе какъ *да - съ* и *нѣтъ - съ*; не могла два или три раза танцовать въ вечеръ съ однимъ мужчиною, если онъ ей былъ не родственникъ. Замужнія пользовались болѣею свободою, но и эта свобода была гораздо ограниченнѣе нынѣшней.

При такой застенчивости женщины не могли имѣть большаго вліянія на мужчинъ. Однакоже оно существовало. Желаніе нравиться, почти врожденное всѣмъ людямъ, занимало пошъ и другой полъ. Костюмы сдѣлались щеголеватѣе, или лучше сказать, пышнѣе прежняго. У женщинъ появились плашья, шитыя золотомъ, серебромъ, или унизанныя жемчугомъ; у мужчинъ цвѣтные бархатные кафтаны съ пуговицами изъ золота или драгоценныхъ камней; прически à la Vallière и длинные алонжевые парики. Обращеніе съ женщинами сдѣлалось принужденнѣе. Между мужчинами родилась услужливость къ дамамъ, которая еще носила примѣты своего младенчества. Такъ на примѣръ, однажды въ 1721 году, чтобъ почтись красосу княгини Каншемиръ,

гости, собравшись послѣ обѣда у нее въ спальнѣ, пили ея здоровье изъ вещей, принадлежавшихъ къ ея шуалешу: спекляныхъ башмаковъ, сапожковъ и проч. Въ обществѣ учтивый кавалеръ долженъ былъ полнести дамамъ, кошорыхъ хотѣлъ оплечить, букетъ свѣжихъ цвѣшовъ. На улицѣ, встрѣчался ли ѣхавшій мужчина съ знакомою дамою въ каретѣ, оба экипажа съ многочисленною ихъ свисшою останавливались; кавалеръ, не взирая на погоду, выходилъ изъ своего, и съ обнаженною головою, держа шляпу въ рукахъ, подходилъ къ каретѣ красавицы, чшобъ имѣть удовольствіе привѣспшвовашъ ея поцѣлуемъ руки.

Таковы были обыкновенія въ высшемъ классѣ обществъ при Петрѣ I. Въ простомъ народѣ оставались съ Рускою одеждою и обычая старинные.

Они также изменялись, но весьма мало, и теперь еще являюся наблюдателю почти въ первоначальной своей простотѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОБЩЕЖИТІЕ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ
ВЪ ХУІІ И ХУІІІ СТОЛѢТІЯХЪ.

РОДИНЬ МОЕЙ.

Спрана, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бышя,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣшъ,
Знакомые попоки,
Злашья игры первыхъ лѣшъ,
И первыхъ лѣшъ уроки,
Что вашу прелестъ замѣнишъ?
О родина свяшья!
Какое сердце не дрожишъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій.

ОБЩЕЖИТІЕ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ ВЪ ХVІІ И ХVІІІ СТОЛѢТІЯХЪ.

Въ опечесшвенную войну 1812 года Донское войско показало свѣшу свои чувства: всѣ казаки, и старцы и юноши, взялись за оружіе, подвизались за вѣру и опечество.

При первомъ звукѣ воинской трубы старый Донской воинъ Побѣдинъ, секундъ - маіоръ прошедшаго столѣтія, выслалъ своего послѣдняго сына и внука въ полкъ, въ копоромъ старшій его сынъ служилъ есауломъ; когда же образовалось ополченіе, самъ ста-

рикъ, снявъ со спѣны дѣдовскую саблю, пошелъ къ Москвѣ — умереть подъ спѣнами ея или торжесшвовашъ побѣду съ брашьями.

Между шѣмъ многочисленныя полчища Наполеона, опустошая Россію, приближались къ древней столицѣ. Есауль Побѣдинъ, проходя съ отрядомъ, чрезъ деревню Гжи Б., отбилъ шайку мародѣровъ, готовившихся расхищать ея имущество. Казаки прогнали непріятеля, но дорого заплатили за сей успѣхъ: есауль былъ убитъ; съ нимъ вмѣстѣ пали братъ и сынъ его. Донскіе воины, оплакавъ смерть своего начальника, погребли его въ одной могилѣ съ его родными; Гжа Б. и признательные поселяне оросили слезами смиренный крестъ, воздвигнутый надъ прахомъ храбрыхъ защитниковъ отечества.

Старикъ Побѣдинъ получилъ роковую вѣсть о сей потерѣ подь Москвою; общія несчастія отечества заглушили въ душѣ его голосъ скорби. Дыши мои умерли, какъ должно Русскимъ воинамъ, думалъ онъ; грѣшно сокрушаться о нихъ. Святая Русь мать моя; родимый Донъ мое семейство; я еще не сирота. Царь призиши спаросишь мою, Господь Богъ низпошлеть утѣшеніе.

Побѣдинъ кончилъ кампанію, былъ два раза во Франціи, и осенью 1815 года возвращался домой, украшенный орденами и ранами. Въ пылу сраженіи, въ торжествѣ побѣды, онъ помышлялъ единственно объ опечесствѣ и не чувствовалъ грусти; но она опоздалась въ душѣ его въ тишинѣ мира. «Другіе возвращаются на радость въ дома, а я побѣду поплакаю на могилѣ.

родныхъ, » сказалъ онъ; взявъ оппускъ, и полетѣлъ на то мѣсто, гдѣ навѣки погребено было его семейственное счастье.

Надъ прахомъ дѣшей своихъ Побѣдинъ нашель памятникъ, воздвигнутый Гжею Б. Не взирая на швердость спарика, грусть, пошряшая его душу, раскрыла его раны, и чрезъ нѣсколько дней онъ слегъ въ постелю; искусство медика, при искреннемъ участіи Гжи Б., скоро возвратило его къ жизни, но не къ счастью.

У Гжи Б. уже все было готово къ опѣзду въ Москву; она убѣдила Побѣдина сошествовать ей, съ шѣмъ, чшобы опшуда не прежде опправиться на свою родину, какъ по совершенномъ выздоровленіи.

Въ домѣ Гжи Б. въ Москвѣ собиралось опличное общество; всѣ, кшо

къ ней ѣздили, принимали истинное участіе въ положеніи Побѣдина. Взирая съ особеннымъ уваженіемъ на защитниковъ опечества, всякій разъ осыпали Побѣдина вопросами о его родинѣ и образѣ жизни его земляковъ, о ихъ обычаяхъ, увеселеніяхъ и проч.

Ошвѣты его подавали поводъ къ новымъ вопросамъ. Онъ говорилъ о началѣ казаковъ, о первыхъ ихъ подвигахъ, о частной ихъ жизни: его-то рассказы рѣшился я здѣсь представить публикѣ.

РЫЦАРСКАЯ ЖИЗНЬ КАЗАКОВЪ.

Казакѣ въ первобытномъ состоянїи вели жизнь полудикую, своевольную, почти кочевую, и безпрестанно искали приключенїй или добычи на водахъ и степяхъ Украины. Составленные изъ пришлецовъ разныхъ земель и областей, сіи разноплеменные толпы не знали ушонченностей общешїя, жили въ шалашахъ, питались плодами, рыбою и дичиною; все наслажденїе полагали въ войнѣ и набѣгахъ.

Только въ XVII столѣтїи гражданская жизнь казакѣ приняла видъ образованности; отсюда я начну свой рас-

казь. Но и въ это время не найдете разнообразія свѣтской жизни среди жилищъ казачьихъ: тогдашній Донецъ въ занятіяхъ, въ опдыхъ, въ забавахъ, являлся всегда воиномъ. Во снѣ и на яву одна мысль занимаетъ его: оружіе, слава и добыча; война его сущія, его радость. Древность наша заключается въ *Рыцарской жизни казаковъ*, въ которой вы не встрѣтите ничего похожаго на нынѣшнее.

По правому берегу Дона, отъ устья рѣчки Аксая до нынѣшней Воронежской губерніи, въ глуши лѣсовъ, между непроходимыми болошами, были разсыяны небольшія крѣпосщцы, единственные ихъ жилища, извѣстныя тогда подъ именемъ *городковъ*. Въ этихъ городкахъ, гдѣ едва помѣщалось вѣсколько бѣдныхъ избъ, или землянокъ, казаки, имѣя въ сосѣдствѣ без-

покойныхъ враговъ, проводили всю свою жизнь, точно какъ на бивакахъ; не могли по этому заботиться ни о красотѣ, ни объ удобности домовъ своихъ; старались только имѣть пріюстъ и защиту отъ непогоды, полагая, что нарядныя строенія привлекутъ къ нимъ жадныхъ непріятелей. « Пускай, говорили они, пламя набѣговъ сожжеть городки наши: черезъ недѣлю заплетемъ новые плешни, набьемъ ихъ землею, покроемъ избы, и городокъ гошовъ; скорѣе врагъ успанеть сожигая наши жилища, нежели мы возобновлять ихъ. »

Казакъ рѣдко жилали и въ своихъ городкахъ, а собирались всегда въ нижней части Дона въ *главное войско* (главный городокъ), откуда расходились уже въ походы. Сначала Раздоры, потомъ Монашпырскій, и наконецъ

Черкасскій, одинъ послѣ другаго были главными городками. Сіе *главное войско* представляло истинный воинскій станъ, въ копоромъ нѣсколько тысячъ человекъ, всегда вооруженныхъ, жили подъ открытымъ небомъ. Множество различныхъ племенъ составляли это общество. На казакъ видали смѣсь оружія и уборовъ разныхъ народовъ: Ногайское или Черкесское сѣдло; Крымская или Турецкая попона; Черкесская епанча; Руская пищаль, оправленная по шурецки, и при ней рогъ и вязни; Персидская сабля; на поясъ булашный ножъ съ черенками рыбаго зуба; Турецкіи сайдакъ (лукъ), ружье, рогатина, составляли богатство и украшеніе погдашнихъ казаковъ. Каждый день собирались они на площадь судить въ *кругу* своемъ о дѣлахъ общихъ и частныхъ; случалось ли вещи

судъ о какомъ либо предложеніи отъ Рускаго Государя , или о другомъ важномъ дѣлѣ, выносили на середину круга жалованное Царемъ знамя. Пороговыхъ или пенныхъ въ кругъ не пускали; имъ прощали вины при трудномъ какомъ либо предпріятіи, подъ условіемъ заслужишь дарованную милость храбростію; въ такихъ случаяхъ писали въ призывныхъ граматахъ по городкамъ: « Собирайшесь въ войско всѣ ашаманы молодцы, пенные и непенные; а вины ихъ имъ ошдадутся; ослушники же да лишашся расправы въ войскѣ. » Или « и на томъ (ослушникѣ) наша войсковая пеня: вѣкъ бишь и грабишь, и суда ему въ войскѣ не будетъ. » Сіе послѣднее означало лишеніе гражданства.

Строгая оспорожность наблюдалась въ главномъ войскѣ. Кромѣ того, что

самый городокъ обнесенъ былъ стѣною, двойная, а иногда тройная цѣпь пикетовъ охраняла спань; учреждались ближніе и дальніе конные разъѣзды; военныя суда, покрывавшія берега Дона и пропоки, были прикованы цѣпями или зашплены; спада и шабуны спереглись на островахъ, или между лѣсомъ и болошами, куда почти не было пути. Казаки гордились своею бѣдносною, и однажды, подобно Скиеамъ, они ошвѣчали Крымскому Хану на письмо, въ коемъ онъ угрожалъ пришти самъ для опустошенія ихъ жилищъ: «Донскіе казаки угрозы твоихъ
 « не бояся: хопя ихъ городки неко-
 « рысны, оплешены плешнями и об-
 « вѣшены шерномъ, но доставашь ихъ
 « надлежишь швердыми головами; спадъ
 « же и шабуновъ у насъ мало: напра-
 « сно забьешься ты въ шакую даль.»

Въ *главномъ войскѣ* рѣшались всѣ распоряженія о войнѣ и набѣгахъ; здѣсь кипѣла вѣчная дѣятельность: одни возвращались изъ похода, другіе отправлялись на поиски. Войнѣ получена вѣсть, что Ташары хлынули на разореніе Украины: нѣсколько сотъ отважныхъ наѣздниковъ потчасъ бросающся на перевозки и броды, застѣдаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ, и выждавъ непріятеля, опмщаютъ ему кровію за раны опечесва; плѣнники и сокровища враговъ награждаютъ мужество храбрыхъ.

Иногда они вихремъ неслись въ области Тавриды, или въ кочевья Ногайцевъ: сокрытые опъ проницательныхъ взоровъ непріятеля шемнопою ночи, или мракомъ суроваго ненастья, они нападали на противниковъ въ распахъ; пользуясь ихъ смященіемъ прошекали, подобно молніи, улусы мусуль-

манскіе, прежде нежели устрашенный врагъ могъ опомниться, и возвращался въ войско съ шабунами Татарскихъ коней и прелестными плѣнницами.

Еще чаще небольшія партіи охотниковъ, отъ 5 до 50 человекъ, пускались доспавать вѣстей и плѣнныхъ, или къ Азову, или къ Ногайцамъ на Куму, Кубу и далѣе, или наконецъ въ Тавриду. Удальцы рыскали по степямъ, ища *сакмы* (*) непріятельской; слѣ-

(*) *Сакма*, Татарское слово, сдѣлавшееся у казаковъ пехническимъ, означаетъ лошадиный слѣдъ на травѣ. Казаки были столь опытны въ своихъ наблюденіяхъ, что узнавали по сакмѣ, во сколько лошадей прошелъ непріятель, куда имѣлъ направленіе, когда именно прошелъ, сего дня, вчера, прешьяго дня и т. д.

длин враговъ, и наспигнувъ брали плѣнныхъ или быспрымъ нападеніемъ, или подкравшись въ шемношѣ ночной къ спану, или воспользовавшись оплошностію опспалыхъ. Когда не было *сакмы*, то наѣздники подбѣгали къ самымъ улусамъ, и шуть различными военными хипросшями забирали добычу. Нерѣдко удавалось имъ опспивать цѣлые шабуны, тысячи по двѣ и болѣе лошадей. Вообще въ эшихъ поискахъ казакъ *шелъ въ травѣ съ траввою равень*: высокій ковыль, кушникъ, пенъ, деревцо, ямка, заборъ, все способствовало къ удачѣ всаднику невидимкѣ. Овраги, горы, рѣки спавились ни во что: войны и кони умѣли всѣмъ пользоваться. Предъ ними широкая рѣка; въ нѣсколько минутъ у каждаго казака явился поншонъ своего покроя: нѣсколько пуковъ камыща

плотно связанныхъ; на нихъ перевозить онъ сѣдло и вьюкъ, а самъ съ конемъ пускается вплавь. Это называлось у казаковъ *переправляться на салахъ*, и было переняно отъ Азіяшцевъ.

Гораздо важнѣе были поиски морскіе. Въ малыхъ ладьяхъ, изъ которыхъ каждая едва помѣщала отъ 30 до 80 человекъ, казаки безстрашно носились по морямъ Азовскому и Черному до Константинополя и древней Колхиды; брали корабли, кашпорги, комяги Турецкія; собирали дань съ Колхидцевъ, разоряли селенія, приступали къ городамъ. Соль и оружіе, рыба и серебро, одежда и золото, товары и драгоценныя каменья, все было ихъ добычею. Также какъ по степямъ, часто и на моряхъ удалъцы отправлялись малыми парціями искать добычи, или,

какъ они говорили, *зипуны доставать*,
 ошь чего сами назывались *зипунника-*
ми. Во время бури это морское вой-
 ско на малыхъ судахъ своихъ прешер-
 пѣвало величайшя бѣдствія. Однажды,
 когда Государь, въ 1646 году, хошѣль
 было опсправить на морской казачій
 поискъ своего дворянина, казаки пи-
 сали: «Государь! надобно бышь шверду
 « и привычну, чшобы переносить на-
 « ши походы: часто бури шакъ разно-
 « сяшь насъ, чшо не взвѣдаемъ другъ
 « друга: одни въ глазахъ нашихъ шо-
 « нушь, другіе разбивающяся о камни
 « и скалы; часто по нѣскольку дней
 « остаемся мы безъ запасу и воды.»
 Но тѣ, кои спасались ошь разбитія
 и попопленія, еще съ большимъ шру-
 домъ избѣгали ошь рукъ враговъ своихъ,
 нарочно послѣ всякой бури развѣзжав-
 шихъ по морю для нападенія на казаковъ.

Отплытіе на поиски всегда сопровождалось нѣкоторымъ благоговѣйнымъ торжествомъ; возвращеніе праздновалось съ шумною веселостію. Въ первомъ случаѣ весь народъ спекался къ часовнѣ (послѣ къ церкви, когда оныя были построены); вмѣстѣ съ походнымъ войскомъ слушали обѣдню и молебны, молили угодника Николая о покровительствѣ подвизавшихся на брань, и вышедъ на площадь, гдѣ приготовлено было вино и медъ, пили прощальный ковшъ. Потомъ провожали походное войско до судовъ; на берегу еще запивали взаимное прощаніе, и оспавались шупъ до шѣхъ поръ, пока веселые рапники, напѣвая дружнымъ хоромъ: « ты прости, ты прощай, « тихій Донъ Ивановичъ, » перялись изъ виду. Тогда оспальные возвращались на площадь, и желая, какъ они

говорили, поглядить дорожку своимъ походнымъ собратамъ, доканчивали недопитое съ громкими желаніями успѣховъ и побѣдъ опилывшимъ.

Если поиски казаковъ были удачны, тогда день возвращенія ихъ праздновали съ особеннымъ торжешествомъ. Пробхавъ благополучно чрезъ устья Дона, походный ашаманъ посылалъ въ *главное войско* легкой стругокъ съ извѣстіемъ о своемъ пріѣздѣ; всѣ, бывшіе шуть на то время, старый и младый, спекались на берегъ. Побѣдители, одѣтые въ лучшія изъ добычныхъ одеждъ, съ распущенными знаменами, съ пѣснями, при звукахъ литавръ, торжешественно проѣзжали мимо стоявшей толпы, привѣщивовали съ судовъ родные берега пушечными и ружейными залпами, и взаимно принимали отъ встрѣчающихъ радостныя

поздравленія. Предки наши, равно какъ и нынѣшніе Донцы, всякій успѣхъ дѣла приписывали волю Божіей. Отъ того всегда постоянно сохраняется у насъ обрядъ, что войско, возвращающееся изъ похода, идетъ прямо къ церкви. По этому обычаю, суда всякій разъ останавливались противъ часовни, и не прежде какъ по окончаніи благодарныхъ молебновъ, воины выходили на площадь для свиданія съ родными и товарищами. Поздравительные ковши съ виномъ и медомъ быстро переходили изъ рукъ въ руки; ратники хвалились добычею, дѣлали подарки, и усѣвшись въ кружки, за дружескою чашею рассказывали жаднымъ слушателямъ о своихъ подвигахъ.

Древніе Донцы хорошо понимали ремесло свое, и принимаясь за дѣло, исполняли его съ воинскою точно-

ешю. У нихъ постановлено было правиломъ, чшобы ни одинъ воинъ не смѣлъ брать съ собою въ походъ ни какихъ хмѣльныхъ напишковъ; отправляясь на поискъ, всякій одѣвался въ старую вешошь, и кромѣ сухарей, муки, пшена, сушенанаго мяса и рыбы, не смѣлъ брать ни какихъ другихъ припасовъ. Они всегда швердили: « За-
 « чѣмъ подавать непріятелю надежду,
 « что онъ можетъ опъ насъ чѣмъ ни-
 « будь поживишься; пускай доспанемся
 « ему въ плѣнь: мы больше у него
 « съѣдимъ, нежели онъ пріобрѣтешъ
 « опъ насъ. » Даже самое оружіе,
 съ которымъ казаки выходили на
 брань, имѣло бѣдную наружность:
 ни на сабляхъ, ни на ружьяхъ, ни на
 лукахъ не было ни какихъ украше-
 ній; если кто бралъ новое поли-
 рованное ружье, то непременно сма-

чиваль его разсоломъ, чшобъ позаржа-
вѣло: на ясномъ желѣзѣ *играеть глазъ*,
говорили они. Никогда преждевременно
не объявляли, куда предназначался по-
ходъ, но по большей части рѣшали это
въ морѣ или въ полѣ. Въ войсковомъ
же *кругу* назначалось просто: ипши
на море, ипши въ Ногайскую землю,
въ Тавриду и тому подобное. Всякія
вѣсти у плѣнныхъ и у своихъ посыль-
ныхъ спрашивали въ *кругу*, особо одни
старшины и лучшіе казаки; молодыхъ
же казаковъ и новыхъ пришельцевъ ни-
когда къ тому не допускали. Старики
придумывали все, что могло помо-
гать успѣху ихъ оружія.

Осправлявшаяся въ походъ флотилія
состояла вся изъ судовъ одномачшо-
выхъ, не болѣе 5 и 8 сажень длиною,
въ 16 или 40 весель, съ *рейнымъ* па-

русомъ (*), съ брустверами по бокамъ, связанными изъ камыша, въ сажень и больше толщины, коими прикрывались казаки отъ непріятельской стрѣльбы; нѣсколько небольшихъ пушекъ и фалконетовъ составляли все ихъ вооруженіе. Выждавъ удобный случай, ночью или въ шуманную погоду, сія флотилія быспро усстремляеца на корабли и капорги непріятельскія, настигаеца ихъ прежде, нежели они успѣють приготоовица къ защитѣ, и битва всегда оканчивается абордажемъ и побѣдою. Послѣ того суда приспаюца къ берегу для нападенія на городъ или селеніе. Вы подумаете, что шамъ уже провѣдали о казакахъ, и при-

(*) Такъ называли паруса, прикрѣпленные къ реямъ судовъ.

готовились къ оборонѣ: нѣтъ, удалцы оспанавливаются въ мѣстахъ самыхъ скрытыхъ и почти неприступныхъ, и вышедъ изъ судовъ, бѣгутъ опро- мешью до назначеннаго мѣста, застаютъ непріателя въ безпечности и побѣждаютъ его. Случается ли, что и на нихъ нападаетъ многочисленнѣй- шій врагъ: они спѣшатъ къ устью какой нибудь рѣки или къ морскому бе- регу, зашопляютъ всѣ свои суда и раз- сыпаются врознь. Прошла опасность, и они снова собираются къ судамъ, выливаютъ изъ нихъ воду, приправ- ляютъ весла и по прежнему пускаются въ море на поиски.

Ужась, который распространили ка- заки своими морскими походами по всему поморью, едва върояшень: иногда, по одному слуху о ихъ приближеніи, жищели бросали дома, разбѣгались по

лѣсамъ, и на нѣсколько сотъ верстъ кругомъ не лзя было встрѣтить человека ни въ селеніяхъ, ни въ городахъ. Казаки брали здѣсь все, что было лучше, цѣннѣе и нужнѣе для нихъ.

Наполнивъ суда свои добычнымъ грузомъ и плѣнными, они спѣшили во свояси, и остановясь на Дону въ нѣкоторомъ разстояніи отъ *главнаго* войска, дѣлили между собою поровну добычу, что называлось у нихъ *дуванъ дуванить*. Плѣнники поступали въ *дуванъ* точно также, какъ всѣ другія вещи. Сего непріятельскаго *ясыря* собиралось иногда на Дону тысячь до двухъ и болѣе. Казаки старались забирать преимущественно знашныхъ людей для полученія выкупа. Цѣна окупа доходила до 30 тысячь злыхыхъ, а особенно за Турецкихъ пашей. Рядовыхъ воиновъ и простомюдиновъ вымѣни-

бали на Рускихъ невольниковъ, мно-
 гими сошнями привозимыхъ въ Азовъ,
 для чего близъ нижнихъ юртъ нахо-
 дился окупный яръ, или размѣнное
 мѣсто, гдѣ производился выкупъ асы-
 ря. Еще болѣе казаки брали въ плѣнь
 женщинъ, конхъ собиралось иногда на
 Дону тысячъ до трехъ. Жень знаш-
 ныхъ мурзь также отдавали на окупъ,
 прочихъ же привѣшлывымъ обхожде-
 ніемъ прихочивали ко всегдашнему
 у себя жишельству и обыкновенно
 женились на нихъ; иногда жены
 Донскихъ старшинъ брали ихъ къ себѣ
 въ дома для хозяйства или въ собе-
 сѣдницы. У казаковъ существовалъ обы-
 чай, чшобы всѣхъ плѣхъ, кои попа-
 дуся въ плѣнь на самомъ острову,
 ш. с., въ Монастырскомъ, или Черкас-
 скомъ городкахъ, неминуемо казнить
 смертію, какого бы званія кто ни былъ.

Мы имѣемъ много пѣсень о дуванкахъ; для примѣра, повшорю одну изъ нихъ.

П Ъ С Н Я .

Какъ со славной со воспочной со споронущки,
 Прошекала быспрая рѣчущка славный пихій Донецъ;
 Онъ прорыль, прокопаль младець горы крушыя,
 А по правую-шо споронущку лѣса шемные.
 На Дону-шо все живущъ брашцы люди вольные,
 Люди вольные живущъ шо Донскіе казаки.
 Собирались казаки други во единый кругъ,
 Они спали межъ собою да все дуванѣ дѣлать:
 Какъ на первый апъ пай они клали пять сотъ рублей,
 На другой-шо пай они клали всю тысячу,
 А на третій спановили красную дѣвицу;
 Какъ расшужится, какъ расплачется добрый молодець:
 Голова ль ты моя головущка несчастливая,
 Ко бою-шо, ко бапальицѣ ты найпервая,
 На паю-шо, на дуванѣ ты послѣдняя.
 Какъ возговоритъ красна дѣвица добру молодцу:
 Ахъ! не плачь ты, не тужи, удалъ добрый молодець,
 Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пятьсотъ рублей,
 А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу;
 А третій-шо коверъ я сотку, что и смѣшны кѣтъ.

Донцы любили въ старину славить дѣла свои въ народныхъ пѣсняхъ. На всякое замѣчательное происшествіе, даже на каждый важный подвигъ своего собрата, они поспѣшь сочиняли новыя пѣсни, копорыя всѣ имѣють свой собственный характеръ.

Изъ приведенной мною вы видите, что красавица заставила молодца кручиниться, и нечему дивиться: Донцы во время рыцарской своей жизни, посвятивъ ее единственно войнѣ и набѣгамъ, опасались знакомить сердце съ прелестію любви. Юноша, побѣжденный нѣжною страстію (рѣдкій примѣръ), былъ чуждъ ихъ общества и преслѣдуемъ даже въ самомъ кругу своихъ товарищей обидными упреками. Сія общая черта въ народномъ духѣ препятствовала прелестному полу имѣть вліяніе на общежитіе.

нашихъ предковъ; въ то время женщины были ограничены кругомъ своей семьи и немногими знакомствами съ сосѣдками.

Но казаки, а особливо *Низовые*, всегда были разборчивы въ красоту, выбирая себѣ женъ изъ прелеснѣйшихъ плѣнницъ: Черкешенокъ, Турчанокъ и Ташарокъ. Обидное чувство ревности было имъ незнакомо. Нѣкоторые вѣнчались по уславу церкви, другіе ограничивались однимъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранной ими женѣ. Сей послѣдній обрядъ въ старину былъ всеобщій у казаковъ, и даже шѣ, кои сочешались по правиламъ церкви, необходимо должны были предварительно его исполнить. Совершался онъ такимъ образомъ: женихъ и невѣста, согласившись на супружество, приходили вмѣстѣ въ со-

браніе народа (въ кругъ) на площадь, или въ *становую избу*. Помолясь Богу, кланялись на всѣ стороны и женихъ, назвавъ невьспу по имени, говорилъ: « *ты будь мнѣ жена.* » Невьспа, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала, также называя по имени: « *а ты будь мнѣ мужь.* » Послѣ сихъ словъ вступившіе въ бракъ цѣловали другъ друга, и принимали опть всего собранія поздравленія. Этимъ оканчивался весь обрядъ, и утвержденное такимъ образомъ супружество считалось законнымъ. Въ самомъ эпомъ обрядѣ вы видишь, какое преимущество имѣлъ мужъ предъ женою: дѣйствительно власть его была почти неограниченна.

Сколь легко было, по обычаю казакъ, заключать супружество, сполько же легко и разрывать оное: мужъ могъ сдѣлать эшо во всякое время, даже

подъ шѣмъ предлогомъ, что жена ему не нравилась. Для разводовъ существовалъ особенный обрядъ, которъй всѣми постоянно былъ наблюдаемъ: мужъ, введя жену свою въ собраніе народа, говорилъ: «*Атаманы молодцы! она была мнѣ услужливая и вѣрная супруга; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.*» Отказанную жену шупъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего плашня, и шочно съ шѣмъ же объявленіемъ предъ всѣмъ народомъ: «*ты будь мнѣ жена и проч.*» Прикрышіе. полою казаки почипали весьма важнымъ символомъ: оно значило, снятъ съ отказанной жены безчестіе развода. Впрочемъ, вспарину большая часть казаковъ оставались холостыми, такъ, что въ иномъ городкѣ не было болѣе одного или двухъ женатыхъ. Но семейственна

жизнь имъ правилась до такой степени, что дѣшей у женапатаго няньчили всѣ его спанички, и когда показывался первый зубокъ у младенца, всѣ наперерывъ смотрѣли его съ восторгомъ.

Не подумайте, чтобы эти странности брачныхъ обрядовъ происходили отъ неуваженія религіи; нѣтъ, казаки всегда были набожны. Они имѣли два собствѣнные монастыря: одинъ Никольскій ниже Воронежа, въ Борщевѣ, другой Рожесивенскій Чертевь въ Шацкѣ. Многіе казаки, потерявшіе силу воевать, по обѣщанію посвящались здѣсь въ монахи, или просто оставались для того, чтобы въ богомольѣ провести остатокъ жизни. Здѣсь, точно какъ въ инвалидномъ домѣ, или богадѣльнѣ, всякій дряхлый, увѣчный, раненый казакъ могъ прио-

шишься, и находилъ покой и содержаніе. Донцы ничего не жалѣли къ обогащенію своихъ монастырей: случилось ли получашъ знашную добычу на войнѣ, они почишали свяшымъ долгомъ жертвовашъ частію оной свяшынѣ; спнимали ли ошъ непріятеля испорченныя пушки, пошчасъ ошсымали ихъ въ монастыри на колокола; серебро, золото, жемчугъ, каменья, блиспая въ ризницахъ и церквахъ, свидѣтельствоваали объ усердной вѣрѣ нашихъ правдѣдовъ. Въ сихъ же монастыряхъ сохраниялись и частныя пожипки многихъ казаковъ, особенно дорогія вещи, кошорыхъ они не оспавляли въ своихъ городкахъ, по причинѣ частыхъ набѣговъ непріятельскихъ.

Казаки въ шо время почти совсѣхъ споронъ были окружены непріятелями; но Азовцы, ближайшіе ихъ сосѣди

и самые неугомонные враги, были имъ всѣхъ несноснѣе. Раздѣленные 50 верстами пущаго пространства, они по нѣскольку разъ въ году заключали между собою миръ и столько же разъ оный разрывали. Мирное время считали днями, а войну мѣсяцами. Нерѣдко случалось, что перемиріе прерывалось въ самую самую день, когда было заключено: обѣ стороны спарались пользоваться малѣйшимъ на то поводомъ; даже частная ссора, или драка одного казака съ жителями Азова могла возродить войну. Особенно казаки личное оскорбленіе товарищей своихъ принимали безчестіемъ цѣлому народу. Войну почитали забавою: « Дѣло наше казачье не великое, говорили они, случится которому казачку побѣхашь Дономъ на низъ за съномъ, или за дровами, и Азовцы

« успѣюшь его схватишь: намъ ли про-
 « спитишь это? мы поймаемъ у нихъ
 « двухъ; шрехъ, и война возгорится;
 « послѣ сошлемся, помиримся, и плѣн-
 « ныхъ на обѣ стороны возвратимъ.»
 Донцы негодовали, на Азовцевъ за то,
 что они не умѣли держашь ни своего
 слова, ни мирныхъ договоровъ, и во-
 преки постановленіямъ всегда ихъ за-
 дирали: « Какъ же намъ не спитишь
 « за себя? доколѣ въ силахъ держашь
 « саблю, живые не дадимся въ руки.»
 Еще болѣе мстили они Азовцамъ за
 ихъ насмѣшки и говорили въ оправданіе
 свое: « не дозволимъ никому оскорб-
 « лять себя; сіи невѣрные вздумали
 « ругашься надъ нами: поймавъ на
 « промыслахъ казаковъ, оспригаюшь
 « у нихъ бороды и усы.» Казаки по-
 чинали безчестьемъ просити у нихъ
 мира, и успановили правило ижегдѣ

даже не начинашь первыхъ переговоровъ о перемиріи, говоря: « мы даемъ миръ, а просишь его намъ непригоже. »

Впрочемъ, они долгое время не могли жить въ покоѣ и потому, что въ войнѣ заключался испочинку ихъ довольства и богатства; иногда только, по настояніямъ Рускихъ Государей, и то весьма рѣдко, они сносили мѣсяць, или болѣе, наглоспи Азовцевъ, не разрывая съ ними мира; но считали это важнымъ пожертвованіемъ, и всегда старались поставитъ на видъ Государю: что для него *терпятъ* миръ съ Азовцами, для него *прекращали* морскіе походы, *что онъ взялъ за себя всю волю ихъ* на водѣ и на сушѣ; *а у нихъ то и лучшій запасъ былъ, чтобъ по вся дни подъ Азовъ и на море ходить*, и что *содержа* долго-

временный миръ, они оспаушся босы и голодны.

Всякій мирный договоръ казаковъ съ Азовцами былъ сопровождаемъ извѣстными обрядами и ушверждался обоюдною кляшвою. Дѣло обыкновенно начиналось шѣмъ, что изъ Азова прїѣзжали въ *главное войско* мировщики склоняшъ казаковъ къ прекращенію войны, и когда ласками и угощеніемъ успѣвали въ своемъ намѣреніи, то на вторичномъ съѣздѣ довѣренныя обѣихъ споронъ посшавляли условія договора, который вслѣдъ за шѣмъ ушверждался со спороны казаковъ присягою *лучшихъ атамановъ*, а со спороны Азовцевъ *шертованіемъ* князя и старѣйшинъ города. Тогда войско размѣнивало аманашовъ, угощало у себя мировщиковъ и довѣренныхъ, и одаривъ ихъ запасомъ, виномъ и ме-

домъ, опшускало обратно. Существовала постоянный обычай, утвержденный *указомъ Турецкаго султана*, что Азовъ каждый разъ, при заключеніи мира, обязанъ былъ давать *на войско* известное число кошовъ, соли, сѣшей и тысячу злоныхъ.

Въ мирныя условія обыкновенно было включаемо, чтобы казакамъ *грезь замирныя мѣста* не ходить на море, а Азовцамъ на Рускую Украину и казачьи городки. Иногда еще *выговаривали* Азовцы, чтобы казаки извѣщали ихъ о томъ, что будетъ писано въ граматахъ Рускаго Царя на Донъ, обязываясь взаимно уведомлять *войско* о всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ Поршы и Тавриды. Но казаки никогда не объявляли ни слова о содержаніи своихъ грамахъ, хотя изъ Азова

получали подробныя извѣстія. За это обыкновенно возобновлялись ссоры и война, а наконецъ подобныя спашьи вовсе перестали вносить въ договоры. При разрывѣ мира, на сторона, кошорая начинала войну, посылала другой *размирную*. Не пошла же оной былъ поступокъ безчестный; но Азовцы часто это дѣлали, и въ такихъ случаяхъ казаки уже поступали съ ними безъ пощады.

Хотите ли узнать, какъ писывались эти *размирныя*? я одну изъ нихъ помню: « Ошь Донскаго ашамана и
« всего войска Азовскому Сулейманъ
« пашѣ проздравленіе. Для дѣль великаго
« нашего Государя мы были съ вами въ
« миру; нынѣ все войско приговорили
« съ вами миръ нарушить; вы бойшесь
« насъ, а мы васъ спанемъ оешере-

« гашься. А се письмо и печать войсковыя ».

Зная характеръ Азовцевъ, казаки не дорожили ихъ дружбою; ибо и во время мира должны были соблюдать почно стѣже оспорожности, какъ и во время войны. Миръ и размирье для нихъ было одно и то же, даже послѣднее предпочипали, пошому что не нарушая правилъ чести, могли свободно *залегать* по перелазкамъ и воевать на морѣ. Однако же въ мирное время оба народа соблюдали наружные признаки дружбы, торговали другъ съ другомъ, вѣжали въ гости и проч. — но дружба эша и союзъ никогда не возрастшали до такой степени, что бы вмѣстѣ ходишь на поиски или на войну; казаки почипали эшо безчестіемъ, и когда одинъ разъ Царь насшояшельно шого шребоваль (1630),

они отвѣщивали: « Ради умереть
 « за себя, Государь; но не хотимъ
 « служить съ бусурманами: какой
 « союзъ можемъ имѣть съ людьми, ко-
 « торыхъ презираемъ, и которые видятъ
 « въ насъ прямыхъ враговъ своихъ? »

Казаки вели себя такимъ образомъ
 съ Азовцами не потому, что нахо-
 дили ихъ слабыми или трусами; на-
 прошивъ, сии прошивники были дерз-
 ки, мужественны, неупомимы и все-
 гда подкрѣпляемы шолпами Крымцевъ,
 Ногайцевъ, Черкесъ, кошорые почти
 постоянно у нихъ проживали и хо-
 дили вмѣстѣ воевать на украину.
 Въ Азовѣ бывали набѣдники удивитель-
 ной храбрости; объ одномъ изъ нихъ
 лежала въ окрестныхъ странахъ по-
 словица: « легче взять городъ, не-
 «жели одолѣть Резену (имя его). »

Резепа, бывъ 80 лѣтъ, еще приводилъ въ спыдъ всѣхъ юношей своею бодросцію и проворствомъ. Казаки на одномъ бою взяли его въ плѣнь; но, уваживъ чудесную его славу, выдали на окупъ за 8 тысячъ кумачей.

Кажется, Донцы всегда умѣли перехитрять Азовцевъ. Кто подумаетъ, напримѣръ, чтобы они могли найти доброжелателей въ самомъ Азовѣ, которые бывъ подкуплены деньгами, или ласками, сообщали имъ всѣ вѣщи о предпріятіяхъ и намѣреніяхъ своихъ соотечественниковъ? Людей сихъ въ *войскѣ* никогда не безчестили укорительнымъ наименованіемъ шпионовъ, или переметчиковъ; но принимали какъ *добрыхъ своихъ пріятелей* и обыкновенно называли: *наши прикормленные люди*. Припомъ же, имѣя всегда непріятельскихъ плѣнныхъ, казаки знали

все, что замышляли Турки, Крымцы, Азовцы и Ногайцы, однимъ словомъ *войско* предспавляло тогда живую газету всѣхъ новостей о южныхъ сосѣдахъ Россіи, и сюда присылали за вѣстями изъ украинныхъ городовъ, изъ Аспрахани и Царицына; сами казаки съ своей стороны посылали по нѣскольку разъ въ годъ *вѣстовыя станицы* въ Москву. Особенно они знали все, что дѣлалось и думалось въ Азовѣ; это родило у насъ народную поговорку, которую и теперь услышите даже опъ дитяти въ такомъ случаѣ, если кто рассказываетъ небылицу съ намѣреніемъ обмануть, или дѣло давно извѣстное за новость: «*разсказывай Донскому казаку Азовскія вѣсти!*»

Ногайцы, а въ послѣдствіи времени и Калмыки, сколько же были непостоянны въ исполненіи мирныхъ до-

говоровъ. Не смотря на то, казаки иногда давали симъ народамъ позволеніе кочевать вдоль по Дону, почши въ виду своихъ городковъ. Ихъ не оставлявало предательство враговъ; казалось они произвольно подвергали себя очевиднымъ опасностямъ, какъ бы спрашась упасъ духомъ въ бездѣйствіи. Часто сіе въроломные Азіяпцы въ то самое время, какъ заключали договоръ съ *войскомъ*, тайно условливались съ Азовцами о совокупномъ нападеніи на казаковъ. За подобное коварство казаки уже мстили варварски: въ глазахъ мурзь и шайшей они терзали плѣнныхъ, привязавъ ихъ къ хвостамъ лошадей.

Для спадъ своихъ и шабуновъ, Донцы гоповили на зиму сѣно, кошорое всегда оставалось въ лугахъ; ибо въ городкѣ было шѣсно и опасно отъ

огня. Дабы оно уцѣляло при набѣгахъ непріятельскихъ, казаки со всеѣми сосѣдами своими устанавили правило, чтобы сѣна ни въ какомъ случаѣ не жечь: разорай и сожигай городки, бей людей, дѣлай всё варварства, но сѣна не прогай.

Вы видите, что у древнихъ Донцевъ война была забавою, любимымъ упражненіемъ. Самые разбои ихъ по Волгѣ, сколько всеѣми порицаемые, иногда носили ошпечатокъ особенной характерности; такъ напримѣръ: однажды (1660 года) шайка подобныхъ бродягъ, прибывъ на одинъ Аспраханскій учугъ, и нашедъ его пущымъ, писала къ владѣльцу онаго: « Были мы ашаманы
« молодцы на швоемъ учугѣ и не на-
« шли въ немъ ничего; приказываемъ:
« вышли пуда 50 ведеръ вина, 10 пудъ
« пашоки, 50 мѣшковъ пшеничной муки,

« да земли и опоки чшо серебро льюшь.
 « Если ослушаешься, ашаманы молод-
 « цы выжгушь швои учуги; а буде,
 « сверхъ чаянїя, спанешъ жаловашься
 « воеводѣ, шогда не пеняй на насъ. »

Древнихъ Донцовъ всѣ упрекають
 спрашїю къ корышти; но я расскажу
 случаи, кошорые сему прошивурѣчашъ.
 Однажды Сулшанъ, доведенный до край-
 ности казачьими набѣгами, придумаль
 было купишь дружбу *войска* дачею еже-
 годнаго жалованья; но посоль его Кан-
 шакузинъ, при всѣхъ своихъ старанїяхъ,
 не могъ въ шомъ успѣшь. Это случилось
 въ 1627 году. Каншакузинъ и на До-
 ну, и на пуши къ Москвѣ, и въ са-
 мой Москвѣ всячески ласкаль казаковъ,
 поиль виномъ и медомъ, даже нарочно
 дѣлаль для нихъ въ Москвѣ пышное
 угощенїе; но они смѣялись всѣмъ его
 зашѣямъ, и прежде нежели проводили

его опъ себя, учинили новый набѣтъ на Турецкія области. Послѣ того Порша, дабы склонить казаковъ къ миролюбію, однажды прислала съ шѣмъ же посломъ въ подарокъ войску чешыре золотыя кафшана. Казаки, отвергнувъ даръ сей, отвѣщивовали, что « у « Донскаго войска и однимъ Госуда- « ревымъ жалованьемъ всего много, а « сулшанскіе подарки имъ ненадоб- « ны. » Потомъ, хотя и приняли кафшаны по насшояшельному убѣжденію Каншакузина, но шакъ мало ихъ цѣнили, что черезъ нѣсколько дней пошли на присшупъ къ Азову и самого еего посла казнили.

Турки употребляли не однѣ деньги для удержанія казаковъ опъ морскихъ походовъ. На двухъ пропокахъ (Каланчъ и Мершвомъ Донцѣ), копорыми можно было проходишь въ море, они

поставили крѣпости съ башнями, наполнили оныя гарнизономъ, а черезъ рѣку перешанули цѣпи. Казаки, въ насмѣшку, пускали ночью внизъ по рѣкѣ бревна, кои ударяя въ цѣпи, содержали въ безпреспанной тревогѣ Турецкій гарнизонъ, и не рѣдко доводили до того, что онъ пренебрегалъ сими плавнями; тогда Донцы, пользуясь симъ временемъ, переплывали въ маленькихъ лодкахъ между бревнами въ море. Они и въ большихъ ладьяхъ, вопреки всѣмъ осторожностямъ Турокъ, производили свои любимыя поиски, пошому что ладьи сіи были весьма легки, и казаки перешаскивали оныя сухимъ пушемъ съ одной рѣки на другую. Такимъ образомъ, или прямо съ Дона, или поднявшись вверхъ по Донцу, перевозили они свои струги на Міусь и сею рѣчкою выходили

въ море. Возвращившись къ ней полкъ похода они зашопляли ладьи, что бы при новомъ поискѣ ояшь ими воспользовашься. Наконецъ, наскучивъ сими усилями, они сами между Каланчею и Мершвымъ Донцемъ прорыли свой *казатій ерикъ* (каналъ), кошорымъ уже свободно проходили въ море.

Казаки наводили шакой ужась на Турокъ и Крымцевъ, что когда однажды Азовцамъ удалось плѣнить нашего ашамана Павла Федорова, то они голову его немедленно отправили къ Крымскому Хану, а Ханъ поспѣшилъ предшавишь оную въ Царьградъ Султану, какъ лучшей шрофей своего оружія.

Я сполько насказаль вамъ о войнѣ и набѣгахъ моихъ земляковъ, что вы спросите: что спасало самихъ казакъ ошъ взаимныхъ набѣговъ непріа-

пельскихъ? Вопервыхъ, безпрестанная оспорожность. Я уже упомянулъ выше, что старинные городки наши всегда были окружены пикешами и разъздами и что казаки весьма вѣрно знали намѣренія своихъ враговъ. Такимъ образомъ, коль скоро доходила къ нимъ вѣсть, что непріятель хочетъ напасть на ихъ жилища, немедленно отправлялись *посыльные* по всемъ городкамъ съ грамами, чтобы Донцы собирались въ *главное войско*; оставшіеся съ женами и дѣтьми, сходились городковъ изъ 5 или 6 въ одно мѣсто и укрѣплялись для защиты. Имуществва тогда укрывали въ займищѣ (*), гдѣ на шаковые случаи были сдѣланы ямы на подобіе

(*) Займищемъ у казаковъ называется лугъ, прилегающій къ рѣкѣ, который понимается

погребовъ. Въсповая пушка подавала знакъ къ превогъ; при ея выстрѣлѣ, всякій съ оружіемъ въ рукахъ бѣжалъ на площадь. Въ послѣдствіи, въсповы пушки, казаки завели въсповый колоколь, разсчитывая, что палишь изъ пушки убыточно.

Вовпорыхъ, казаки тщательнo старались скрывать оупъ неприятелией *настоящее свое положеніе и географію* своей страны. Для того Крымскихъ посланниковъ и всякихъ плѣнныхъ, конхъ должно было доставлять въ Москву или обрашно, они не иначе провозили Дономъ, какъ подъ палубою своихъ спруговъ, или закрывъ ихъ на судахъ инымъ способомъ, дабы, какъ

весенними разливами воды; на немъ обыкновенно расшепъ камышь, осока и болонный лѣсъ; бывающъ шакже сѣнокосы.

говорили казаки, не знали они дороги по Дону и не высматривали какъ стоятъ наши городки. Турки съ удивленіемъ говорили: « всякій годъ на морѣ по-
 « биваюшъ казаковъ много, но число
 « ихъ не уменьшается, а напрошивъ,
 « сколько бы въ одинъ годъ ихъ не по-
 « били, на слѣдующій прибудетъ еще
 « больше. »

Въ то время всѣ казаки: Волжскіе, Терекскіе и Яикскіе, составляли какой-то союзъ съ Донскими, и коь скоро послѣднимъ угрожала опасность, или предстоялъ важный походъ, они давали вѣсть на Волгу, Терекъ и Ураль, и охотники стекались толпами на Донъ.

Общее мнѣніе сильно дѣйствовало на поддержаніе мужества и геройскаго духа въ народѣ. Храбрѣйшіе пользовались уваженіемъ всѣхъ собратій,

и въ ознаменованіе онаго наряжались въ легкія и зимовья станицы въ Москву, что почиталось тогда важною наградою. Станицами назывались посольства отъ Донскихъ военовъ къ Россійскому Самодержцу, отправлявшіяся не менѣе 5 разъ въ годъ, съ извѣстіемъ ли, или съ представлениемъ нуждъ народныхъ, или для принятія жалованья. Въ Москвѣ пословъ Донскихъ принимали съ особенными почестями и обрядами: дьякъ, или бояринъ, держа скрытно въ рукѣ листокъ съ описаніемъ предстоящаго церемоніяла, выступалъ впередъ и докладывалъ: «*Вамъ, великому Государю, Вашему Царскому Величеству Донскіе казаки, станичный атаманъ такой-то съ товарищи теломъ ударили.*» За симъ, обращаясь къ казакамъ, продолжалъ: «*Великій Государь, Его*

Царское Величество, жалуетъ тебя атамана съ товарищи къ своей Государской рукѣ.» По совершении сего обряда Царь приказывалъ привѣтствовать ошь себя войско и представляющій возглашалъ: «*Великій Государь; Его Царское Величество жалуетъ атамановъ и казаковъ таково-то (имя войсковаго атамана) и все великое войско Донское, велѣлъ спросить о здоровѣ и службу вашу милостиво похваляетъ.*» Послѣ представленія вся станица приглашалась къ Царскому столу во дворець, гдѣ была угощаема съ удовольствіемъ и подгивана романею. Тутъ подносили атаману, есаулу и каждому казаку порознь подарки: деньги, камку, шафшу, сукно, соболи и серебряный ковшъ атаману. Всей станицѣ вылазались на столъ ежедневно деньги, вино, медъ и пиво.

Для ѣзды въ Москвѣ оппускались ашману изъ Государевой конюшни лошади и экипажъ. На оппускѣ всѣ казаки шѣмъ же порядкомъ предспавлялись Государю, угощались Царскимъ столомъ и получали новые подарки. Такимъ образомъ каждая спаница облаканная, щедро одаренная и удошпоенная чеспи *узрѣтъ свѣтлые Царскія оги*, радостно возвращалась на Донь и всякій разъ приносила всему войску Царское жалованное слово и похвалу.

Разсказы объ однихъ военныхъ подвигахъ ушомаяшъ ваше вниманіе; перейду къ мирной жизни казаковъ; она была въ шо время весьма однообразна.

Въ главномъ войскѣ или въ городкахъ, казаки проводили всякій день вмѣстѣ, собираясь на площадь, или къ *становой избѣ*. Здѣсь, сидя въ кружку,

они вязали сѣши, шенеша, дѣлали разохи, слушали во время работы рассказы одного изъ своихъ собратій о молодецкихъ его походахъ и воспламеняясь славными подвигами товарищей, пѣли объ нихъ богатырскія пѣсни, начиная каждую напѣвомъ: « *Да вздунай най дунаа вздунай дунай.* » Жили они истинно по брашски; всякій открывалъ чистосердечно что намѣренъ дѣлать завтра, послѣ завтра и ш. д. Набѣсть ли кто дичины, наловишь ли рыбы, отвѣдывали ее всѣ вмѣстѣ, и хозяинъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищества казаковъ раздѣлялись по *сумамъ*, шочно шакъ, какъ у Запорожцевъ по *казанамъ* (*), или, какъ нынѣ

(*) *Казань*, то же, что кошель, слово Ташарское.

у насъ въ походахъ, по *кашамъ* (артелямъ). Человѣкъ десять, двадцать и болѣе товарищей, имѣли общую суму, въ кошорой хранили свой запасъ и все добычное; пошому мы еще и нынѣ называемъ товарища и друга: *односумъ*. Въ *становой избѣ*, или на *майданѣ* (*) старики играли въ шахматы или въ зерны; молодые же на площади близъ *майдана*, въ *кости* или *бабки*. Сія послѣдняя игра была общая и любимая у казаковъ, и посредствомъ оной, они пріобрѣтали такую мѣткость, что пуская изъ рукъ камень, убивали птиць и зайцевъ.

Природа надѣлила землю ихъ изобиліемъ; богашый *Донъ*, (казаки гово-

(*) *Майданъ*, Татарское слово означаетъ площадь. Нынѣ на *Дону* называющся такъ *спаничмыя избы*.

рили, что у него *золотое дно*), лѣса, сѣпья, были для нихъ естественными хранилищами жизненныхъ потребностей: въ первомъ рыба, въ послѣднихъ звѣри, птицы, плоды, водились и росли въ такомъ множествѣ, что изобиліе оныхъ вошло въ пословицу. Наши предки говаривали: « кормишь « насъ молодцовъ Богъ: подобно пти- « цамъ, мы не сѣмъ и не собираемъ « хлѣба въ житницы, но всегда сымы. » Въ старину казаки не знали хлѣбопашества, къ копорому не прежде начали привыкать, какъ въ исходѣ XVII столѣтія.

Любимыми ихъ занятіями были охота, кошорую они называли *гульбой*, и рыбная ловля. *Гулебщики* ѣзжали иногда большими опрыдами, человѣкъ по спу, на Задонскихъ степяхъ и даже по Кумѣ для ловли звѣрей; мѣсяца по два и

болѣе, а иногда всю зиму занимались они охошою, и къ веснѣ только приходили на Донъ для поисковъ. На рѣку Медвѣдицу, гдѣ бывали лучшіе звѣринные промыслы, часто пріѣзжали по 10 и болѣе *кошей* (*) *гулебщиковъ* изъ нижнихъ юршъ и обыкновенно проводили здѣсь зиму. Другіе, *камышники*, съ капканами и пенешами живали по камышамъ близъ своихъ городковъ.

Сія привольная и брашская жизнь сильно привязывала казаковъ къ родинѣ; они славяли свой *тихий Донъ* называя его: *кормилецъ родимый*. Въ плѣну и на одрѣ смертномъ, казакъ прощаясь мысленно со всѣмъ, что имѣлъ драгоцѣннаго въ жизни, всегда обращался къ Дону: « Проси тихій

(*) *Кошъ*, означаетъ шожь, что станъ; въ переносномъ смыслѣ онъ значить *ватага*.

« Донъ Ивановичь! мнѣ по шебѣ не
 « ѣдиши, дикаго звѣря не спрѣливашь,
 « вкусной рыбы не лавливашь. » Во
 всѣхъ шаринныхъ нашихъ пѣсняхъ,
 даже въ самыхъ офиціальныхъ бума-
 гахъ, вы найдете оппечатокъ сей
 спрастной народной любви; напри-
 мѣръ, войсковой ашаманъ письма свои
 къ поспороннимъ особамъ обыкновен-
 но начиналъ такъ: « Князь шакой-шо,
 « здравствуй на многія лѣта, и буди
 « покровень десницею Вышняго; а я,
 « при милости *Донскаго войска*, въ
 « Черкаскомъ городкѣ, на Дону, по
 « волѣ Божіей, живь. »

Въ нижнихъ юртахъ всегда было
 большое спеченіе народа; здѣсь цар-
 ствовало веселіе. Кромѣ казаковъ, обык-
 новенно собиравшихся въ *главное*
войско, можно было найши шупъ мно-
 жество поспороннихъ во всякое вре-

мя, а особенно весною и лѣтомъ. Торговые люди изъ украинскихъ городовъ, покрывавшіе рѣку своими судами; съ царскимъ жалованьемъ прибывшій воевода съ провожаемыми, коихъ всегда бывало отъ 50 до 100 человекъ; послы въ Турцію или изъ Турции и многочисленная ихъ свита, обязанные всякій разъ непременно останавливаться въ *главномъ войскѣ*, чшобы учредить дальнѣйшіи пушъ; высылаемые къ нимъ изъ Москвы на встрѣчу или для провѣдыванія чиновники, раза по три въ годъ, также съ провожаемыми; Аспраханскіе и другихъ украинскихъ городовъ посольщики для узнаанія на Дону вѣстей; Запорожцы, страшные къ веселію, кои большими отрядами всегда проживали на Дону, пріѣзжая вмѣстѣ съ казаками съ морскихъ походовъ, разнообразили кар-

шину военнаго стана, копорую представляло *главное войско*. Все это собраніе не рѣдко спекалось въ одно время и оспавалось въ главномъ войскѣ по нѣскольку мѣсяцевъ.

Сверхъ того, въ мирное время Азовцы, Ногайцы, а послѣ и Калмыки, безпрерывно живали въ Черкасскѣ, прїѣзжая на Донъ или для продажи ясыря и лошадей, или для того, чтобы погуляшь съ своими знакомцами. Калмыцкіе посланники ежегодно приходили въ Черкасскѣ, и для угощенія ихъ казаки не жалѣли ни вина, ни меду, имѣя на то оупъ Государя въ числѣ своего жалованья особую дачу. Калмыкамъ сполько правилась жизнь казачья, что они охотно поступали въ ихъ общесипво и заключали съ нашими предками *союзы и договоры о вѣжномъ совмѣстномъ житіи и служеніи*.

Старые Донцы въ свободное время любили повеселившись въ дружескихъ бесѣдахъ. Иногда въ присутствіи Русскихъ дворянъ, своихъ пріятелей, чшобъ блеснуть, являлся одинъ старикъ въ лазоревомъ апласномъ кафтанѣ съ частыми серебряными нашивками и съ жемчужнымъ ожерельемъ; другой въ камчатномъ или бархатномъ полукафтанѣ безъ рукавовъ, и въ темногвоздичномъ зипунѣ, опушенномъ голубою камкою съ шелковою гвоздичнаго цвѣта нашивкою; третій, въ камчатномъ кафтанѣ съ золотыми Турецкими пуговками, съ серебряными позлащенными застѣжками и въ лазоревомъ *настрафильномъ* зипунѣ. У всѣхъ шелковые Турецкіе кушаки, и на нихъ булашныя ножи съ черенками рыбаго зуба, въ черныхъ ножнахъ, оправленныхъ серебромъ; красныя или желшыя

сафьянные сапоги и кунья шапка съ бархатнымъ верхомъ. Другіе одѣвались въ богатая Турецкія, Черкескія или Калмыцкія одежды. Разспинали узорчатый коверъ, и клали подушки, шитыя золотомъ и серебромъ по червчатому ашласу. Становили серебряныя чаши съ виномъ и медомъ, изъ коихъ черпали серебряными чарками и ковшами. Въ кругу своихъ товарищей, наши прады любили наряжаться въ шафшяныя рубашки, или въ бархатные и камчатные кафтаны. Но если при постороннихъ хотѣли повеличаться, то показывали пренебреженіе къ своему богатому наряду, и въ бархатѣ или въ ашласѣ также спокойно сажались посреди грязной улицы, какъ на мягкомъ коврѣ. Можеть бытъ ошъ сего родилась молва, что казаки на Дону забогатѣли и въ кругу

своихъ семействъ, съ женами и дѣтьми, наслаждались довольствомъ и избыткомъ. Накормишь и напоишь прїѣзжаго почишалось обязанностію; кромѣ вина и меду, другихъ напитковъ не имѣли, и особенно уважали первое такъ, что всякое угощеніе почишали за ничто, если при ономъ не подчивали ихъ виномъ. Опъ шого изстари ведется у насъ, что если казакъ хочеть изъяснить, что совершенно доволенъ кѣмъ либо, то всегда говоритъ: « я у него былъ и вино пилъ. » Были и между ними *бражники* и *пропойцы*, кои все что дѣспавали на войнѣ, проигрывали въ зерны, или пропивали.

Казакъ радовались, когда торговые люди изъ украинныхъ городовъ: Воронежя, Бѣлгорода, Валукъ, Ливень, Ёльца, Оскола и другихъ, покрывали

Донъ своими судами и привозили къ нимъ хлѣбъ, вино, медь, огнестрѣльные снаряды. Въ то время кипѣла въ Черкасскѣ торговая дѣятельность; избытки казачей добычи: лошади, скотъ, Персидскіе и Турецкіе шовары, шли въ мѣну. Часно Рускіе, продавъ здѣсь шовары, хаживали съ казаками въ походы, и потомъ, полюбивъ или получивъ навыкъ къ казачьему ремеслу, оставались жить на Дону.

Таковыя связи, и особенно непосредственное сообщеніе съ Москвою, годъ отъ году совершенствовались наше общешніе; но болѣе примѣтная переменна въ ономъ произошла послѣ покоренія Азова. Въ семь торговомъ городѣ были порядочныя спроенія; казаки шотчасъ подѣлили ихъ между собою, и проживъ тушь болѣе 5 лѣтъ, безъ сомнѣнія узнали преимущество

домовъ, выспроенныхъ по правиламъ архитектуры, предъ своими землянками; они весьма рачительно заботились объ исправленіи оныхъ, а еще болѣе объ изобиліи всѣхъ жизненныхъ потребностей въ новомъ своемъ приобращеніи, и даже объ учрежденіи запасовъ на будущее время. Были довольны собою и обшпояшельствами, проводили время весело, собираясь всегда на *майданъ*, гдѣ всѣмъ обществомъ распивали Государево вино; бѣднымъ товарищамъ своимъ и Рускимъ плѣннымъ давали общественный запасъ; ласкою и крошестію хотѣли возстановить прежнюю торговлю города, поощряя всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нимъ изъ чужихъ городовъ и земель. Здѣсь Персіянинъ и Калмыкъ, Турокъ и Грекъ, Черкесь и Запорожець, Ногаецъ и Рускій, толпились на ули-

цахъ и площадяхъ, всегда дружественныя съ казаками и ласково ими приняшыя; многіе даже поспоянно жили въ Азовъ. Купеческіе корабли изъ Кафы, Керчи, Тамани, безбоязненно входили въ заливъ морской и доставляли изобиліе городу. Въ одномъ углу расположены были шелкъ и бумажные шовары; въ другомъ юффа и сафьянь; въ шрешьемъ арака, ягоды, овощи; въ иномъ лукъ, чеснокъ, соль. Въ это время болѣе всего развилась у казаковъ гражданская жизнь; они чувствовали и достоинство, и славу свою; гордились своимъ именемъ, называя себя *казагество Донское вольное безстрашное*; хвалились, что взяли Азовъ своимъ *дородствомъ и разумомъ* и не опдадутъ его врагамъ пока живы; что ихъ казачьему жипью завидуютъ всѣ земли, и имя ихъ пребудетъ вѣч.

нымъ; а въ граматахъ по своимъ городкамъ писывали: « Спанемъ смѣлымъ « сердцемъ за честь; поддержимъ свою « ашаманскую и молодецкую славу; « донинѣ еще никшо даромъ зипу- « новъ съ насъ не снималь. »

Турки и Крымцы ихъ боялись; Султанъ опасался, что не уцѣлѣтъ ему въ Царьградѣ, а дворъ его откровенно признавался, что казачій Азовъ сдѣлался для нихъ *пуще и тошнѣ Багдада*. Усиливаясь годъ ошь году, казаки брали укрѣпленные города: Керчь, Кефу, Синопъ, Трапезондъ, Ризу, Перекопъ, Карасу, и наконецъ уже методически вели войну съ Турціею и Тавридою.

Съ этого времени лучшіе ашаманы Донскіе, пріохоченные ласковымъ пріемомъ Московскаго двора и почестями, часшо живали въ Москвѣ, и при-

смотрявшись къ жизни бояръ Рускихъ, не стали чуждаться пышности, и непримѣнно удаляясь отъ старинныхъ привычекъ, исподволь вводили у себя разныя новосты. Въ послѣдней половинѣ XVII вѣка въ Черкасскомъ городкѣ было уже построено нѣсколько порядочныхъ домовъ.

Ашаманы Наумъ Васильевъ, Иванъ Семеновъ, Лукьянъ Максимовъ, Корнелій Яковлевъ особенно извѣсны введеніемъ новостей въ общежитіи; но ашаманъ Фроль Минаевъ первый, кажешся, переступилъ за предѣлы простой жизни, и съ его времени, ш. е. съ 1680 года, начинается новый періодъ нашего общежитія, описаніе коего помѣщаю въ слѣдующей главѣ.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ДОНЦОВЪ ВЪ
КОНЦѢ ХVII И ВЪ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНѢ ХVIII ВѢКА.

Донскіе ашаманы, вводя новоспи въ своемъ общежишіи, всегда умѣли удерживать спаринную простоту, кошорая господствовала у ихъ предковъ. Фроль Минаевъ, жившій въ послѣдней половинѢ ХVII вѢка, поступалъ не иначе.

Мы уважаемъ память сего героя; предки же наши, его современники, еще болѣе чтили его заслуги. Около сорока лѣтъ предводительствуя полками храбрыхъ, бывъ не менѣ двад-

цапи разъ избираемъ въ войсковые ашаманы, онъ наконецъ управлялъ мнѣніями и сердцами народа. Пяшьдесять лѣтъ дѣятельной, военной жизни, доставили ему значительное богатство. Бывъ часто въ Москвѣ въ посольствахъ ко двору, проведенши тамъ въ началѣ царствованія Петра I довольно долгое время, уважаемый Государемъ и боярами, онъ присмотрѣлся къ образу жизни тогдашнихъ вельможъ Рускихъ, и въ старости своей любилъ иногда показывать у себя заимствованную отъ нихъ пышность.

Обширный домъ его, лучший въ Черкаскѣ, стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ. Пльнные Татары и Турки составляли его прислугу: они смотрѣли за конюшнею, за псовой охотой, за чистотою и порядкомъ двора; въ праздное время были обыкновенными его собе-

сѣдниками. Фроль обращался съ ними какъ поварищъ, братски; въ военное время они сопутствовали ему въ походахъ, любили старика искренно и называли обыкновенно: *бабка*. Безъ гостей они обѣдали и ужинали съ нимъ вмѣстѣ; при гостяхъ, служили ему за споломъ. За большими обѣдами, или когда ашаманъ угощаль особъ, къ которымъ хошълъ показатъ особенное вниманіе, служили ему кромѣ плѣнныхъ, при сына его, герои въ биввахъ, не разъ уже предводительствовавшіе полками казаковъ.

Минаевъ съ дѣтства привыкъ проводить время въ бесѣдахъ казачьихъ, и шупъ не пребуя для себя никакого предпочшенія, даже самъ вспаваль предъ сжариками. Всякій казакъ называль его просто: *ты Фроль Минаевъ*, или, *твоя милость*. Лѣпомъ каждый день, предъ закашомъ солнца,

видали его въ кругу шарыхъ воиновъ, кои, собравшись къ дому его *побесѣдовать о житьѣ - бытъѣ*, располагались на скамьяхъ подъ навѣсами крылецъ. Сюда приходилъ всякъ кто хотѣлъ, безъ зову. Старики рассказывали о своихъ походахъ, о дѣлахъ предковъ; молодые, почтительно стоя въ споронкѣ безъ шапокъ, со вниманіемъ слушали опцовскія повѣсти, изъ которыхъ учились военному дѣлу. Часто рассказы сіи, споль близкіе къ сердцу каждаго казака, воспламеняли души шариковъ, а особливо когда напоминали объ опличномъ подвигѣ кошораго нибудь изъ собратій. Лице Фрола Минаевича блистало тогда радостію: « Это важный слуга, говорилъ онъ, и спойтъ, чшобъ въ честь его выпить. » Тотчасъ являлась *стойка* пѣнисшаго меда, и сыновья Фрола под-

носили спарикамъ заздравныя кружки. Изъ молодыхъ казаковъ, развѣ опличнѣншіе храбростію удостаивались иногда получашь изъ рукъ Минаева кружку меду, и это почишалось весьма важною наградою. Случалось, въ веселомъ расположеніи духа, воспоминашь такимъ образомъ многихъ *важныхъ слугъ*, достойныхъ почешной чары; тогда простой разговоръ становился недоспащочень для прославленія ихъ подвиговъ; воспламененные спарцы запѣвали свои *богатырскія пѣсни*.

П Ъ С Н Я.

У насъ брашцы на Дону, во Черкасскомъ городу,
 Проявилась у насъ брашцы, прирощоная *тума*,
 Онъ изъ шумъ брашцы, шума, Сенька Маноцковъ злодѣй;
 Крѣпкой думушки съ спариками онъ не думываль;
 Думываль крѣпкую онъ думушку, съ ярыжками;
 Перекинулся собака, ко Азовскому пашѣ
 А Азовскій-шо паша спашъ его спращивати:

Ты скажи, скажи пріятель, правду истинную :

Шшо-шо думаютъ у васъ, во Черкаскомъ городу?

« Да у насъ-шо на Дону, во Черкаскомъ городу

« Старики-шо пьютъ гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,

« По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ:

« Ой не дай Боже Азовцамъ ума, разума того :

« Не поставилибъ они башенки на усть-рѣчки Каланчи,

« Не перекинули бы цѣпи черезъ славный пихій Донъ,

« Не подвели бы они спруны ко звонкимъ колоколамъ.

« Ужь нельзя намъ бранцы будете во синеморе пройшишь,

« По синю морю гуляшь, зипуногъ-шо доставашъ. »

Какъ у насъ было на Дону, во Черкаскомъ городу,

Войсковой нашъ ашаманъ во всю ночушку не спалъ;

Какъ со вечеру соколъ нашъ роговыя проплывалъ,

Ко бѣлу свѣпу соколъ нашъ по синю морю гулялъ,

По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ.

Часто Фроль Минаевичъ приглашалъ къ себѣ гостей; для встрѣчи приходившихъ къ нему выходилъ самъ съ женою и дѣтьми на крыльцо, и взявъ гостя подъ руки, вводилъ въ комнату, прося милости, въ его родительскомъ дому хлѣба - соли покушать. Угощеніе его доказывало избытокъ: каждому

посѣпителю подносили медь изъ жалованнаго Царскаго ковша, кошорыхъ Минаевъ имѣлъ болѣе 20. Никто изъ приглашенныхъ не могъ уйти прежде другаго; но всѣ вмѣстѣ оставляли бесѣду, въ кошорой часто заславало ихъ упрю.

Съ особенною пышностію угощаль ашаманъ Рускихъ дворянъ, Азовскаго агу, Турецкихъ пашей, Горскихъ князей, знашныхъ Тапарскихъ мурзь. Всѣ эши Азіяшцы, находившіеся съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, часто нарочно пріѣзжали въ Черкаскъ для свиданія съ Фроломъ Минаевичемъ; онъ принималъ ихъ въ комнашъ, устланной богатыми Персидскими коврами; вдоль по стѣнамъ съ одной стороны были лавки, а съ другой простаго дерева раздвижныя спулья, на кон клалась, собшвенно для сего случая, шелко-

выя подушки, шипыя золопомъ. На стѣнахъ висѣли оружіе и збруя: пищали, ружья, фузен, сабли, шашки, кинжалы, шебалпаши (*), рога, луки, колчаны съ стрѣлами, чеканы, ронзыки (***) и проч. Это вооруженіе, все оправленное серебромъ, развѣшено было съ такимъ вкусомъ и въ такомъ порядкѣ, что, соспавляя для глазъ пріятную

(*) Такъ назывался поясъ изъ ремня съ пряжкой, украшенный серебряными бляхами съ чернино, на коноромъ висѣлъ большой рогъ для пороха, также обложенный серебромъ, спальной *мусатъ*, (огниво) съ опворкою, и сафьянный *гаманъ* (мешечекъ) для пуль, обшитый серебрянымъ Черкескимъ *айтаномъ* (снуркомъ).

(**) *Ронзыками* у казаковъ называется конская збруя: узда, нагрудникъ и пафы, на Турецкій образецъ сдѣланныя и украшенныя серебромъ и шелковыми кеспиями, иногда съ позолоной и камеевыми.

каршину, оживляло въ душѣ воиновъ величественныя воспоминанія. За столомъ, опъ спакановъ до чашъ и блюдь, все было изъ серебра. Хозяикъ не запрещалось показывашься гостямъ, и Фроль Минаевичъ, кажешся былъ первый на Дону, у котораго обществу украсились присутствіемъ женщинъ.

Любя и уважая почтеннаго старца, многіе Донскіе старшины ему подражали. Поздѣвы, Кумшацковы, Серебряковы, Купейниковы, Машлыкины, отличались умѣньемъ жишь, ласково принимашъ и угощашъ *бесѣду*.

Но общежитіе наше гораздо примѣннѣе начало совершенствовашъся съ наступленіемъ XVIII столѣтія. Кромѣ тѣхъ причинъ, кои въ сіе время распространили въ Россіи свѣтскую жизнь, были еще нѣкоторыя обстоятельства, болѣе къ шому способство-

вавшія на Дону. Азовъ былъ опшнятъ у Турокъ. Правительство запретило казакамъ производить морскіе и сухопутные набѣги, и врожденная ихъ дѣятельность, не находя для себя пищи въ немногихъ военныхъ занятіяхъ внѣ жилищъ, обратилась на жишейскій кругъ. Спарики охотно перенимали новости, кои не нарушали ихъ коренныхъ обычаевъ, и Рускія обыкновенія вводились почти непримѣтно. Петръ Великій, предписавъ въ Россіи повсемѣстное употребленіе нѣмецкаго плащя и запрешивъ бороды, не налагалъ подобныхъ обязанностей на Донцовъ. Казаки, радуясь сему извѣстію, прислали въ Москву ашамановъ съ извѣщеніемъ благодарности Монарху: « Мы взысканы, говорили они, швоею милостію паче всѣхъ подданныхъ; до насъ не коснулася швой указъ о плащѣ и

« бородахъ; мы живемъ по древнему на-
 « шему обычаю: всякій одѣвается
 « какъ ему угодно: одинъ Черкесомъ,
 « другой по Калмыцки, иной въ Руское
 « плашье спараго покроя: мы это лю-
 « бимъ; нѣмецкаго же плашья никто
 « у насъ не носитъ, и охоты къ нему
 « вовсе не имѣемъ. » Казаки не измѣни-
 ли сему обычаю даже до конца XVIII
 столѣтїя; но держась строго своихъ
 старыхъ привычекъ, они между тѣмъ
 распространили кругъ своихъ занятій
 и увеселеній, кои придали жизни ихъ
 много разнообразїя.

Важнѣйшее измѣненіе старинны со-
 стояло въ томъ, что браки казаковъ,
 въ первой половинѣ XVIII столѣтїя
 воспрїяли всю силу свою по уста-
 вамъ церкви. Казакъ не могъ уже раз-
 веселиться съ женою, сказавъ на *сборѣ*:
она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.

Въ слѣдъ за сѣмъ женщины получили право гражданства въ нашихъ обществахъ. Хозяйки, и особенно пожилыя, уже свободно могли показываться въ собраніяхъ мужчинъ; но все еще не скоро привыкли вмѣшиваться въ общій разговоръ и одушевлять бесѣды своимъ вліяніемъ, хотя впрочемъ жены старшинъ любили повеселиться въ кругу своихъ сосѣдокъ, которыхъ часто приглашали къ себѣ. Въ женскихъ собраніяхъ дѣланая Турчанка подносила гостямъ на большомъ подносѣ сладкій медъ, а хозяйка держа въ одной рукѣ стаканъ, а другою взявшись подъ бокъ, въ желтыхъ туфляхъ, пристукивала каблуками, приговарывая: *« туфли къ милому « глядятъ, полюбить его хотятъ. »*

Дѣвицы пользовались еще меньшею свободою: едва копорой изъ нихъ

совершалось 13 лѣтъ, и воля ея ограничивалась самымъ строгимъ приличіемъ. Дѣвушки на однихъ только свадебныхъ празднествахъ могли быть вмѣстѣ съ мужчинами, и обыкновенно проводили время или въ домашнемъ одиночествѣ, или въ кругу подругъ своихъ. Дома, всѣ занятія ихъ ограничивались шитьемъ и смотрѣніемъ за кухнею; особенно же прилѣжали къ шитью, дабы получить названіе *геберки*, которое давалось досужимъ мастерицамъ сего дѣла. Искусство шитья было тогда у насъ довольно однообразно: *сшить кубилекъ, выстегать узорамидѣяло, или кафтанъ, выстрогать ожерелокъ кривымъ танкомъ, бурсагками, разводами* и проч., все выученное ошь Ташарокъ или Турчанокъ. Весьма немногія обучались чинать акафисы и каноны; и сать же красавиць

нашихъ въ то время не учили вовсе, опасаясь, что грамотныя заведутъ переписку съ мужчинами. Каждое воскресенье и каждый праздникъ ходили онѣ въ нарядномъ платьѣ, вмѣстѣ съ бабушками, или нянюшками, къ заупрени, къ обѣднѣ и къ вечернѣ; ввечеру сидѣли или расхаживали на крыльцахъ домовъ своихъ, скрываясь всякій разъ, какъ скоро завидятъ проходящаго молодого мужчину. Когда собиралось ихъ нѣсколько вмѣстѣ, играли въ *кремешки* (*), въ *жмурки*, въ *лан-*

(*) *Кремешками* называются у насъ круглыя гладкіе камешки, величиною съ голубиное яйцо; для игры употребляется шесть шаковыхъ камешковъ: играющія садятся на полъ, который покрытъ ковромъ, кладутъ пять *кремешковъ* на коверъ кучкою, шестой бросаютъ вверхъ не много выше головы, и должны успѣшь взять *камешекъ* съ ковра и поймать падающій съ

ту (*), пѣли и плясали подь пѣсню, подь *варганъ*, или подь *гребешокъ*. Событвенная ихъ пляска была во всемъ сходна съ Рускою. Иногда подь надзоромъ же бабушекъ и нянюшекъ вы-

верху. Каждая изъ играющихъ продолжаетъ такимъ образомъ брѣшь съ ковра по одиночкѣ всѣ камни порознь, пономъ всю кучку вмѣсить; послѣ перекладываетъ ихъ съ одного мѣста на другое, захватываетъ между пальцевъ, прокатываетъ подь пальцами и проч. продолжая одна играть до шоль, пока уронишь бросаемый кремешекъ; въ то время передаетъ другой, которая точно тоже дѣлаетъ и ш. д. Сія игра перешла къ намъ отъ Татаръ.

(*) Въ игрѣ сей одной дѣвущкѣ завязывали глаза, другія соснавлили кругъ; первая, расхаживая въ кругу, должна была узнать у кого находился жгуишь; ежели указывала не на шу, то имѣющая жгуишь, ударивъ ее, передавала жгуишь другой. Когда же узнавали, то сей узнавшой завязывали глаза.

ходили онѣ на улицу для хороводовъ ;
 мужчины стоя поодаль могли только
 въ нѣкоторомъ разстояніи любоваться
 сими играми. Зимой дозволялось
 дѣвушкамъ *кататься на каталкахъ*,
 ш. е., на гладкомъ льду, на кошерахъ
 скользили просто на ногахъ съ раз-
 бѣгу. Взрослымъ нельзя было оста-
 ваться до поздняго вечера ни въ хо-
 роводѣ, ни на *каталкахъ*, и если бы
 копорая хотя немного запоздала, то
 бабушка нѣсколько дней сряду твер-
 дила бы ей: « не стыдно ли дѣвушка,
 « допоздна паскашьяся ; что женихи
 « скажутъ ? » Хотите ли знать на-
 ружность нашихъ женщинъ ? Пред-
 ставьте красавицъ роскошной Азіи,
 смѣшанныя вмѣстѣ черты Черкеше-
 нокъ, Турчанокъ, Татарокъ, Рускихъ,
 и тогда получите общее понятіе о
 красотѣ обитательницъ Дона ; пла-

менные черные глаза, щеки полная свежей жизни, величавшая опрятность и чистота въ одеждѣ, сославляють собственность нашихъ дѣвушекъ. Онѣ, какъ и всѣ женщины, любили наряды, и также какъ и Рускія барыни того времени, румянились, когда выходили въ церковь или въ гости.

Но строгое одиночество женщинъ мало по малу ослабѣвало: отъ кашалокъ и хороводовъ онѣ непримѣнно присвоили себѣ свободу выходить на улицу просто, для того, чѣмъ погулять или *посидѣть* подлѣ *рундуки* (помость, отъ кошораго начиналась мѣстница). Главный городъ на Дону, Черкасскъ, былъ построенъ такъ иже и неправильно, чѣмъ не мѣло было найсти порядочнаго мѣста для гулянья. Почти ни одинъ домъ не имѣлъ двора. Всѣ строенія были весьма однообразны:

снаружи высокая лѣстница вела на *галдарею* (*), оипъ копорой кругомъ всего дома шло высокое крыльцо; изъ галдареи ходъ въ сѣни.

Взойдише въ средину дома: главная комнаша или зала всегда прибрана и гошова для приѣма чужихъ; въ переднемъ углу на божницѣ стоишь рядъ образовъ въ богашыхъ серебряныхъ окладахъ, надъ коими висишь зажженная лампада, а съ божницы спускается *пелена*; по божницѣ и между образами висяшь въ пучечкахъ засохшіе цвѣшны и разныя изображенія, сдѣланныя изъ цвѣшной бумаги и волосевъ. Въ углу, подъ свѣщными,

(*) Галдарея, родъ закрытаго со всѣхъ сторонъ балкона, копорый дѣлался передъ дверью, ведущею въ сѣни; самыя же дома строились на высокихъ столбахъ по образцу Азіяшскому.

споль, покрытый чистою скапертью. Около спѣнь лавки, а въ богашыхъ домахъ на одной сторонѣ нѣсколько стульевъ, или раздвижныхъ проспаго дерева, или рѣзныхъ съ высокими спинками. Всѣ спѣны увѣшены оружіемъ, и збруюю. Подлѣ двери поснавчикъ, сдѣланный на подобіе шкапа со стеклянными лверцами, изъ за кошорыхъ видна разложенная въ порядкѣ серебряная посуда. Изъ залы дверь въ спальню, а изъ сей послѣдней въ спряпную. Изъ сѣней ходъ на чердакъ, гдѣ жили младшіе въ семействѣ. Хозяйка содержала весь домъ въ удивительной чистотѣ: недовольно того, что каждую недѣлю по одному и по два раза мыли полы, еще нѣсколько разъ въ году обмывали всѣ наружныя и внутреннія спѣны и пополки. Сія заботливость о чистотѣ соснавляетъ до

сихъ поръ отличительную черту въ характерѣ Донскаго народа.

Самое большое развитіе спариннаго нашего общежитія послѣдовало при атаманѣ Данилѣ Ефремовичѣ Ефремовѣ, копорый утверждень въ семь званіи въ 1738 году. Сей умный вождь казаковъ, имѣя по тогдашнему времени прекрасный вкусъ и значительное богатство, самъ любилъ жить весело и поощрялъ къ тому своихъ подчиненныхъ. Въ его время въ праздничные дни на всѣхъ улицахъ толпился народъ: въ одномъ мѣстѣ молодежь занималась борьбою, бѣганьемъ, игрою въ мячи, въ чехарду, въ бабки или въ *айдангики* (*). Въ другомъ, казаки, собравшись въ кружокъ, напѣвали бога-

(*) *Айдангиками* называющіяся маленькія кости изъ бараньихъ ножекъ.

шырскія пѣсни. Тамъ стройный юноша, бросивъ небрежно шапку на бекрень, выступалъ изреди шоварницей, и съ первымъ звукомъ балалайки, пускался плясать казачка быстро, живо, присвистывая и прищелкивая языкомъ. Здѣсь, подлѣ *рундука*, сидяшь чинно пожилые воины: посреди ихъ *ендова* (*) *переварнаго* меда (**); старцы воспоминая о прежнихъ подвигахъ, осушали кружки прохладительнаго напишка. Подлѣ другаго *рундука*, на раскинутомъ коврѣ, расположилась бесѣда спарушекъ: эшо жены старѣйшинъ нашихъ; онѣ сдѣлали общую складку, и *ясырка* (***) на собран-

(*) *Татарскій* *любивый* сосудъ, родъ большой чаши.

(**) Старики любили *переварный* медъ по его крѣпости и хорошему вкусу.

(***) Въ лучшихъ домахъ нашихъ женщины

ныя деньги принесла имъ сладкаго меду; передавая изъ рукъ въ руки кружку, онѣ выхваляють шарину и поють духовныя псалмы и пѣсни о подвигахъ своихъ мужей и отцовъ. Проходящя ли мимо ихъ знакомый или незнакомый мужчина, онѣ, привѣжливо поклонившись, приглашаютъ его: *подойди къ намъ роднишкой*, и пощуютъ медомъ, а шотъ, въ благодарность, кладетъ имъ на подносъ деньги. За собранное отъ проходящихъ посылали въ другой разъ за медомъ, или замѣняли эшимъ сборомъ складку будущаго воскресенья. Въ шаковыхъ бѣсѣдахъ наши прабабушки любили го-

имѣли для услугъ плѣнныхъ Татарокъ и Турчанокъ, кои назывались *ясирками*. Еще и нынѣ нѣкоторыя старушки называютъ горничныхъ дѣвушекъ *ясирками*.

ворить между собою по Ташарски, что въ то время было въ большой модѣ. Въ другомъ мѣстѣ видали кругъ молодыхъ женщинъ въ праздничныхъ кубилькахъ: онѣ только что сошли съ ближняго крыльца, гдѣ хозяйка пошчивала ихъ плодами, закусками, *сѣмезками* (*); теперь вышли онѣ на улицу *посидѣть и полюбоваться общимъ веселіемъ народа.* Онѣ также, подражая старухамъ, поюшь пѣсни и псалмы. Вошь идетъ мимо казакъ пожилыхъ лѣтъ: не допуская его до себя на нѣсколько шаговъ, всѣ вспаюшь,

(*) *Сѣмезки*, ш. е., сѣмена арбузные или тыквенныя, были во всеобщемъ употребленіи на Дону: ихъ жарили (сушили) на сковородѣ; каждая женщина и дѣвица почти всегда носила порядочный запасъ ихъ въ карманѣ для непрерывнаго употребленія. Это было въ обычаяхъ тогдашняго времени.

почтительно кланяюшся и сядяшся уже тогда, когда онъ удалился отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе. Это уваженіе къ старшимъ съ малолѣтства укоренялось въ дѣтяхъ нашихъ и наставляеніями и примѣрами: молодые люди стыдился сдѣлать при старикѣ малѣйшую непристойность, иначе всякій старецъ могъ не только напомнить юношѣ о его обязанностяхъ, но и наказать его, не опасаясь гнѣва родителей. Женщины обязаны были отдавать первенство всѣмъ мужчинамъ, а особенно когда сіи послѣдніе являлись въ доспѣхахъ воинскихъ: случалось ли вооруженному казаку встрѣшиться съ женщиною на узкихъ помостахъ грязной улицы, она, не смотря на грязь, должна была уступать мѣсто воину.

Но улицы города были пѣсны для вмѣщенія всей толпы веселаго

и дѣятельнаго народа; для того многія *компаніи* молодыхъ людей, и особенно дѣши, выходили за городъ къ *полисаднику*, кошорымъ обнесенъ былъ весь городъ, или въ *сады*. Здѣсь молодежь, одни съ ружьями, другіе съ луками и спрѣлами, размѣривъ мѣсто, посшавили цѣли и вошь: первая спрѣла вонзилась надъ кругомъ, вшорая вошла въ кругъ, шретья въ самую средину онаго. Пули одна другой мѣшчѣ, рѣдка въ возвышеніи или понижіи на палецъ. Яйцо служишь мѣшой, и ни одинъ выспрѣлъ не пролетаетъ мимо. Въ сихъ забавахъ воиншвенные юноши проводили большую часть дня; безпрерывное упражненіе въ спрѣляніи доставило имъ удивительную мѣшкосць: были между казаками шакіе спрѣлки, кошорые на довольномъ разшояніи выбивали пулею изъ рукъ

монету, положенную между пальцами, не зацепивъ держащаго ее. Рассказывающъ анекдотъ, что Государь Петръ первый, во время похода къ Азову, остановившись въ Верхне-Курмоярской сшаницѣ, и увидѣвъ какъ-то подъ пропивоположнымъ берегомъ Дона плавающую ушку, спросилъ: нѣтъ ли шупъ казака, кошорой застрѣлилъ бы ее? Вызвался молодой воинъ *Пядухъ*, поднялъ пищаль и убилъ ушку не цѣпившись. « *Исполать казакъ!* » сказалъ Государь, *и я убью, но только поцѣлюсь.* »

Въ другомъ мѣстѣ около полисадника большая шолпа малюшокъ, раздѣленная на двѣ паршіи, разбила лагерь изъ камыша; всѣ въ воинскихъ доспѣхахъ: въ бумажныхъ шапкахъ и лядункахъ, съ лубочными саблями, съ маленькими деревянными пиками; въ каждой паршіи свой предводишель;

знамена изъ окрашенной бумаги, шрещопки, бубны и шарелки для шоржешвенныхъ пѣсней. По данному знаку объ паршіи снимающся съ лагерьа, сходящся, сражающся : побѣдители преслѣдуютъ побѣжденныхъ, опбиваютъ знамена , берутъ въ плѣнь людей, и шоржешвенно съ шрофеями своихъ подвиговъ, при звукѣ бубновъ и шарелокъ, входящъ въ городъ, чшобы принящъ опъ стариковъ похвалу. Казакъ раждался воиномъ; съ появленіемъ на свѣшъ младенца, начиналась его военная школа: новорожденному, всѣ родные и знакомые опца, приносили въ даръ на зубокъ: шпрѣлу, шашпронъ пороха, пулю, лукъ, ружье и ш. п.; даренныя вещи развѣшивались на спѣншй горницы, гдѣ лежала родильница съ младенцемъ. Когда, по ишпеченіи сорока дней , мать, взявъ въ

церкви очистишельную молитву, возвращалась съ ребенкомъ домой, отецъ надѣвалъ на него какъ нибудь саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ ножницами волосы въ кружокъ, и возвращая сына матери, поздравлялъ ее съ *казакомъ*. Когда у младенца прорѣзывались зубы, отецъ и мать посадивъ его на лошадь, возили въ церковь служить молебенъ Іоанну воину о томъ, чтобъ сынъ ихъ былъ *храбрымъ казакомъ*. Первые слова, произносимыя малюпкою, были: *ту* и *пу* (*). Трехлѣтніе уже сами ѣздили на лошадяхъ по двору, а въ пять лѣтъ безспрашно скакали по улицамъ и участвовали въ дѣшскихъ манѣврахъ.

(* *Чу* выражаетъ ѣхашъ верхомъ, а *пу* стрѣляшъ.

И старики не всё помѣщались въ бесѣдахъ, подлѣ *рундуковъ*: нѣкоторые собирались въ *станичные дома*, которыхъ по числу станицъ города Черкаска, было девять (*). Дома сіи были построены на берегу Дона въ близкомъ одинъ ошь другаго разстояніи; двѣ или три станицы пускали по рѣкѣ деревянный поплавокъ, прикрѣпивъ къ нему маленькую цѣль; пространство размѣряли шакъ, чтобы ошь каждаго станичнаго дома цѣль опстояла на ружейный выспрѣль; начиналась спрѣльба со всѣхъ станичныхъ домовъ, и которая станица прежде успѣвала сбить цѣль, шу побѣжденныя обязаны были угощать *тройнымъ касильгатымъ* (**)

(*) За исключеніемъ Гапарской станицы.

(**) Подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ крѣпкій и весьма хорошій медъ.

медомъ. Другія компаніи шариковъ собирались на голубцахъ (*) (на кладбищѣ), гдѣ усѣвшись кружками, каждый поочередно приносилъ ендову крѣпкаго меда, и разнося кружки за упокой усопшихъ и въ честь живущихъ, начиналъ любимыя богатырскія пѣсни, повторяемыя всею бесѣдою:

I.

На зарѣ-шо было на зорюшкѣ,
 На зарѣ-шо было на упревней,
 На восходѣ было солнца краснаго:
 Не буйные вѣтры подымались,
 Не синее море всколыхалось,
 Не фузеюшка въ полѣ прогрянула,
 Не люта змѣя въ полѣ просвиснула,
 Просвиснула пулечка свинчаяя;
 Она падала пулька не на землю,
 Не на землю пуля и не на воду,
 Она падала пуля въ казачій кругъ,

(*) Голубцами называются у насъ могильные памяшники.

На урочную-шо на головушку,
 Что да на перваго есаулушку;
 Попадала пулечка промежь бровей,
 Что промежь бровей, промежь ясныхъ очей;
 Упалъ молодець коню на черну гриву.

2.

Не правушка, не ковылушка въ полѣ шашалася,
 Какъ шашался, волочился удалъ добрый молодець,
 Въ одной поненькой въ полопняной во рубашечкѣ,
 Что во шой-шо было во кармазинной черкесочкѣ;
 У черкесочки рукавички назадъ закинушы,
 И камчашны ево полочки назадъ заспегнушы,
 Бусурманскою онѣ кровію позабрызганы.
 Онѣ идець удалъ добрый молодець, самъ шашается,
 Горючею онѣ слезою обливается.
 Онѣ шугимъ-шо своимъ лукомъ опирается;
 Позолопушка съ шуга лука долой лепишь.
 Какъ никшо-шо съ добрымъ молодець не
 встрѣчается;
 Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодець род-
 ная матушка:
 Ахъ шы чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
 Ты зачьмъ шакъ мое чадушко напиваешься?
 До сырой-шо шы до земли все приклоняешься,

И за правушку, за кавылушку все хвалашься.
 Какъ возговоришь добрый молодецъ родной ма-
 шущкѣ :

« Я не самъ такъ добрый молодецъ напиваюся ,
 « Напойлъ-то меня Турецкій царь прѣмѣ пойлами,
 « Чпо прѣмѣ-то было пойлами, прѣмѣ рознымп :
 « Какъ и первое-то ево пойло — сабля оспрая,
 « А другое ево пойло — колье мѣшкое было,
 « Ево прѣше-то пойло — пуля свинчашая.

3.

Какъ ты башюшка, славный шихій Донъ,
 Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ !
 Про себя лежишь слава добрая,
 Слава добрая, рѣчь хорошая.
 Какъ бывало ты все бысперь бѣжишь ,
 Ты бысперь бѣжишь все чистехонекъ ;
 А шеперь ты, кормилецъ, все мушенъ печешь ,
 Помушился ты, Донъ, съ верху до низу.
 Рѣчь возговорилъ славный шихій Донъ :
 Ужъ какъ-то мнѣ все смуну не бышь ,
 Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ ,
 Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ ;
 Размывающся безъ нихъ мои крупы бережки,
 Высыпающся безъ нихъ косы желшымъ пескомъ.

Не великой шамъ огонюшекъ гориптъ,
 То-шо въ полѣ кипарисный гробъ споиштъ;
 Во гробу лежиштъ удалый молодець:
 Во рѣзвыхъ ногахъ ему чуденъ крестъ,
 У буйной головушки душа добрый конь.
 Какъ и долго ли въ рѣзвыхъ ногахъ стояшъ,
 Какъ и долго ли желты пески гладашъ?
 Выбилъ яму по колѣно онъ.
 Конь мой, конь, шоварищъ вѣрный мой!
 Ты веселіе мое въ чкшпомъ полѣ!
 Бѣги мой конь шы къ моему двору,
 Бѣги шы конь мой, все не спешкою,
 Ты не спешкою, не дорожкой;
 Бѣги мой конь пропивною,
 Ты пропивною все звѣриною,
 Куда правушка ковылушка лежишъ,
 Тамъ холодная крениченька бѣжишъ.
 Злодѣй Турчинъ не поймаетъ тебя,
 И Ташаринъ не осѣдлаешъ тебя.
 Прибѣгижъ конь къ моему шы ко двору,
 Вдаръ колышомъ у вереички;
 Выдешъ къ тебѣ старая вдова,
 Старая вдова, родная машъ моя;
 Сшавешъ тебя про сына сирашиваниа:

« Не убилъ, не ушопилъ ли ты его, »
 « Въ чистомъ полѣ положилъ-то я его »
 Ты скажи: « швой сынъ жежиться захошѣлъ,
 « Обвикмаешъ поле чистое пеперь. »

Послѣ каждой пѣсни, распроганные старцы съ чувствомъ восклицали: « Да! заслужили наши казаки Богу, Государю и великому войску Донскому. » Случалась ли въ бесѣдахъ сихъ какая ссора, шарики шощасъ мирили ее, или засшавляли обидчика ишши по упру въ домъ къ обиженному, чшобы поклономъ въ ноги испросить прощение. Вообще всѣ казаки, а особенно жившіе въ верховыхъ станицахъ, посшавляли себѣ въ обязанность мирить всякія ссоры и даже шяжбы. Тамъ ашаманъ и шарики сами кланялись въ ноги шяжущимся, чшобъ они помирились и не ѣздили судиться въ Черкаскъ, гдѣ было главное.

правление. Если враждующіе не соглашались на миръ, то оба въ одномъ каюкъ (лодкѣ) пускались внизъ по Дону въ главное войско на судъ; но часно на пуши, за крѣпительной чарой вина, будто неумышленно заводили между собою разговоръ и забывали о своей враждѣ. Нѣтъ нужды, что назадъ до сшаницы надлежало шпанушья прошиву воды, иногда верстѣ сто и двѣстѣ: пріятношо, что ашаманъ и старики встрѣчая ихъ, поздравляли съ миромъ.

Въ маѣ *главное войско* разматривало дѣла сшаницъ и распредѣляло казаковъ. Для сего ашаманъ со всѣми старшинами, составявшими правительствво, извѣстное въ народѣ подъ именемъ *всевеликаго войска Донскаго*, выходилъ за городъ на возвышенныя мѣста, кои не пощадялись бываю-

щими въ семь мѣсяцъ разливами Дона, и шамъ разбивъ лагерь, шворили судъ. Являлись челобитчики съ прозьбами о поновленіи границъ, о которыхъ вышелъ между станицами споръ, и сонмъ старѣйшинъ или поручалъ одному изъ среды своей разобрать дѣло на мѣсцѣ, или склонялъ шяжущихся къ согласію на *общую правду*, т. е. на рѣшеніе какого нибудь старожила, кошорый, поклявшисъ на Евангеліи поступать по совѣсти, долженъ былъ со свяшою иконою въ рукахъ пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю межу. За симъ подходили изувѣченные на войнѣ казаки: войско снабжало ихъ опшпавными листами и награждало доспойнѣйшихъ. Выступали частные челобитчики: *всевеликое войско* удовлетворяло каждого; ни одинъ не опшо-

диль недовольнымъ. Сшарфйшины Дона занимались такимъ образомъ дѣлами шолько до полудня, а оспашокъ дня проводили въ забавахъ. Забавы сіи имѣли общій характеръ, свойственнй народу воинственному. Иногда располагались всѣ большимъ кругомъ, посреди лагеря: вводили въ кругъ двухъ могучихъ борцовъ, полунагихъ калмыковъ, у которыхъ все шѣло было вымазано жиромъ. Поединщики осмашривали другъ друга, сходились, расходились, примѣривались какъ ловчѣ схвашишься, и вдругъ сцѣпились: руки ихъ скользаять по шѣлу; борцы упирающся ногами въ землю, жмушь одинъ другаго, крушаящся, сплешающся ногами и вошь сильный розмахъ повергаешъ одного на землю; крикъ со всѣхъ споронъ: *славно! богатыр!* награждаешъ побѣдителя. Побѣдишь

противника значило повергнуть его лицомъ вверхъ. За симъ собраніе дѣлилось на ряды, чшобъ спрѣлять въ цѣль изъ ружей и луковъ; поодаль манёврировали шолпы мальчиковъ, заводя противную партію въ засады, или спараясь схватить удобный случай для нечаяннаго нападенія; спарѣишины торжественно отдавали первенство той или другой сторонѣ. Непримѣтно вечеръ заставалъ собраніе въ сихъ играхъ.

Случалось ли войсковому ашаману обозрѣвать верховыя спаницы для переписи *малолѣтковъ* (*): онъ назначалъ удобное мѣсто, куда собирались изъ 20, 30 и болѣе спаницъ, ашаманы со стариками и всѣ малолѣтки на

(*) Десятинадцати-лѣтнихъ казаковъ, кошорые съ сего возраста записывались въ служилые казаки.

лучшихъ коняхъ въ полномъ вооруженіи: съ пиками, длинными ружьями, шашками, боршнями, луками и проч. Обширный лагерь разбивался посреди ровной долины, на которой недѣлю по двѣ и по мѣсяцу, въ присутствіи войсковаго ашамана, продолжалась военныя игры. Одна толпа юношей пробовала скачкою быстроту лошадей; другая на всемъ скаку шрѣляла въ цѣль; шамъ удалъцы, перекинувъ черезъ сѣдло спремена, стоя неслись во весь опоръ на дикихъ лошадяхъ, отбиваясь шашкою, или цѣлясь ружьемъ; либо разославъ на землю бурку, и бросивъ на нее плѣшь, монету и ш. п., хватали ихъ на всемъ скаку. Выѣзжали охотники поединщики и разскакавшись другъ на друга начинали бой плѣтьми. За симъ открывалось новое зрѣлище. Большая

часть воиновъ въ полномъ вооруженіи неслия толпою къ рѣкѣ и на всеи лешу, бросившись въ воду, переплывали на другой берегъ. Тѣмъ, которые отличались проворствомъ, легкостью, мѣткостью въ стрѣльбѣ, войсковый ашаманъ дарилъ уздечки, приборы къ сѣдлу, оружіе и проч. Эта награда пріобрѣтала имъ уваженіе товарищей. Съ наступленіемъ вечера производились кулачные бои.

Масляница у предковъ нашихъ праздновалась великолѣпнымъ образомъ: цѣлую недѣлю отъ малаго до стараго весь городъ веселился. Кромѣ пріятельскихъ *бесѣдъ* мужинъ и женщинъ, которые въ эту недѣлю почти въ каждомъ домѣ распѣвали псалмы и богатырскія пѣсни, главное отличіе масляничнаго веселія составляли скачки и пальба. Приготовленія къ сему на-

чинались почти цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе; во все это время молодежь не выходила изъ конюшенъ, не досыпала ночей, гоповя добрыхъ коней. Съ наступленіемъ перваго дня масляницы, вооруженные наѣздники со всего города собирались къ назначенному мѣсту, на лучшихъ скакунахъ съ дорогими наборами, всякій съ желаніемъ блеснуть конемъ, збруею, удалствомъ. Спеченіе было самое многолюдное: сюда выѣзжали и прабабушки наши съ своими красавицами дочками въ нарядныхъ возкахъ съ жаровнями. На ошкрытомъ мѣстѣ стояла мишень, пучекъ камыша, перпендикулярно поставленный, а саженьяхъ въ 200 ошъ него назначался пунктъ, ошъ котораго надлежало скакать. Начиналась скачка: первый несется спрѣлою съдой спарець; бросивъ у самага пука

поводья, прикладывается онъ короткимъ своимъ ружьемъ и пукъ зажженъ. За нимъ лешипъ юноша, который, на всемъ скаку соскочивъ съ лошади и держась одною рукою за гриву, схватываетъ другою изъ за пояса пистолеть, стрѣляетъ въ пукъ и въ мигъ на лошади; другіе по слѣдамъ его перепрыгивающъ черезъ огонь. Иной, пришворяясь падающимъ съ несущейся лошади, хватаетъ съ земли монету, и бросивъ ее впередъ, ловитъ ее на ленту. Такимъ образомъ наѣздничествовали здѣсь Донскіе воины, каждый день до вечера, перемѣняя по нѣскольку пуковъ камыша въ день, и по нѣскольку коней. Успавъ опъ скачки спарики подѣзжали къ *возкамъ* и изъ рукъ бабушекъ подкрѣпляли себя *сабираломъ* (*); а молодежь

(*) Подъ именемъ *сабирала* извѣстенъ былъ на Дону лучшій медъ.

украдкою ловила взоры сидѣвшихъ въ возкахъ прелестныхъ зашворницъ.

Тогда, какъ здѣсь забавлялся скачкою на мишень, въ другомъ мѣстѣ собирались охошники на скачку другаго рода, въ кошорой сильнѣйшая и рѣзвѣйшая лошадь одерживала побѣду. Въ эту скачку употреблялись яровыя лошади, кошорыхъ каждый разъ собирали ошь 50 до 100: надлежаюй пронеслись не менѣе 15 версхъ по прямому направле-нiю. Данила Ефремовичъ по большей части учреждалъ шаковыя скачки ошь *Гирявой* могилы до шого мѣста, гдѣ нынѣ Новочеркасскъ; это будешъ болѣе 25 версхъ разстоянiя (*). Трешъ

(*). Замѣчательнѣйшая скачка на Дону была 5 мая 1805 года, при заложении города Новочеркаска, на кошорой было болѣе 500 лошадей.

лучшимъ ѣздокамъ полагались призы : первому, конь со всею збруею, или большая серебряная кружка; второму, нѣсколько аршинъ алаго сукна и парча; третьему, шибеньки, спремена и сафьянь.

Дѣши заводили свои скачки по улицамъ; въ городѣ же въ каждомъ домѣ съ ранней зари и до полуночи производилась непрерывная пальба изъ ружей и пистолешовъ; дѣши снрѣляли изъ маленькихъ пушечекъ, у кого же не было ихъ, шѣ просверливали въ пуспыхъ коспяхъ заправки, или заряжали камышинки. На крыльцахъ домовъ, на улицахъ, на моспахъ, вездѣ толпы народа, вездѣ пальба; одни больные были прикованы къ своимъ постелямъ, все прочее веселилось.

Въ будни, въ свободное время, казакъ не оставался дома : его неуго-

монный характеръ требовалъ дѣятельности. На залешномъ конѣ гонялся онъ въ полѣ за дикими козами, оленями, шарпанами, сайгами, или съ борзыми собаками *полевалъ зайцевъ, лисицъ, волковъ*; убишь веоря или барса, было дѣломъ славнымъ. Но у насъ бывали еще особеннаго рода охоты, кошорыми забавлялъ войско самъ ашаманъ. Ошличные наѣздники на рѣзвыхъ скакунахъ, собравшись по повѣсткѣ, ошправлялись за ашаманомъ къ курганамъ *Двухъ братьевъ* (*); ошсюда ошкрываешся обширное *займище*, кошорое на шопъ разъ всегда окружалось тысячью казаковъ, нарочно для сего собранныхъ; въ разныхъ мѣстахъ разставлены были шенеша. Вопъ проекрашный ружейный выспрѣль подаешъ знакъ

(*) Неподалеку ошъ Черкаска.

къ начашю охоты : раздавшійся со
 всѣхъ споронъ громкій крикъ пробуж-
 даешь *займище* ; шолпы всадниковъ
 носящя въ различныхъ направле-
 нїяхъ ; поднимаются успрашенные
 звѣри. Здѣсь, видите вы, свирѣпый
 вепрь , поская клыками камышь ,
 идетъ на сопропивниковъ ; его ждущь
 мѣшкіе охотники съ виншовками на
 прикладахъ, и подпустивъ на высрѣль,
 поражаютъ нѣсколькими пулями ; раз-
 яренный звѣрь, означая слѣдъ свой
 пѣною и кровію, успремляется на
 дымъ, чшобъ отомстить дерзкимъ,
 или дорого продашь жизнь свою ;
 охотники поспороняющя, и въ мигъ
 нѣсколько пикъ повергаютъ его на
 землю. Тамъ решивый навздникъ, под-
 нявъ чеканъ, преслѣдуетъ волка ; доб-
 рый конь, *попрашивая* (*) поводья ,

(*) Национальное у казаковъ слово, означаю-

не выпускаешь изъ виду звѣря, который, ощепиня шерсть, часто озирается и щелкаетъ зубами, и оба скрываются отъ глазъ. Здѣсь легкая коза, поднявъ гордо шею, стрѣлой несется по гладкой равнинѣ, оспанавливаясь, манишь жаднаго охотника, надѣясь на быспрый свой бѣгъ; но подспрекнутый всадникъ припадаетъ къ сѣдлу, гонишь борзаго коня, и собравъ арканъ, мѣшко бросаетъ его на шею своей добычи. А здѣсь робкій заяцъ, приложивъ на спину уши, мечется во всѣ стороны ища спасенія: его съ намѣреніемъ, пропускають и у самыхъ ногъ ашамана, ударомъ плѣши приковываютъ къ землѣ. Въ сихъ охотахъ молодежь наша научалась имѣть

щее, что лошадь неперпѣливо рвется, члпобъ имѣть свободныя поводья.

зоркій глазъ, чухкое ухо, смѣлость, отважность. Окончивъ охоту, наѣзники отпраплялись къ ашаману обѣдашь или ужинашь; шуть, за спаканами меда, всякій рассказываль какъ нагналь волка на засаду, или подсперегь лису, кравшуюся ползкомъ въ гущошу камыша, или съ конемъ своимъ перепрыгнуль черезъ опасный оврагъ.

За охотою обыкновенно слѣдовала дружеская *бесѣда*: убившій оленя, вепря или козу, созываль своихъ сосѣдей разѣсть вмѣстѣ звѣря; нынѣ одному удавалась охота, завтра другому, а послѣ прешьему, и шакъ далѣе. Бесѣды переходили изъ дома въ домъ; кто не доставаль дикаго звѣря, шотъ убиваль чшо нибудь изъ домашняго скота лишь бы не опшашь опъ другихъ въ госпепрѣмствѣ. Опшанками убишаго звѣря хозяинъ дѣлился съ

сосѣдами ; ибо продавать съѣстное не было тогда у насъ въ обычаѣ. Прадѣды любили щеголять на званыхъ столахъ, приглашая знакомыхъ на крещины, именины, свадьбы и проч. Здѣсь бѣдный и богатый ставилъ на столъ непременно полное число блюдъ. Обѣды начинались обыкновенно *круж-ликомъ* (пирогомъ) съ рубленнымъ мясомъ и перепелками; за нимъ слѣдовало 8 или 10 холодныхъ: *студень*, *сѣкъ* (*), *языки* (**), приправленные солеными огурцами; полошки изъ поросенка, гуся, индѣйки, всѣ на разныхъ блюдахъ; частъ дикой свиньи въ разварѣ, лебедь, соленый журавль и проч.; послѣ холодныхъ подавали горячія также до 10 блюдъ: щи, по-

(*) Филейная частъ говядины въ разварѣ.

(**) Языки.

хлебку изъ курицы, свареной съ сарацинскимъ пшеномъ и пшеномъ; *моркву*, т. е. супъ изъ баранины, приправленной морковью; *шурубарки* (ушки); борщъ со свиной; *дулму*, которой было три рода: изъ капусты съ рубленнымъ мясомъ, изъ огурцовъ и изъ башлажановъ; *лапшу*, супъ изъ дикой ушки и проч. Всѣ супы были приправлены лукомъ. Соусы вовсе были исключены изъ нашихъ обѣдовъ, а послѣ суповъ поспѣшь подавали жаркiя: гуся, индѣйку, поросенка съ *назипкою*, цѣлаго ягненка съ чеснокомъ, часть дикой козы, дрофу, дикихъ ушокъ, куликовъ и другую дичину, все также на особыхъ блюдахъ. Телятины предки наши никогда не ѣли, почитая это за грѣхъ. вмѣсто пирожнаго подавали: *блинцы*, *лапшевникъ*, *кашникъ*, молочную кашу, и наконецъ *уре кашу*

изъ просшаго пшена приправленную
 сюзьмою , ш. е., кислымъ молокомъ.
 Оканчивался же споль десертомъ
 изъ свѣжихъ и сухихъ фруктовъ.
 Чшобъ не обидѣшь хозяина, всѣ гости
 должны были непременно опвѣдать
 каждое блюдо. За всякимъ кушаньемъ
 пили медъ, а дабы никто не опгова-
 ривался и всякой выпивалъ до дна, по
 съ перваго спакана начинались шоспы:
 первый за здравіе Государя; хозяинъ
 возглашалъ: «Здравствуй Царь, Госу-
 дарь въ кременной Москвѣ, а мы Донскіе
 казаки на тихомъ Дону.» Пошомъ слѣ-
 довалъ шоспъ войска Донскаго: *Здрав-*
ствуй войско Донское съ верху до низу,
съ низу до верху.» Пошомъ пили здо-
 ровье ашамана, всѣхъ гостей и проч.
 Десертъ нашъ, по изобилію и вкусу
 фруктовъ, могъ почитаться отлич-
 нымъ: персики, абрикосы, виноградъ,

разные роды вишень, грушь, бергамоповъ, яблочковъ, и дули (груши), извѣстные подъ именемъ Персидскихъ. Сказываютъ будто Императоръ Петръ I, находясь въ Персидскомъ походѣ, далъ бывшему при немъ казаку сѣмя шаковой дули, которую самъ кушалъ, сказавши: « когда воропишься домой, посади это сѣмя и разведешь себѣ хорошия груши. » Казакъ исполнилъ это, и плоды сии до нынѣ сохранились въ садахъ нашихъ.

При Ефремовѣ завелись на Дону экипажи. Въ старину казаки всегда ѣздили верхомъ; сѣсшь въ рыдванъ почтвалось неприличнымъ; однѣ только женщины употребляли просшия парашайки, покрышыя узорчатымъ войлокомъ. Въ повозки сии дозволено было запрягать шолько самыхъ дурныхъ лошадей, калекъ и вообще такихъ,

кои неспособны были къ верховой ѣздѣ: казаки думали, что достоинство лошади оскорбляется упряжью. Первый рыдванъ появился въ домъ атамана Данилы Ефремовича безъ рессоръ, на ремняхъ, усѣянный мѣдными гвоздями съ большими головками. Экипажъ сей новостію своею такъ удивлялъ тогда всѣхъ жителей, что когда атаманища ѣздила въ немъ по городу, то народъ выбѣгалъ на улицы и къ окнамъ домовъ, крича: *сама ѣдетъ*. Въ подражаніе Ефремовымъ заведись экипажи въ домахъ Поздѣева, Марфинова, Лукковича. Вскорѣ показалась у Ефремовыхъ и коляска тогдашняго фасона, а для зимы возокъ, расписанный яркими красками, обитый войлоками, цвѣтною шелковою матеріею и бархатомъ, со стеклами и съ жаровнею по серединѣ. Хошите ли имѣшь поня-

тіе о шогдашнемъ Донскомъ экипажѣ? Онъ запряженъ шурецкими лошаками или изувѣченными лошадыми; Калмыкъ занимаетъ мѣсто кучера; дородная дѣвушка или женщина на запяшкахъ вмѣсто слуги. Въ то время крестьянъ на Дону еще не было, а казакъ ни за что въ мірѣ не согласился бы поѣхать съ женщинами. Это почиталось такимъ безчестьемъ, котораго ничѣмъ не лзя было загладитъ. Старшина Павелъ Ѡмичъ Кирсановъ (*), уже въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія, первый выѣхалъ въ саняхъ на бѣгунѣ съ присяжными, что изумило весь городъ. Спуска нѣкоторое время, старшина Дмитрій Маршановичъ

(*) Почтенному сыну его обязанъ я многими любопытными свѣденіями о Донской старинѣ, и симъ изъясляю мою признацельность.

Маршвиновъ показался въ одноколкѣ на гордомъ конѣ.

Спаршины обращались съ казаками чрезвычайно просто и совершенно брашски. Даже и шогда, когда званіе войсковаго ашамана сдѣлалось не избирашельнымъ, и власть его въ народѣ была весьма значишельна, прежнее обхожденіе не измѣнилось. Данила Ефремовичъ Ефремовъ, бывшій генераль-маіоромъ и послѣ тайнымъ совѣшникомъ, никогда не чуждался *бесѣдъ* казачьихъ. Къ нему всякій приходилъ какъ къ своему шоварищу, и запросто говорилъ ему *ты*. Много забавныхъ анекдотовъ можно слышать о подобной простотѣ; шакъ напримѣръ: однажды казакъ, донося Ефремову, что войсковые плопы попали на мѣль, заключилъ рѣчь свою со всемъ добродушіемъ: *хоть тресни, Данила Ефремо-*

вигъ, не стацишь. Въ Рождество, старики разными компаніями, не исключая и лучшихъ старшинъ, ходили изъ дома въ домъ Христа славить, начиная обыкновенно отъ войсковаго ашамана. Самъ ашаманъ приспавалъ къ компаніи старшинъ, и вмѣстѣ съ ними ходилъ по всѣмъ жилищамъ города. Во всякомъ домѣ пѣли они *Христось раждается*, за что хозяинъ обязанъ былъ заплашить имъ. Собранныя такимъ образомъ деньги, иные отдавали на соборъ, другіе покупали на нихъ медъ для бесѣдъ своихъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Изъ частной жизни Донцовъ вы видѣли, что воспишаніе и образъ жизни дѣвнцъ и молодыхъ людей на Дону не благопріятствовали ихъ знакомству; мужчины могли видѣть дѣвушекъ только въ хороводахъ, иногда на гуляньяхъ, на свадьбахъ, или на крыльцахъ теремовъ; но всегда вмѣстѣ съ нянюшками или пожилыми родственницами. Иной дѣвицѣ до самаго замужства не удавалось сказать трехъ словъ чужому мужчннѣ. Старые Донцы находили грѣхъ въ томъ, когда холостой мужчина свободно разговаривалъ

съ дѣвушкою. « Не гляди въ глаза муж-
 « чинѣ, » твердила бабушка своей
 внучкѣ; « Богъ не дастъ счастья; » и
 внучка должна была опворачиваться,
 или пошуплять глаза въ присутствіи
 мужчинѣ. Думаешь не лзя, чтобы
 украдкою красавицы не заглядывались
 на стройныхъ юношей; чтобы муж-
 чина, которому уже намекали о же-
 нидѣбѣ, не назначалъ въ умѣ своемъ
 шой или другой себѣ въ жены; по
 рѣдкій Донецъ женился по собствен-
 ному выбору: большею частію роди-
 тели назначали ему невѣсту. Почте-
 ніе и послушаніе къ старшимъ всегда
 составляло у насъ главнѣйшую часть
 нравственнаго воспитанія; не было
 примѣра неповиновенія родителямъ.
 « Сыннокъ, тебѣ время жениться, » го-
 ворилъ отецъ: « мы съ матерью вы-
 « брали тебѣ невѣсту; она умѣетъ

« хозяйничать, изъ хорошаго дому и « *тиберка* » прибавляла мать. « Воля ваша, » ошвѣчалъ сынъ, и поклонъ въ ноги. Даже въ шакомъ случаѣ, когда самому жениху давалась воля избирать себѣ подругу, вліяніе родителей всегда почти располагало его выборомъ; надобно было, чшобы невѣста имъ также правилась, какъ жениху.

Дѣло начиналось смотромъ невѣсты. Женихъ съ однимъ или двумя пожилыми родственниками, опсправлялся, по большей части вечеромъ, въ домъ невѣсты, гдѣ принимали ихъ ея родители. Гости заводили разговоръ о дочери хозяйна, хвалили ея красоту, умъ, называли ее доброю хозяйкою и просили, чшобъ она имъ *поднесла*: позову матери красавица являлась, одѣтая по домашнему, держа въ рукахъ подносъ съ кубками вина, и разнесши

кубки опходила къ споронѣ, смиренно ожидая пока гости выпьютъ.

Разумѣеся спарики съ умысломъ медлили, чтобы дать жениху время всмопрѣшься въ невесту, и между пѣмъ хвалили вино и *поднощцу*. Принявъ бокалы, она удалялась, а въ слѣдъ за нею гости, копорые не переставали хвалишь дочку, оканчивая: «Богъ дастъ, она и насъ полюбишь.» Симвъ заключалось первое посѣщеніе жениха, и хопя не объявляли прямо о его намѣреніи, но самый приходъ его уже объяснялъ все.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смопра, присылалась со спороны жениха *сваты*, одинъ или два человекъ изъ родственниковъ или поспороннихъ. Выбирали для сего людей опытныхъ, копорые славились умѣньемъ высвашать, и могли насчиташъ до сощни

соединенныхъ ими парь. Случалось иногда, что дурной выборъ сваховъ ставили жениху въ укоризну, и единственно пошому отказывали ему въ невѣстѣ; объясняясь же самимъ родственелямъ жениха и невѣсты на счетъ своихъ дѣшей, почиталось неприличнымъ. Свахи начинали дѣло просто: «шакой-шо и такая-ша хотяшь вступити съ вами въ родство,» и разумѣясь осыпали похвалами жениха и его семейство. Если имъ отвѣчали благодарностию за доброе мнѣніе о догери; но отговаривались, что не могутъ выдать ее по немнѣнію всего нужнаго для свадьбы: шо это означало отказъ. Въ случаѣ согласія, невѣстину отецъ просилъ дать ему время посоветоваться съ роднею и назначалъ день, въ который свахамъ надлежало припши за отвѣщомъ. Невѣста въ семь

случаѣ не имѣла голосу; ей нравилось, или должно было нравиться все, что было угодно бабюшкѣ и мапушкѣ. Свахи, выходя изъ комнаты спарались непременно прикоснувшись рукою къ печи, приговаривая: какъ эта печь не сходить съ своего мѣста, такъ бы и отъ насъ не отошла наша невѣста. Искуснѣйшіе въ сватовствѣ не ограничивались однимъ этимъ и дѣлали много другихъ причудъ, полкуя, что онѣ помогаютъ успѣху.

Въ назначенный день по утру являлись тѣ же свахи, вынимали изъ запазухи кусокъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью, клали на столъ, говоря хозяйкамъ: « опець и маць такогшо кланяюшся, и просятъ приняшь хлѣбъ-соль. » Хозяйка вмѣсто отвѣта цѣловали госпинецъ. Сватовство, разумѣется, оканчивалось согласіемъ.

Свахи требовали, въ знакъ онаго руки. « *Дай Богъ въ добрый часъ,* » говорилъ опецъ, осѣняя себя крестомъ, и обернувъ полою своего плашья руку, подавалъ ее свашамъ. Мать клала земные поклоны, и повпоряя: « *въ добрый часъ* » подавала и свою руку. Это называлось у насъ *взять руку*. Подать или взятьъ руку, не завернувъ ее въ полу плашья, почишалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ стари-ну Донцы думали, что голая рука есть символъ бѣдности. Въ заключеніе, невѣста подносила по спакану меду свашамъ, кошорые и поздравляли ее съ женихомъ.

По большей части въ эшопъ же вечеръ дѣлалось *рукобитье*. Женихъ съ опцемъ, машерью и родными приходилъ къ своей суженой, въ домъ кошорой собирались ея ближніе род-

свѣнники. Тамъ встрѣчали жениха поздравленіемъ съ невѣстою, а онъ опивчалъ поклономъ въ ноги будущему своему шестю и щецъ, и спановился у порога. Родители двухъ споронъ, въ знакъ союза, давали другъ другу *руки*, называли одинъ другаго: *свапушка* и *свашинька*, и дѣлали *зарядъ* на случай отказа какой-либо стороны ошъ брака.

О приданомъ погдашніе казаки все не знали: никогда не женили дѣшей по расчесу, и для того при сватовствѣ даже не намекали о томъ, опасаясь унизить чистоту брака примѣсю къ оному какой либо корысти. Окончивъ всѣ условія, свашъ, кошорый игралъ здѣсь ролю церемоніймейстера, выводилъ жениха на средину комнашы; невѣсту спавили подлѣ по лѣвой споронѣ; подносили имъ по

рюмкѣ вина или меду, и молодые, выпивъ, цѣловали другъ друга. Сей первый поцѣлуй уже связывалъ ихъ навсегда; родичели соединяли имъ руки приговаривая: « дочь! вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ мой сынъ невеста; да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ. » Иногда при семъ случаѣ, невеста и женихъ дарили другъ друга. Между шѣмъ выносили огромный серебряный подносъ, уставленный серебряными съ чернью сшаканами, полными пѣннспаго меду или вина; женихъ, а послѣ него невеста, обносили всѣхъ гостей, которые, выпивъ до дна, привѣщивовали ихъ желаніемъ совершить *нагатѣе дѣло*. Сямъ оканчивалось *рукобитие*, которое на Дону означало шоже, что въ Россіи *помолвка*. Когда соединяли руки новой чепъ, женщины пѣли двѣ пѣсни:

Ой заюшка горностай молодой и Перепелушка рябля перушки; первую для жениха, вторую для невесты, повпоряя оныя во весь вечерь.

Совершивъ *рукобитье*, старики удалялись въ другую комнату запивать радостное начало дѣла, а жениха и невесту оставляли однихъ съ молодыми, чѣмъ ознакомиться и повеселились. На *рукобитъ* обыкновенно гости не оставались долго; назначали день для *сговора* и расходились. Женщины, проходя по улицамъ непременно шли *Заюшку* и *Перепелушку*, чѣмъ извѣстивъ жителей о происходившемъ.

Сговоръ былъ гораздо торжественнѣе *рукобитья*. Въ назначенный день двѣ *позыватя* со стороны жениха, и двѣ со стороны невесты, съ самаго утра, ѣздили изъ дома въ домъ съ

приглашеніями къ роднымъ и всѣмъ знакомымъ. Въ *позыватыя* обыкновенно избирались молодыя женщины, которыя умѣли *хорошо утрашивать*, были веселы, развязны, разговорчивы. Въ каждомъ домѣ онѣ должны были сказать *поклонъ отъ отца и матери* и просить на *сговоръ*, непременно прибавляя: « *да пожалуйста же мои родненькія*; въ каждомъ домѣ ихъ угощали сладкимъ *винцемъ* и также просили *непремѣнно выпить*, такъ что не рѣдко онѣ возвращались домой очень навеселѣ. Въ вечеру, обыкновенно къ 6 и 7 часамъ, собирались въ домъ невесты, собственно къ ней дѣвицы, а къ ея родителемъ замужнія женщины и мужчины. Дѣвушки помѣщались въ особой *комнатѣ*; всѣ прочіе гости, которыхъ всегда называли *стариками*, въ залѣ, посреди коей былъ

раскинуть большой столъ, покрытый скапертью; угловой столикъ, былъ уставленъ пряниками, орѣхами; сахарными закусками и *сѣмезками*. Все собраніе садилось, въ ожиданіи жениха.

Въ его домѣ собирались его знакомые; здѣсь пригошворяли 10 или 20 и болѣе блюди съ кренделями, пряниками, орѣхами, винными ягодами, финиками, и всякими сластями, да нѣсколько дюжинъ бупылокъ лучшаго меду и вина. Всѣ гости отправлялись съ сею хлѣбомъ солюю въ шоржествѣ въ домъ невѣсты: впереди несли блюда, за ними шли женатые мужчины, пошомъ замужнія женщины, и наконецъ женихъ съ молодежью. Хозяинъ и хозяйка встрѣчали ихъ на крыльцѣ, вводили въ залу и сажали сватушку, свашиньку и родню ихъ въ первыя мѣста; женихъ съ шоварищами спановился у порога;

принесенными блюдами и паничками уставляли раскинутый по срединѣ снопъ, чѣобы всѣ видѣли обильную хлѣбъ-соль. Ошець невѣстину, попомъ мать, обносили всѣмъ гостямъ по спакану. За симъ сваты требовали, чѣобы юная чета въ виду всего собранія *была сговорена*. Жениха и невѣсту славили посреди залы и повторяли пошь же обрядъ, который наблюдался при рукоблншь: родственники жениха и невѣсты, поздравляя, дарили другъ друга. Свекоръ и свекровь, въ семь случаевъ, должны были превзойти всѣхъ щедростію. Сговоръ оканчивался шѣмъ, что женихъ и невѣста подносили всѣмъ гостямъ вино или медъ, и принимали ошь всѣхъ по поцѣлую.

Ошь послѣдняго гостя невѣста убѣгала въ другую комнату къ дѣвуш-

камь, стараясь, чтобъ женихъ не успѣлъ ее упредить и помѣщалась между своими подругами, кои сажались сколько можно шѣсѣе, дабы не дать мѣста жениху. Это было ему наказаніемъ за чѣмъ вынуждѣнъ изъ рукъ невѣсту. Женихъ, опоздавшій занять мѣсто возлѣ своей суженой, долженъ былъ купить его у ея сосѣдокъ. Начинался шоргъ; женихъ набавлялъ цѣну по немногу, дѣвицы не уступали ничего, говоря, *что ихъ невѣста золотая, и недешево ему достанется.* Этошъ шоргъ забавлялъ всѣхъ: старикки оставляли свои спаканы и шолпалась изъ залы, чтобъ посмотреѣть на молодыхъ проказницъ; ихъ шушки приводили въ смяшеніе жениха, и часто заспавлиали его соглашаться на все, чтобъ получить мѣсто подлѣ невѣсты. Молодежь не оставала олъ жениха;

но ей нельзя было садиться между дѣвицами, а надлежало помѣщаться въ особомъ углу, или стоять у порога; только къ родственницамъ можно было подходить и вступать съ ними въ разговоръ, не нарушая благопристойности. Полчаса, часъ, и болѣе продолжалась пишина: молодежь въ своемъ углу шептала; черноокія красавицы неподвижно сидѣли на своихъ мѣстахъ, не смѣя посмотрѣть въ сторону, и только изрѣдка поглядывая на свой нарядъ, и поправляя полы алыхъ или малиновыхъ кубельковъ и плашки на шеяхъ, голубые съ бѣлыми каймами или алые съ зелеными. Всякая щеголиха старалась выказать при семъ случаѣ свои жемчуги, золошья серьги, чиклики.

Отъ привычки ли, или отъ того, что въ нашихъ обществахъ тогда не

знали еще нынѣшнихъ свѣтскихъ приличій, никто не скучалъ общимъ молчаніемъ. Мало по малу хозяйка, или кто нибудь изъ ея родственницъ заводила игры: въ *короли*, въ *контики* (*) и ш. п. Общество оживлялось: смѣялись, шутили, рѣзвились. Въ нѣкоторыхъ домахъ танцовали подъ балалайку, а послѣ подъ звуки оркестра, состоявшаго изъ двухъ скрипокъ, дудочки, цымбаловъ и баса и привезеннаго на Донъ Малороссіяниномъ Марковичемъ. Сначала *казагекъ*, и *журавель* были у насъ единственными танцами;

(*) Въ *контики* обыкновенно играютъ чепеоро, двое мужчинъ и двѣ дѣвицы: одинъ изъ играющихъ сложивъ вмѣстѣ концы карманнаго платка, подноситъ оные прочимъ; каждый выбираетъ для себя любой и развертываютъ платокъ; тѣ, коихъ концы придутся на крестъ, должны цѣловашь другъ друга.

попомъ введены: *Барыня*, *Какъ у нашихъ у воротъ*, и *Хлопушка*. Мужчины танцовали оплично; напрошивъ того женщины вовсе не обращали вниманія на танцы: всякая ходила, или прыгала какъ умѣла, и наши прелестныя, не смощря на свою неловкостъ въ семь дѣлъ, умѣли привлекать взоры и сердца. *Журавль*, *Барыня* и *Уворотъ* танцовались въ чепыре пары на подобіе кадрили, шолько безъ вальса; дѣлали однакожь круги, шень, кресты; прошивусшоящія пары сходились, расходились и кружились, перемѣняя дамъ. Въ *Хлопушкѣ* становились въ два ряда, какъ въ экосезѣ. Не скоро привыкли дѣвицы танцовать въ обществѣ. Въ кругу подругъ своихъ онѣ любили эшо невинное увеселеніе; но здѣсь, какъ рѣшишься спашь рядомъ съ мужчиною, дашь ему свою руку, кружишься

съ нимъ? Почти всегда при началѣ бала, лишь только мужчина подходилъ къ ней, она наклоняла голову и закрывала лице руками или плашкомъ, шакъ что хозяйка принуждена была насильно увлечь ее съ мѣста, и поставить въ пару. Невѣста въ сей вечеръ должна была переѣнншь два, или три нарядныя плашья, показывая шѣмъ свой избытокъ,

Но что дѣлали *старики*? У нихъ было свое веселье. Какъ скоро женихъ получалъ мѣсто возлѣ своей невѣсты, родштели его просили свапушку, свашиньку, и всѣхъ гостей къ себѣ въ домъ *смотрѣть пези*, какъ они говорили: шамъ посреди залы накрышь былъ шполь. Всѣ госши садились ужинашь. Хозяева, стараясь оплнчашься изобиліемъ, подавали блюдо шридцашъ и болѣе; за каждымъ пили вино и медъ;

и чшобы не было отговорокъ, ко всякому спакану придумывали шосшь: начинали обыкновенно здоровьемъ свашушки, попомъ свашиньки, будущей чешы, всѣхъ госпей порознь, и наконецъ пили за упокой умершихъ родственниковъ. Во время десерта веселые госши пѣли пѣсни, сначала богатырскія, попомъ плясовыя: *А кто въ моемъ во садуку; Ахъ матушка жениха; Утушка луговая. Тутъ была перепелогка* и проч. Женщины пускались въ пляску, двигаясь вокругъ стола и стуча въ ладъ каблуками шуфлей. Пиръ продолжался за полночь: женщины уходя пѣли по улицамъ, чшобъ во всѣхъ концахъ города, узнавали о бывшемъ сговорѣ.

Женихъ долженъ былъ плашить за всѣ издержки сего вечера, даже въ домъ невѣшны. *Послѣ сговора*, родствен-

ницы невѣсты оставались при ней безошлучно до самой свадьбы и шили для нее приданое. Если бы какую вещь вздумали ошдашь въ постороннія руки за деньги, то это ставилось въ укоризну *гиберкамь*. Женихъ съ друзьями бывалъ у невѣсты каждый вечеръ и имѣлъ право оставаться въ ея домѣ ночевать. Невинная молодость рѣзвилась въ эшомъ обществѣ: проведя весь день за работой, дѣвицы ввечеру съ нѣтерпѣніемъ ждали жениха, который, являсь съ узломъ закусокъ, приносилъ съ собою веселіе. До полуночи и далѣе продолжались игры: жмурки, чешки, короли, кончики и проч.

За два дня до свадьбы смотрѣли приданое или праздновали *подушки*; наканунѣ *дѣвизникъ*.

Первыя происходили такимъ образомъ: ввечеру собиравсь въ домъ

невѣсты знакомыя дѣвицы и женихъ съ молодежью. Изъ пожилыхъ мужчинъ и женщинъ участвовали здѣсь одни только родные. Сперва гости, одинъ послѣ другаго, входили въ комнату, гдѣ находилось приданое невѣсты: богатая поспель и множество плащя въ сундукахъ; *гиберки* предлагали имъ *садиться на подушки*. Женихъ съ невѣстою сѣли первые; шутъ швей подносилъ жениху стаканъ меду, который онъ выпивалъ въ нѣсколько пріемовъ, за каждымъ цѣлуя свою возлюбленную, и приговаривая: *медъ горекъ, надобно подсластитъ*. Осушивъ бокаль, онъ клалъ *гиберкамъ* деньги на подносъ. Потомъ *садилась* вся молодежь, одинъ послѣ другаго; каждый просилъ къ себѣ въ сосѣдки изъ присутствовавшихъ дѣвиць шу, которая ему нравилась, также пилъ медъ, цѣловалъ красавицу

сколько хотѣлъ, и плашилъ поднощицамъ деньги. Отпустивъ ошь себя выбранную, могъ онъ просить садиться другую, шрепью и шакъ далѣе. За всякимъ разомъ, когда мужчина оканчивалъ бокаль, поднощицы бросали въ сидящую пару подушками, приговаривая: « *раса сага басень* (*) ».

При всей застѣнчивости нашихъ красавиць, ни одна не могла совершенно ошказаться ошь *сидѣнія на подушкахъ*; но всякая, или почти всякая, непременно ошговаривалась нѣкоторое время изъ стыдливости, и наконецъ какъ будто уступала припужденію. Изъ всѣхъ нашихъ общественныхъ собраній, на одномъ только эшомъ дозволялась мужчинамъ нѣко-

(*) По Татарски: и вамъ того желаемъ.

шорая свобода въ обращеніи съ дѣвущками. Такимъ образомъ, до полуночи и позже, продолжали *садиться на подушки*. Иногда бывала здѣсь и музыка; но она не препятствовала сидѣнью: пока одни танцовали въ залѣ, другіе не переснавали срывать жаркіе поцѣлуи съ свѣжихъ дѣвственныхъ устъ.

Дѣвизникъ былъ для невѣсты послѣднимъ праздникомъ въ ея дѣвическомъ состояніи. Доселѣ она невинно предавалась движеніямъ душевной радости, воображая будущее счастье. Наконецъ наступилъ пошъ день, который издали казался ей столь благопріятнымъ, и душа ея невольнo прешала при мысли, что завтра она должна оставить семью свою, въ которой образовались ея наклонности и привычки, гдѣ она умѣла быть любимой дочерью; завтра должна она будетъ

вспунишь въ кругъ новыхъ людей, должна приняшь на себя обязанности, ей мало извѣстныя. Невольная грусть появлялась на свѣпломъ лицѣ неопытной дѣвы. Невѣста, на канунъ свадьбы плакала во весь день. Ввечеру, передъ захожденіемъ солнца, одна съ нянюшкою, ходила она на могилы своихъ предковъ; здѣсь въ безмолвіи гробовъ, принавъ къ землѣ, со слезами призывала усопшихъ родныхъ, въ свидѣтельство кляшвы, которую завтра произнесеть предъ олтаремъ Всевышняго; просила отъ нихъ себѣ благословенія, предспашельства ихъ у престола небснаго Отца, да благословишь Онъ новое поприще ея жизни.

Между шѣмъ невѣспины позыватые звали родспвенниковъ ея и знакомыхъ мужинъ и женщинъ на вечеръ, *наволаквватъ подушки*, и на другой день

на выданье невесты. Со стороны жениха свахи и дружка просили госпей къ нему каравай сажать, и на завтра встрѣтить новображныхъ.

У жениха съ самаго утра начинали гошовить каравай: когда сажали большой каравай въ печь, все собраніе держалось за лопату; дружка и свахи освѣщали печь, и свѣчи ихъ, обвитыя леншамми, на другой день вручались жениху и невестѣ для зажженія предъ олшаремъ.

Ввечеру, всѣ госши жениха, набравъ караваевъ, ошправлялись въ домъ невесты. Здѣсь грустная дѣва въ слезахъ сидѣла посреди подругъ своихъ, въ шой же убранной комнашѣ, имѣя на головѣ уже не плашокъ, и не челочъ, но высокую шапку изъ черныхъ смушекъ съ краснымъ бархашнымъ, или нарчевымъ верхомъ, украшенную цвѣ-

шамп и перьями; въ косѣ золошой косникъ. Подруги напѣвали ей жалобныя пѣсни о разлукѣ съ родными и предстоящей переменѣ жизни. Старики въ другой комнашѣ изрѣдка опоражнивали бокалы, въ ожиданіи жениха. Съ его приходомъ пѣсни замолкали, и молодые *садились* опять попарно на *подушки*, какъ на канунѣ. За симъ всѣ гости шли къ сполу, послѣ котораго женщины входили въ комнашу съ приданымъ и *припѣвая*: « *Сестрицы, подружки, несите подушки* и проч. » разбирали пошмель и другія легкія вещи изъ приданаго, и всею обществомъ *справлялись* къ жениху.

Съ наступленіемъ дня свадьбы (это бывало всегда въ воскресенье), въ домахъ жениха и невѣсты все было въ движеніи. Дѣвицы убирали невѣсту въ брачную одежду: богатый парче-

вой кубилекъ и шакою же рубаху; на голову надѣвали шу самую шапку, которую она имѣла на *дѣвизникѣ*, и косу заплешали по *дѣвизнѣ*; самыя лучшія украшенія изъ жемчуга и золота блиещали на ней. Съ благовѣспомъ къ обѣд-ни, отецъ и мать благословляли святою иконою невѣсту, кошорая, положивъ передъ иконою при земныхъ поклона, цѣловала свяшый ликъ, кланяясь въ ноги плачущимъ опцу и матери, и прощалась со всеми родными и домашними, сама заливаясь слезами. Между нѣмъ женихъ, получивъ опъ своихъ родителей благословеніе, отпра-влялся къ невѣстѣ: впереди шель священникъ со креспомъ; попомъ маѣлчики несли благословенные обра-за съ *пеленами*; за ними женихъ между дружкою и свахами въ парчевомъ каф-шанѣ, въ алой суконной черкескѣ,

обшишой серебряными позуменшами, въ красныхъ сапогахъ, шишыхъ золошомъ, держа подь рукою высокую шапку изъ сѣрыхъ смушекъ съ краснымъ бархатнымъ верхомъ. Рядомъ съ нимъ *храбрый поѣздъ*, или *поѣзжаные*, т. е., холостые друзья жениха, отдающіе ему послѣдній *молодегескій* долгъ; они сопутствовали ему къ невѣстѣ, въ церковь и назадъ домой, иногда верхомъ на борзыхъ коняхъ въ серебряномъ уборѣ. Впереди или подлѣ жениха шель *вѣдунъ* (збережашый), котораго дружка обязанъ былъ прискашъ за благовременно, и который не оплачался ошъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чшобы на порогахъ и припоякахъ, гдѣ ему подлежало проходить, не было чародѣйства, и чшобы въ пищу и питье не примѣшаль кто *порги*. Обыкновеніе наряжашъ жениха и невѣсту въ бога-

шья плашья было всеобщее ; брачная одежда сохранялась въ семействахъ , какъ нѣчто священное и переходила къ потомству. Не рѣдко видали внука и правнука передъ брачнымъ олпаремъ въ дѣдовскомъ вѣнчальномъ кафтанѣ. Во многихъ станицахъ , гдѣ въ шарину вовсе не умѣли или не любили наряжаться , было по одному общесвенному вѣнчальному плашью : краснаго сукна чекмень , цвѣшной кафтанъ и красные или желтые сапоги ; всѣ жили той станицы вѣнчались въ эпомъ плашѣ , возвращая оное по совершеніи брака въ станичную избу.

Женихъ находилъ невѣсту уже на *посадѣ* , въ переднемъ мѣстѣ подъ *святymi*. Подлѣ нее одинъ или два мальчика , брашья ея съ *державою* , *п. е.* , съ просною или шелковою плешкою , шишою золошомъ и убранною серебря-

ными бляшками и снурками. Малюшки, грозя плъщью, не допускали жениха къ невѣстѣ; дружка долженъ былъ купить у нихъ мѣсто. Отсюда юная чета въ большомъ шоржеспивѣ отправлялась въ церковь. Въ церковномъ притворѣ пригошовляли невѣсту къ вѣнцу: снимали шапку, расплетали косу, раздѣляли на двое длинные волосы. По окончаніи духовнаго обряда, у новобрачной заплетали косу уже по женски на двое, обвивали ими голову, надѣвали ей соболью шапку или *повойникъ*, и прежнимъ порядкомъ все отправлялись въ домъ жениха. Тутъ на крыльцѣ встрѣчали *молодыхъ* родители съ хлѣбомъ и солью, подъ которою вся процессія должна была пройти; когда проходили *молодые*, сыпали на нихъ пшеницу или другія хлѣбныя зерна, перемѣшанные съ хмѣлемъ, орѣхами, пряниками, мѣл-

кою монешою и проч., дабы новая чеша жила въ избыткѣ и счастіи. Угоспивъ свиню молодыхъ, опводили послѣднихъ на брачное ложе. Нѣкогда существовалъ у насъ обычай, что новая супруга должна была разуть мужа своего, который въ правомъ сапогѣ имѣлъ плѣшку, и при снятіи онаго, ласково, не говоря ни слова, грозилъ ею своей любезной.

Между тѣмъ званые гости собирались къ обѣду, въ которомъ хозяйка старалась блеснуть числомъ блюдъ и изобиліемъ. Пили шесты Царя, ашамана съ войскомъ Донскимъ, *молодаго князя съ княгиней*, ихъ родителей и каждого гостя порознь, а потомъ по обыкновенію, доходило дѣло и до покойниковъ. Передъ жаркимъ *поднимали молодыхъ*, обрядъ установленный для женской непорочности, который въ

по время соблюдался у насъ такъ строго, что когда подавали первое жаркое, по все общество пребывало, чтобы имъ показали *гость новобрачной*, а безъ того не разрывали жаркаго. Въ знакъ радости одобромъ имени молодой, дружкѣ навязывали на руки плашки, а свахъ окутывали разными матеріями крестообразно черезъ плечи, и всѣ гости прикалывали къ головному убору или къ груди киспочки свѣжей калины, какъ символъ невинности. Дружка и сваха, которые по большей части не сажались за столъ, а ходили кругомъ гостей, прося покушать и наблюдая, чтобы задравные бокалы осушались до дна, начинали пѣть свадебныя пѣсни, прославляющія честь *молодой*: попомъ пошчасъ отправлялись, какъ были въ *перевязкахъ*, къ родителямъ

новобрачной съ извѣстіемъ о порже-
ствѣ дочерней чесши и съ приглаше-
ніемъ на общій пиръ и *веселіе*.

И здѣсь также перевязывали ихъ
маперіями и плашками. Однакожь не
долго сохранялся у насъ сей обычай:
скоро стали приглашать родителей
молодой прямо къ столу, и въ ихъ
присутствіи *поднимали молодого кня-
зя съ княгиню*.

Коль скоро уносили столы, вводили
въ собраніе *молодыхъ*: впереди дружка
нёсъ на блюдѣ, покрытомъ шелковымъ
или парчевымъ плашкомъ, изрѣзанный
кусками большой каравай, котораго
каждая частичка была украшена се-
ребрянымъ лебедемъ или золоченою
сосенкою, и на каждой положено было
по немногу сыру; за нимъ сваха вела
за руки *молодого князя и княгиню*.
Созволивъ молитву, дружка откры-

валь каравай, разносилъ оный по порядку гостямъ, прося именемъ молодого князя и княгини, *сыръ-каравай* принимать и молодыхъ надѣлать, а молодые въ слѣдъ за нимъ подчивали ихъ виномъ или медомъ. Каждый изъ гостей, принявъ частичку каравая и бокаль, обнималъ новобрачныхъ, поздравлялъ ихъ, изъявляя различныя желанія и дѣлалъ имъ какой нибудь подарокъ. Дарили новобрачнымъ шабуны, куски богатыхъ матерій, кошорыя вѣшали молодой на плечо, дорогія вещи, оружіе, деньги. Если шестъ хоптъ одолжишь зящя, шо отдавалъ ему своего заметнаго скакуна съ сѣдломъ и ронзыкомъ. Объ эшихъ подаркахъ говорилъ цѣлый городъ; рассказывали: такой-то *положилъ на каравай* шабунъ, такой-то 500 овецъ, шоптъ домъ съ садомъ, отецъ *покрылъ молодую* парчею, мать роб-

раномъ. Родители молодой также получали въ это время подарки отъ сватовъ своихъ: отецъ сукно, а мать бархашъ, или парчу, всѣмъ прочимъ госпямъ дарили: мужчинамъ сафьяны, или плапки, а женщинамъ красныя шуфли. Оспальную часть дня проводили въ самомъ шумномъ пированьи: подносили вино госпямъ, то старшій сынъ хозяина, уже славный на поприщѣ военномъ, то малюшка внукъ, то дочь красавица, изъ жалованнаго царскаго ковша, или изъ завѣшнаго дѣдовскаго бокала, или изъ прадедовской чары, добычи Азовскихъ походовъ. Завистливое время бѣжало для нихъ быстро: разсвѣтъ другаго дня начинался прежде, нежели веселая бесѣда успѣвала окончить нѣсколько разъ повторяемые тоскы въ честь живыхъ и усопшихъ. Никшо, или почши никшо

не выпивалъ своего бокала, не изъявивъ громогласно желанія въ пользу того, чье здоровье онъ пилъ. Для разныхъ случаевъ были различныя поздравленія : « желаю здравствовать князю молодому съ княгинею, » говорилъ шрепещущимъ голосомъ старый воинъ, кланяясь на всѣ стороны; « князю опцу, машери, дружку съ свахами и всѣмъ любящимъ госпямъ, или *всей гестной компаніи* на бесѣдѣ, не всѣмъ поименно, но всѣмъ поравенно; что задумали, загадали, опредѣли Господи таланъ и счастье; слышанное видѣшь, желаемое получишь, въ чесши и въ радости нерушимо. » Собраніе отвѣчало ему: « опредѣли Господи! »

На другой день по утру, мать молодой присылала новобрачнымъ супъ изъ курицы съ изюмомъ и кореньями, и шакъ называемое *вареное*, приго-

повленное изъ вина съ сахаромъ и ароматными веществами. Блюда сѣ носили: няня молодой и бывшія ея прислужницы; всѣ онѣ были перевязаны шпунтами маперій, и одна въ карикатурномъ нарядѣ; проходя по улицамъ, онѣ немолчно пѣли свадебныя пѣсни, часто останавливаясь, чтобъ поплясать и привлечь вниманіе народа. Угощенія продолжались цѣлую недѣлю: участвовавшіе въ брачной церемоніи, переходя изъ дома въ домъ къ каждому изъ гостей по очереди, пи- ровали до самаго *нелзя*.

Наконецъ назначались такъ называемые *отводы*. Родители молодой давали у себя для всѣхъ прежнихъ гостей обѣдъ, на который являлись и новобрачные, въ первый разъ послѣ свадьбы показавшіеся шунъ въ чужомъ домѣ въ обществѣ. Разумѣется послѣ обѣда все

собрание пировало какъ слѣдуетъ : хлѣбосольные хозяева почитали за стыдъ не угостить *гостную компанію* шакъ, какъ она угощаема была на прежнихъ пирахъ.

Таковы были въ старину главные свадебные обряды у *Низовыхъ казаковъ*, и преимущественно въ Черкасскѣ, гдѣ они исполнялись во всей точности, какъ въ высшемъ сословіи, такъ и между самыми бѣдными казаками. Въ станицахъ *верховыхъ*, обряды сіи имѣли нѣкоторыя измѣненія; въ каждой было что нибудь свое собственное.

ДОНСКІЯ ПѢСНИ.

*Здѣсь предлагаются пѣсни для нотъ,
приложенныхъ въ концѣ книжки; про-
гія помѣщены въ текстѣ.*

I.

Какъ на славныхъ на шепяхъ было
Сараповскихъ,
Что пониже было города Сарапова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они брашцы во единый кругъ:
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Ашаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимо-
фѣевичъ,
Есауль у нихъ, Ашашка, сынъ Лав-
ренпьевичъ,
Они думали думушку все единую:
Ужъ-какъ лѣпо проходитъ, лѣпо шеплое,
А зима наспаешъ, брашцы, холодная,

Какъ и гдѣ-то намъ, брашцы, зимо-
вашь будетъ ;

На Яикъ намъ ишшишь, да переходъ
великъ,

Да на Волгѣ ходишь намъ, все ворами
слышь,

Подъ Казань градъ ишшишь, да шамъ
Царь споишь,

Какъ грозной-ша Царь Иванъ Васильевичъ.
У него шамъ силы много-множесшво.

Да шебѣ Ермаку бышь шамъ повѣщену,
А намъ казакамъ бышь переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по шюрмамъ поразсо-
женымъ.

Какъ не золошая шрубушка воспрубила,
Не серебряная рѣчь громко возговоришь,
Рѣчь возговоришь Ермакъ сынъ Тимо-
фѣевичъ :

Гей вы думайше, брашцы, вы подумайше,
И меня Ермака, брашцы, послушайше :
Зазимуемъмы, брашцы, всѣ въ Аспрахани,
А зимою мы, брашцы, поисправимся,
А какъ вскроешся весна красная,

Мы тогда-то, други братьцы, во походъ
 пойдёмъ ,
 Мы заслужимъ предъ грознымъ Царемъ
 вину свою :
 Какъ гуляли мы, братьцы, по синю морю,
 Да по синему морю по Хвалынскому,
 Разбивали мы, братьцы, бусы, корабли,
 Какъ и шѣ-то корабли, братьцы, не
 орленые,
 Мы убили посланничка Всецарскаго ,
 Какъ шаво-то вѣдъ посланничка Пер-
 сидскаго.
 Какъ во славномъ было городѣ во Аспра-
 ханѣ,
 На широкой, на ровной было площади,
 Собирались казаки други во единой кругъ,
 Они думали думу крѣпкую,
 Да и крѣпкую думушку единую :
 Какъ зима-то проходишь все холодная,
 Какъ и лѣто наспанеть, братьцы, лѣто
 шеплое,
 Да пора ужъ намъ, братьцы, въ походъ
 ипшишь ;

Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофѣевичъ:
 Ой вы гой еси брашцы Ашаманы молодцы,
 Эй вы дѣлайте лодочки каломенки,
 Забивайше вы почеша еловые;
 Накладайше бабаички сосновые,
 Мы поѣдимше брашцы съ Божьей
 помощью;

Мы пригрянемше брашцы вверхъ по
 Волгѣ по рѣкѣ,

Перейдемше мы брашцы горы крупыя,
 Доберемся мы до царства бусорманскаго,
 Завоюемъ мы царство Сибирское,
 Покоримъ его мы брашцы Царю Бѣлому,
 А Царя-то Кучума во полонъ возьмемъ,
 И за то - то Государь Царь насъ
 пожалуетъ.

Я шогда - то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
 Я надѣну шогда шубу соболиную,
 Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
 Принесу я Царю Бѣлому повинную,
 Ой - шы гой еси Надежа православный
 Царь,

Не вели меня казнишь, да вели рѣчь
говоришь :

Какъ и я-шо Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ;
Какъ и я-шо воровской Донской Ашаманушка;

Какъ и я-шо гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому;
Какъ и я-шо разбивалъ вѣдь бусы,
корабли ,

Какъ и шѣ-шо корабли все не орленые ;
А шеперича Надежа православной Царь
Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговоришь Надежа православной Царь ,

Какъ и грозной-шо Царь Иванъ Васильевичъ :

Ой-шы гой еси Ермакъ сынъ Тимофѣевичъ ,

Ой-шы гой еси Войсковой Донской Ашаманушка ,

Я прощаю тебя да и со войскомъ
пвоимъ ,

Я прощаю тебя да за швою службу,
 За швою-шо ли службу мнѣ за вѣрную,
 И я жалуя тебѣ Ермакъ славной шихой

Донь.

2.

Приуныло, приумолкло войско Донское,
 Приужаснулась армеюшка Царя Бѣлаго,
 Безъ вѣрнаго служителя Государева,
 Безъ Ивана Машвѣича Краснощокаго.

Взяли Краснощокова въ полонъ Шведы,
 Повели добраго молодца къ Левен-
 гаупцу.

Какъ и спалъ его Левенгаупцъ спра-
 шивашь:

« Ты скажи, скажи доброй молодець,
 не ушай ничего:

« Ты чѣмъ служилъ Царю Бѣлому,
 какъ шы жалованъ,

« Сошникомъ, полковникомъ иль брига-
 дирушкой? »

Рѣчь взговорилъ Краснощоковъ Левен-
 гаупцу:

« Я служилъ Царю Бѣлому ровно прид-
цапъ лѣпъ ,

« И не сошникомъ , полковничкомъ ,
бригадирушкой ,

« Я служилъ Царю Бѣлому рядовой
козакъ. »

Нѣпъ, не правду разудалой опкрываешь
мнѣ ;

На тебѣ, молодецъ, управушка не казачая,

На тебѣ-по управушка командирская ,

Я хочу тебя младца просипъ прозьбою :

Ты служилъ Царю Бѣлому ровно прид-
цапъ лѣпъ ,

Послужи ты Царю Шведскому хопъ
при года. —

Какъ воскрикнулъ Краснощоконъ Ле-
венгауппу :

« Ахъ , еслибы была при мнѣ сабля
оспрая ,

« Послужилъ бы я надъ твоей буйной
головушкой .

К О Н Е Ц Ъ .

С С Ы Л К И.

Частная жизнь Императора Петра I.

1) См. мѣру роста Императора Петра I въ Музеумѣ Импер. Академіи наукъ въ кабинетѣ сего Государя.

2) Scheltema Russland en Nederlanden. Amsterdam 1817. II.

3) Доспомятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго, рукопись Андрея Нарпова § 22. Отрывки помѣщены были въ С. О. 1819 года.

4) Scheltema — III.

5) Scheltema.

6) Нарповъ; Кашинъ; рукопись его помѣщена въ Рускихъ анекдотахъ, изданныхъ С. Глинкою. Москва 1820 года, ч. I. стр. 31.

- 7) Кашинъ, 31. Нарповъ § 80.
- 8) Tagebuch von Bergholz 2er Theil;
въ Бюшинговомъ магазинѣ ч. 20,
спр. 332.
- 9) Scheltema III.
- 10) Bergholz — Busching, ч. XIX; Bassewitz въ Бюшинговомъ магазинѣ ч. IX.
- 11) Нарповъ § 60.
- 12) Извлечено изъ дѣлъ сенапскаго архива..
- 13) Нарповъ.
- 14) Нарповъ.
- 15) Büsching T. XX.
- 16) Büsching T. IX. Bassewitz; — XXI Bergholz..
- 17) Нарповъ.
- 18) Нарповъ.
- 19) Кашинъ — въ Р. А. спр. 32.
- 20) Нарповъ.
- 21) Origina-lanekdoten v. Stählin. — Duclos.
- 22) Anecdotes sur le règne de Pierre

Le Grand, современная рукопись, находящаяся въ библиотекѣ кн. А. Я. Лобанова-Рословскаго. Жизнь Петра Великаго, изд. Галема III. 185.

23) Das veränderte Russland, von Weber, II. 23. Наршовъ § 80.

24) Weber, тамъ же.

25) Наршовъ.

26) Тамъ же § 6.

27) Тамъ же.

28) Тамъ же.

29) Галемъ III. 147. Голиковъ, Дѣянiя Петра Великаго.

30) Bguse 5. Reisen 138. Наршовъ § 80. Кашинъ.

31) Галемъ III. 177. Наршовъ.

32) Наршовъ, § 38.

33) Graf Lunar I. 34. Галемъ.

34) Bguse. — Наршовъ.

35) Bassewitz.

36) Голиковъ, Дѣянiя Петра Великаго.

37) Наршовъ § 80.

38) Bruce 138.

39) Тамъ же.

40) Нартовъ. Bergholz.

41) Bergholz.

42) Нартовъ.

43) Нартовъ.

44) Bergholz.

45) Нѣмецкая рукопись изъ библіотеки графа Сухтеленa, подъ заглавіемъ: Ueber die Veränderungen zu Zeiten Peter's des Grossen.

46) Нартовъ § 88.

47) Bergholz.

48) Нартовъ § 80.

49) Журналь Ив. Ив. Неплюева въ рукописи.

50) Bruce 138. Weber ч. II.

51) Bergholz. Богдановъ. Описаніе С. Петербурга.

52) Нартовъ.

53) Bassewitz.

54) Stählin.

55) Наршовъ. Bergholz.

56) Образъ сей и рубашка хранятся до сихъ поръ въ семьѣ Гг. Мухановыхъ.

57) Галемъ.

58) Scheltema II.

59) Тамъ же II.

60) Тамъ же II.

61) Тамъ же.

62) Тамъ же.

63) Въ собраніи собственноручныхъ писемъ Петра I, находящемся въ Московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

64) Stählin.

65) Bergholz.

66) Наршовъ.

Спашьи объ увеселеніяхъ и первыхъ балахъ почерпнуты изъ Беркгольца, Бассевица, Вебера, и Штелина (Ueber die Musik und Tanzkunst in Russland), Наршова, Кашина, изъ писемъ Гжи Рондо (Letters of an english Lady who

resided many years in Russia), изъ списанья
 А. Ѳ. Малиновскаго о Россійскомъ
 театрѣ, помѣщенной въ Сѣверномъ
 Архивѣ 1822 года.

*Частная жизнь боярѣ при
 Петрѣ I.*

- 1) Нартова рукопись.
- 2) Bergholz.
- 3) Weber.
- 4) Weber.
- 5) Leben des Grafen Scheremetef, von
 Müller.
- 6) См. Сокольничій уставъ въ Древн.
 Вивлиоикѣ.
- 7) Описание С. Петербурга Богданова.
- 8) Bergholz.
- 9) Тамъ же.
- 10) Bergholz.
- 11) Weber.
- 12) Bergholz.
- 13) Leben des Gr. Scherem., v. Müller.

- 14) См. планъ С. П. бурга 1716 года.
 15) Нарповъ.
 16) An account of Russia as it was in 1708, by Lord Whitworth.
 17) Описаніе С. П. бурга Богданова.
 18) Bergholz.
 19) Mémoires sur Pierre-le-Grand, par un ministre étranger.
 20 } Все это заимствовано изъ Берк-
 21 } гольцава журнала: многое такъ-
 22 } же изъ преданій.

Въ спашьяхъ о Донскихъ казакахъ помѣщены нѣкоторыя слова національныя, которыя не для всѣхъ чиншпелей, можешъ бышь, равно понятны. Здѣсь слѣдуешъ ихъ объясненіе.

Тула. Такъ называли у казаковъ прищлеца Ташарскаго племени, вновь поступившаго въ ихъ обществѣ.

Шертованіе, у Ташаръ и Каалмыковъ

присяга, совершаемая по обрядамъ Магомешанскаго или Ламанскаго законовъ.

Юртъ, всѣ земли и воды, принадлежащія какой нибудь спаницѣ.

Чеканъ, родъ молотка съ рукояткою, имѣющею длины около полутора аршина. Съ симъ оружіемъ обыкновенно гонялись за волками.

Тарпанъ, дикій конь.

Чикилики, женское украшеніе, связанное сѣпкою изъ жемчуга, которое обвивая чело, спускалось подъ ушами.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе..... v

Отдѣленіе I.

О частной жизни Императора
Петра I..... I

Объ увеселеніяхъ Рускаго двора при
Петрѣ I..... 55

О первыхъ балахъ въ Россіи..... 99

О частной жизни Рускихъ при
Петрѣ I..... 127

Отдѣленіе II.

Вступленіе..... 173

Рыцарская жизнь казаковъ..... 178

Частная жизнь Донцевъ въ концѣ
XVII и первой половинѣ XVIII вѣка 242

Свадебные обряды..... 298

Донскія пѣсни..... 336

ПЯТЬ

пять Понских національных
положены на музыку Т. Колоса.

въ мѣстѣ: фонтанъ Петра.

Andante *Solo.* *Tutti.*

N° 1.
 Chant
 Piano-
 Forte.

f *f* *f*

насъ бо.го на Де.ву. во Чер. *f*

насъ ка.ль ге.ро.и.ю. про.а си.ла.сѣ и. насъ *f*

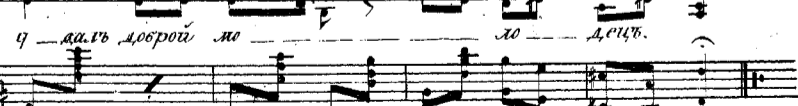
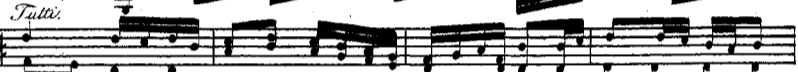
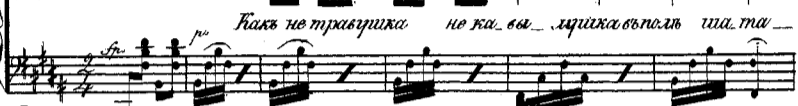
братъ и.сѣ. при.ро.же.на. е.стѣ.и. *f*

Andante quasi Allegretto. Solo.

No. 2.

Chant

avec
Piano-
Forte.

Andantino.

Solo.

№ 4.

Chord

arco

Piano

Forte.

Приутиххо при - - - ч . нел - - - кло Вей - - - ско Дон -

Tutti

f.

ско - - - о . приу - жасну - лавь ар - - - по - - - ша

Ца - ря сь - - - ло - - - ба .

Allegretto.

No. 5.

Chant.

avec
Piano

Forte.

Solo.

Ой вы брат — цывы бра — цы. А та — ма — ны

Tutti.

мо — лод — цы. не по — кинь — те ме — ня не — ца,

ца при бѣд, — но — сти.